

Дарья Бойко

ЛЕС ТВОИХ ГРЁЗ

Он голоден.
Ему нужна твоя мечта

Дарья Олеговна Бойко

Лес твоих грёз

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70233058

SelfPub; 2024

Аннотация

Любая душа – это непролазный лес мыслей и идей. Переживания, мелкие бытовые проблемы делают этот лес еще гуще. Вздываются вверх высокие сосны сомнений, а дорогу вниз преграждает непролазный кустарник страхов. Как не заблудиться в этом лесу, как не поддаться зову жуткого существа из самой его глубины? Быть может, стоит принять протянутую тебе руку помощи и ответить на дружескую улыбку?

Содержание

Пролог	4
Глава первая	5
Глава вторая	30
Глава третья	52
Глава четвертая	87
Глава пятая	122
Глава шестая	166
Глава седьмая	207
Глава восьмая	239
Глава девятая	272
Глава десятая	302
Глава одиннадцатая	334
Эпилог	364

Дарья Бойко

Лес твоих грёз

Пролог

Он голоден. Ужасно голоден и слаб. Нужно восполнить свои силы, напитаться этой светлой живительной энергией. Но кто даст ее? Кто поделится своей мечтой? Старые мысли и идеи надоели, стали пресными. Нужно искать...

И вот, вот оно! Свежее, сочное и нетронутое.

Плачет девочка на своей кровати, сжимается в комочек, будто пытаюсь превратиться в бесконечно маленькую сингулярность, чтобы потом взорваться великой пустотой. А за дверью ее комнаты кричат родители.

Пища!

Охотник появляется мгновенно – огромное существо, считающее себя самым главным. Он не знает, что он тоже пища и даже не самого лучшего качества

– Достань мне еды, – сипит голодное нутро. – И быстрее!

– Я отправлю Посланника, – охотник низко кланяется и удаляется.

А голодная тварь остается ждать в предвкушении.

Глава первая

Солнце сквозь листья

Снова грохот опрокидываемого на кухне стула, гневные крики отца, возмущенное восклицание матери, а затем плач и мамы. Женя тихонечко сжимается в своей крохотной комнатке и старается делать вид, что ее не существует, что это не она слышит эти ужасные звуки. Самое страшное то, что она уже не боится их. Нет, она давно привыкла из вечера в вечер слушать одно и то же. Большие всего она страшится, что в комнату может ворваться мать или отец и попытаться использовать ее в конфликте. И тогда как ни повернется дальнейший спор, а виноватой окажется лишь она одна.

Нет, она этого не хочет. Женя тянется к старенькому ноутбуку на краю кровати, надевает наушники и включает очередное аниме. Да погромче. Пускай оно оградит ее от ужасных звуков и еще более ужасных мыслей.

Девочка неслышно плакала.

Родители всегда ругались. Но если раньше это больше походило на ворчание и тихие недопонимания, то в последнее время ссоры превратились в бурю. И происходили они ежедневно. Первым закипал обычно отец. Он смотрел на мать и малейшее движение бровью вбок, малейший усталый вздох

взрывал его, и он начинал кричать: «Что, опять устала, сидя ведь день жопой на диване?!». Мать была робкая, и всегда сначала пыталась решить конфликт мирно, отвечая спокойно или вовсе сохраняя молчание. Но отец распалялся все сильнее, переходил на маты, начинал раскидывать вещи вокруг, пару раз даже прибежал к рукоприкладству. И тогда матери приходилось защищаться и нападать в ответ. В конце концов все кончалось тем, что отец доставал бутылку пива из холодильника и садился в углу кухни остужать горячую голову. Мать же молча прибирала беспорядок, мыла посуду и уходила – прятать слезы за очередным романом.

В этот вечер все происходило как обычно. И Женя в конце концов так и заснула в наушниках поверх кровати, борясь с позывом к мочеиспусканию. Ведь если она выйдет из комнаты, скандал может продлиться далеко за полночь.

– Обязательно запомни: на Карнавале никто не скрывает своих лиц. Все приходят в своем истинном облике.

– Но ведь смысл карнавала в том, чтобы веселиться в маске и не быть узнанным!

– Ладно, – собеседник вздохнул. – А теперь подумай: кто в реальной жизни не носит маску? Кто не старается быть веселее, смелее, интереснее, чем он есть? Понимаешь, да? Суть нашего Карнавала в том, чтобы снять маску и показать свое истинное лицо. И никто этого не стесняется, никто не скажет

слова против.

– Какой странный карнавал.

– Тебе понравится, я уверен.

– Пф, ну посмотрим!

Двое сидели на высоком уступе скалы, свесив ноги вниз и болтая ими из стороны в сторону. Одним из них был худой человек в черной водолазке и бутафорской маске серого зайца. Интересно, что именно он увещевал о том, что Карнавал это весело, при этом сам выглядел так, будто только что сбежал с него. А его собеседником была девушка в широких малиновых штанах, белой рубашке с коротким рукавом, коричневых сандалиях из множества тоненьких веревочек и коричневом же длинном-предлинном «бабушкином» кардигане. Волосы девушки были коротко острижены, неряшливо торчали в разные стороны и по следам краски по линии их роста можно было понять, что они совсем недавно приобрели свой приятный рыжий с розоватым отливом цвет. Девушке, которую звали Женей, нравился ее новый образ, совсем не похожий на прежнее мрачное обличье.

Но она все равно не верила рассказам того, кого все звали Заячьей Маской.

– Хорошо, в чем же тогда идти на этот твой Карнавал? Ведь на них обычно наряжаются, надевают что-то яркое и полуголое, – ей внезапно вспомнились фотографии бразильских карнавалов, – осыпают себя блестками, вставляют куда попало перья...

Заячья Маска тихо рассмеялся. У него был приятный, мягкий голос, а смех звучал бархатисто, как осторожные кошачьи шажки по мягкому одеялу.

– Нет, это совсем не то, о чем ты думаешь. На наш Карнавал ты можешь прийти, в чем захочешь. Главное, чтобы это была ты.

– Ну вот ни капли понятней не стало!– она с досадой толкнула его в бок.– Любишь ты загадки рассказывать, что совсем не понять.

– Просто ты с нами совсем недавно и не привыкла еще. Женя фыркнула. А потом повела плечами и мечтательно улыбнулась.

– Да ну, я как будто бы здесь всю жизнь. Все, что было прежде... словно осталось за стеной из толстого матового стекла.

– Все, кто сюда приходят, имеют такие же ощущения.

– А много людей сюда приходит?– девушка слегка наклонила голову вбок.– Мне кажется, я уже со многими успела познакомиться – даже с обитателями Реки, представляешь? – но все они появились здесь задолго до меня. Да и не так много здесь ребят.

Заячья Маска задумался на какое-то время. А потом ответил, слегка передернув плечами:

– Сюда приходят лишь тогда, когда в этом есть необходимость.

– Чья необходимость?

– Людей, конечно же! Если кому-то нужно найти тихую гавань, дорога в Лес открывается перед ним.

– Но как Лес чувствует это? Как Лес понял, что мне тогда... нужна была помощь?

– Лес знает все.

Женя улыбнулась, любовно оглядев раскинувшийся под ногами лесной простор.

– Он прекрасен и мудр, наш Лес. Не так ли?

– Именно так...

Заячья Маска какое-то время молчал, а когда снова заговорил, в голосе уже не было легкой смешинки.

– Как бы то ни было, а Карнавал через неделю. Будь готова. Главное, чтобы ты была собой.

Он поднялся на ноги и поспешил покинуть их каменную скамью, сославшись на неотложные дела. Женя проследила взглядом за тем, как он ловко спустился вниз и быстро зашагал вдоль горы. Перед тем, как скрыться в лесной чаще, что плотной стеной примыкала к горам, он поднял голову и махнул на прощание. «Ну точно зайчик-побегайчик», – не без улыбки подумала девушка.

Она вскинула голову и вдохнула свежий горный воздух. Он был таким же холодным, как и скалы вокруг, но холод этот совершенно не беспокоил ее. Это была просто приятная, отрезвляющая свежесть. Какое-то время она так и сидела на горном уступе, болтала ногами в воздухе и пропускала сквозь себя весь этот безумно приятный миг одиночества и

единения со своими мыслями.

Затем Женя встала и вошла в свою пещеру. Здесь было ее жилище. Пустой холодной пещерой оно казалось лишь снаружи, внутри же это был приятный дом из трех комнат, пусть без окон, но лучащийся каким-то своим загадочным мягким светом. Она прошла в свою спальню и критично поглядела на кровать. Сейчас это было широкое ложе, укрытое пушистым голубым покрывалом. Женя на миг прикрыла глаза, а когда их открыла, то кровать сменилась гамаком с множеством подушек. Ей нравилось менять свое жилище, и делала она это почти каждый день.

Раскрыв платяной шкаф, девушка задумалась. Ей казалось странным прийти на Карнавал самой собой. Но кто она такая? И какую маску нужно снять с себя? На миг мелькнул образ из старой жизни. Образ нелюдимои девушки, что почти все свое свободное время проводила за просмотром аниме или видеоиграми. Нет, это не она. То была лишь спячка, ожидание настоящей жизни.

Женя вздохнула.

– Может, кто-то знает ответ на загадку Заячьей Маски?– пробормотала она.

В голове замелькали образы лесных жителей, к кому можно обратиться за помощью. Ткачиха, что живет ближе всех? Нет, она может и поможет, но перед этим нужно будут выслушать все то, что она успела насобирать про других людей. Слепец? Точно нет, он ее даже не выслушает. Курильщица?

Эта особа весьма груба, так что тоже нет.

Путем долгих размышлений, Женя пришла к выводу, что, пожалуй, единственной, кто сможет ей помочь, будет Сердечница.

Быстро собравшись, Женя легкой пружинящей походкой направилась к Круглому озеру, где жила та, которую она могла назвать подругой.

Территория Леса, где они все проживали, была обширной, вмещала в себя все, что только существовало в природе: озера и реки, высокие горы, темные хвойные леса, дубравы и березовые рощи, луга, пустыню и даже ледник. Каждый из лесных жителей мог выбрать себе жилище по душе. Но только после ритуала Наречения. До него же все жили в горах. Заячья Маска объяснил это тем, что в горах мало кто живет, и никто из соседей не будет сильно беспокоить нового жителя, смущать его до полного единения с Лесом. А еще с гор открываются чудесные виды.

Несмотря на огромные, неохватные пространства, перемещаться по лесу было легко. То было одно из его необычных свойств – нужно лишь ступить на Тропу и в мгновение ока она приведет тебя туда, куда только пожелаешь. Либо же, напротив, если на душе царит меланхоличное настроение и есть потребность не спеша пройтись под кронами деревьев, то Тропа проведет тебя по всем живописным местам с красивейшими цветами и густейшими кронами, где птицы поют свои самые мелодичные песни.

Женя никуда не спешила, а потому и Тропа вела ее обычным путем. Сначала через густой кедрач, что обступал любимые горы, а затем в светлую тайгу, где вздымались кверху многолетние сосны и лиственницы, изредка разбавляемые скромными осинками и березками.

Сердечница жила на Круглом озере в окружении осинового леса. Если не считать Ткачихи, что обитала в глубине тех же гор, что и Женя, то она была ближайшей соседкой девушки. Они часто ходили друг к другу в гости. Разговаривали, пили чай в беседке Сердечницы и купались в озере.

Сердечница предпочитала осень, а потому осины вокруг ее жилища круглый год были одеты в золотой наряд, который постепенно темнел, становился коричневым, опадал, а на следующее утро голые деревья снова становились покрытыми желтой листвой. Это было просто чудесное зрелище. Около полуночи под звездным светом сухие листья начинали дрожать, издавая нежный хрустальный звон, постепенно дрожание усиливалось и листья поднимались в воздух. Они закручивались во множество вихрей и поднимались вверх, к веткам, с которых опали. Россыпью драгоценных камней они развешивались по ветвям стройных осин и оборачивались золотом. И все время, что шло это представление, не переставал звучать нежный звон, похожий на песню самих листьев.

В этот раз возвратный танец листьев был очень близок, и Женя шла сквозь лес, разгребая кучи прелой листвы под но-

гами. Когда между рдеющих стволов заблестела гладь Круглого озера, девушка увидела белый силуэт, рассекающий воду.

– Ты снова без меня купаешься?– с наигранной обидой воскликнула Женя.

Она выбежала на берег. Белый силуэт в воде, точно огромная изящная медуза, быстро приближался к ней. А потом из воды вышла высокая девушка в длинном белом платье, которое, намкнув, обволокло ее пышное тело. Вода капала с подола и темных волос, стриженных под каре. Сердечница улыбнулась. Ее карие глаза горели ровным, мягким светом.

– Тогда тебе придется жить здесь, чтобы не упустить ни одного купания,– ответила она.

– Да ну, у тебя всегда тут осень,– Женя поморщилась.– Не люблю оранжевый.

Девушки рассмеялись.

– Так что же привело тебя ко мне?– Сердечница жестом пригласила ее в беседку.

– Карнавал.

Беседка, белое изящное строение, внутри полное разноцветных подушек и, казалось, впитавшее в сами доски ароматы чая и трав, было выстроено прямо в центре Круглого озера. Попастъ в нее можно было по широкому деревянному настилу прямо над водами озера. В этом строении всегда было что-то... иномирное, что ли. Будто локация из какой-то чудесной красивой сказки.

Сердечница присела на фиолетовую подушку, совершенно не обращая внимания на то, что она сразу стала мокрой.

– Тебе не совсем понятно, чего хочет от тебя Заячья Маска?

– Да! Он хочет, чтобы я пришла на Карнавал самой собой.

– Порой его действительно трудно понять, – усмехнулась Сердечница. – Но тут ничего сложного нет. На Карнавал действительно все идут такими, какие они есть.

– Но как это понять? Вот я сейчас сижу перед тобой. Я ведь такая и есть. Мне так и идти?

– А говоришь ли ты, что чувствуешь? Думаешь ли то, что должно думать тебе? И являешься ли тем, чем тебе хочется быть? Одно дело чувствовать удовлетворение от жизни, а другое – чувствовать, что в ней ты – это ты.

– Хорошо, – Женя скрестила руки на груди. – А как ты пойдешь на Карнавал?

– А я туда не пойду, – Сердечница улыбнулась. – Потому что ходить на такие сборища это не мое. Я наблюдаю за Карнавалом отсюда.

– Ну спасибо, – Женя поджала губы. – Я надеялась, что хотя бы ты мне поможешь.

– Но ведь я и рассказала все что знаю. Будешь чай?

По легкому движению полной руки на небольшом столике в центре беседки появилось две чайных пары, небольшой исходящий паром и ароматом трав чайник и блюдечко с печеньем. Сердечница разлила чай и с наслаждением сделала

ла небольшой глоточек. Она даже зажмурилась от удовольствия.

– Ммм, какой вкусный получился... Попробуй.

Женя взяла печенье и откусила.

– А этот Карнавал вообще каждый год проходит?

– Конечно. Для нас это как Новый год! Все его ждут.

– Но не все туда ходят, – укорила Женя.

– А можно подумать, – Сердечница заговорила с набитым ртом, – на новогодних праздниках все подряд отдыхают одинаково. Праздник для каждого – это что-то свое, особенное.

– Может, кто-то другой сможет мне помочь... – пробормотала Женя, окидывая взором желтые осины, выстроившиеся кругом у озера.

– Это бесполезно. Никто тебе не скажет ничего конкретного. Все мы сами постепенно пришли к тому, что же для нас Карнавал. И тебе настало время сделать то же самое. Загляни в себя и пойми кто ты. Если ты сама не знаешь этого, то никто не может знать.

Женя тряхнула плечом. «Как раз это и самое сложное, – тоскливо подумала она одновременно с тем, как на желтые кроны налетел порыв ветра. – Кто я?»

Для того, кто вырос в городе, лес – это совершенно иной мир, где царят свои неведомые законы и порядки, которые порой пугают до чертиков, до нервной дрожи в коленях.

Городской паренек неуклюже пробирался сквозь лесную

чащу. Он уже не помнил, сколько времени провел здесь. Две или три ночи сна в сухом валежнике на тоненьком одеяле, наспех захваченном из дома. Запасы еды в рюкзаке стремительно заканчивались, а он даже на шаг не приблизился к своей цели. Он не знал, куда идти дальше, но и путь назад тоже уже потерял.

Постепенно молодым человеком овладевало безумие и отчаяние, но он продолжал идти вперед, ибо его цель еще никуда не исчезла.

Остаток тягуче-сладкого, как свежий цветочный мед, дня Женя провела в бродениях по лесу. Песчаная тропинка мягко вилась под ее ногами, вода по всем прекрасным и меланхоличным местам Леса и в конце концов привела к Реке. В Лесу было много мелких ручейков и бурных, неугомонных речушек, но Река была лишь одна. Широкая, спокойная и величавая, она была истинной королевой в длинном бирюзовом шлейфе.

День вступил в свой золотой час, наполнив окружающий мир особенным светом и теплом. Женя вышла на пологий зеленый берег, наполненный ароматами луговых трав, жужжанием деловитых пчел и плеском суетливых рыб под поверхностью воды. Она улыбнулась, разглядывая игру солнечных бликов над водой и села у самой кромки реки.

За спиной раздался громкий смех. Задорный, беззаботный, какой бывает только в детстве. Женя сразу узнала ис-

точник смеха.

– Привет, ребята!– крикнула она, не оборачиваясь.

То были Смеюны, мальчик и девочка. Неразлучные близнецы.

– Привет, Женя!– крикнули они ей.– Ты готова к Карнавалу?!

Она, наконец, обернулась к ним. Двое детей бежали через луг, держа в руках какие-то тряпки, ветви и еще невесть какой очаровательный хлам, имеющий столько смысла только для детей.

– Я только думаю об этом,– покачала головой девушка.– А чем вы заняты?

– А мы вот готовимся!– воскликнула девочка с горящими глазами.– Не представляешь, какие мы костюмы сделаем! А какие маски!

– Ну... здорово,– Женя на силу улыбнулась.– Увидимся тогда на Карнавале.

– До встречи!

Дети убежали, подгоняемые собственным хохотом, в то время как Женя осталась одна. Она еще какое-то время разглядывала поверхность Реки, следя, как солнце прячется за ней, как за пуховым одеялом. А затем встала и отправилась дальше.

И вот уже после заката на узкой тропинке среди высоких елей, чьи ветви подсвечивались множеством синих светлячков, особенно крупных в этой части Леса, к Жене снова вы-

шел Заячья Маска. В этот раз вся его фигура источала серьезность и строгость. Он был не намного старше Жени, но порой ей казалось, что перед ней тысячелетнее существо.

– Привет, – слегка вздрогнув, пробормотала она.

Маска улыбочивого зайца в мертвенном свете синих светлячков казалась особенно жуткой.

– Хозяин хочет тебя видеть, – даже в голосе Заячьей Маски не осталось и следа той смешливости, что была днем.

Женя испуганно отпрянула от него.

– Х-хорошо.

– Идем.

Хозяин Леса, Владыка, Лесоцарь – у него было много имен. И каждое вызывало трепет. Женя видела это существо лишь раз, когда впервые пришла в Лес. И то в тот раз это был лишь слабый намек на него. Он тогда промелькнул огромной тенью на фоне частокола деревьев, сверкнул синим светом и сказал: «Добро пожаловать, Заячья Маска проводит тебя».

Заячья Маска был посланцем его воли. Тем, кто доносил его слова до обычных жителей Леса. И, возможно, именно поэтому молодой человек, чье лицо скрыто под маской зайца, порой внушал такой ужас, что даже сердце замирало.

Лес, через который они пошли, был темнохвойным, очень похожим на тот, что рос возле гор. Только стволы здесь были толще и как будто бы менее плотные, слегка растворенные в окружающем пространстве. Громада гор, в которых обитала Женя, Ткачиха и еще пара других людей, оставалась по ле-

вую руку, закрывая своими пиками луну и звезды.

Повеяло холодом и Женя поежилась.

– Что Владыка от меня хочет?

– Это мне не ведомо, – Заячья Маска по едва заметной узкой тропинке свернул направо. – Думаю, это связано с Карнавалом.

Женя запнулась о какую-то травинку.

– Может, он мне поможет... – прошептала она.

Могущество Лесного Владыки никогда не подвергалось сомнению. Это существо могло одним движением пальца уничтожить любого из жителей Леса.

К этому моменту они подошли-таки к горам. Эта их часть была Жене не знакома. Отвесная скалистая стена здесь вырастала на ровном месте, вздымалась вверх и походила на разрезанную головку дырчатого сыра. Множество пещер зияли своими черными проходами.

– Иди, – сказал Заячья Маска.

– Куда?

– В любую их пещер. Выбирай сама.

Женя поморщилась и передернула плечами. Идти в пещеры не хотелось, но выбора у нее не было. Она вздохнула и вошла в ближайшую.

Необъятная тьма пещеры сковала ее множеством цепких черных рук. Они схватили за волосы, обвили талию, стянули руки и ноги. Женю посетило чувство, что она бредет в густом киселе.

– Я иду по приглашению Хозяина Леса,– Жене будто что-то подсказало так сказать.– Так что пропустите меня.

И будто по мановению волшебной палочки, тьма пропустила ее вперед. Идти стало проще, и на стенах пещеры зажглись выстроенные ровным строем фиолетовые светлячки – более крупные родичи синих лесных светлячков. Будучи жителем гор, Женя была знакома с ними, и порой они ее пугали, вот так вот зажигаясь внезапно в ее собственных пещерах.

Она догадалась, что светлячки – это местные провожатые, пошла за ними и в конце концов они привели в пещеру, которая подобно бутылке расширяясь, уходила тьмою куда-то вглубь. В пещерах в целом была комфортная температура, но из тьмы этого места веяло холодом, который пах ноябрьской прелой травой.

Светлячки здесь попадались единичными особями, хаотично разбросанными по самому началу пещеры, и Женя решила, что она оказалась там, где нужно.

– Я пришла,– промолвила она не громко, но эхо пещеры усилило ее голос во сто крат.

– Здравствуй,– раздался голос из тьмы. Тот самый голос, низкий, гулкий, звучащий будто из-под скафандра, что приветствовал ее тогда, у Переходного болота.– Проходи дальше, не бойся.

Женя кивнула куда-то во тьму, тихонько, про себя, пожившись. Сделала шаг вперед, еще один – и внезапно стены

пещеры сменились частоколом древесных стволов. То были высокие, вековые сосны. Жене не раз доводилось бывать в сосновом бору, но такого она еще не видела. Глядя на кажущиеся совсем мелкими кроны деревьев, что подпирали темное ночное небо, она вспомнила словосочетание, что прочитала в какой-то книжке про пиратов. Мачтовый лес. Вокруг был именно он.

Несмотря на ночь, здесь не было темно. Стволы деревьев издавали мягкое свечение цвета охры, что, смешиваясь с индиговостью ночи, создавало прямо-таки магическую атмосферу в этом месте.

Справившись с первым потрясением, Женя остановилась. Не было ни одного особо примечательного места.

И тут от тьмы между светящимися стволами отделилась тень и начала собираться в огромный, мощный силуэт. Появился большой прямоугольник, что видимо, обозначал тело, а над ним – слегка искривленный, словно проекция трехгранной пирамиды, треугольник. Чуть выше середины треугольника зажглись симметрично два красных огонька.

Женя склонила голову, догадавшись, что к ней явился Лесоцарь.

– Ты готова к Карнавалу, дитя?– спросил он спустя пару мгновений молчания.

– Я... нет, если честно. Не понимаю, чего от меня хотят. Темный силуэт колыхнулся, будто подбоченился.

– Заячья Маска немного не верно тебе все объяснил. Оно

и не удивительно. Ведь он лишь зеленый мальчишка в этом месте. На Карнавале ты должна показать истинную себя. Но это не значит, что ты должна прийти туда уже такой. Ты можешь найти себя на самом Карнавале, в этом не будет ничего страшного.

Женя нахмурилась. Она ожидала продолжения, что ей прямо скажут, что ей нужно делать, но Владыка переменял тему.

– Как хорошо ты знакома с другими жителями Леса? Они привечают тебя в своих домах?

– Да. Проблем у меня с ними не возникает, – девушка слегка улыбнулась.

– А что насчет твоего дома? Не хочешь ли вернуться назад? – голос темного силуэта стал странно дребезжащим.

Улыбка Жени померкла. Промелькнуло множество тесно сплетенных между собой образов. Она сглотнула, но не стала ничего говорить. Прекрасно понимала, что любое слово вызовет волну болезненных воспоминаний.

Но Лесоцарь, похоже, любил издеваться.

– Как давно ты вспоминала свою несчастную мать?

Слезинка прокатилась по щеке. А в голове четко нарисовался образ болезненно худой женщины, сидящей на диване в синей пижаме и с мечтательной, нежной улыбкой читающей книгу.

– Давно не вспоминала, – тихонько обронила Женя.

Фигура величаво колыхнулась.

– Ты хорошо борешься с воспоминаниями.

– Да...

Воцарилась тишина. Только сейчас девушка обратила внимание на то, что они были единственными источниками шума в мачтовом лесу. Даже кроны деревьев, что колыхались на ветру, не издавали ни единого шороха.

– Заячья Маска проводит тебя назад, – резко бросил Хозяин Леса и растворился во тьме.

А Женя оказалась у самого входа в пещеру, в которую вошла.

Спустя пару дней он окончательно понял, что заблудился. Холм, с которого он спустился и на котором располагался город, затерялся среди множества других абсолютно таких же холмов. Рядом с городом был лесоповал и поначалу он слышал его звуки, рассеянные по бескрайним лесным просторам. Но сейчас даже они пропали. Был слышен только весенний просыпающийся лес.

Любой из его городских приятелей уже давным-давно отбросил бы коньки в этом лесу, но Сашке повезло. Его покойный дед был лесником по профессии и охотником по призванию и все детство мальчика таскал его с собой по лесу. Именно поэтому когда встал вопрос о том, чтобы идти в лес, Саша ни минуты не колебался и хорошенько подготовился.

Однако его запасы еды подходили к концу. У Саши не было ружья, поэтому добывать пищу в апрельской тайге он мог

с большим трудом. Лишь раз за почти десять дней ему удалось поймать силком тощего полубезумного зайца. Поэтому приходилось довольствоваться лишь тем, что было в рюкзаке. А осталось там совсем мало – пара шоколадок, да пачка сухого печенья.

Нужно возвращаться, но, вот незадача, обратного пути уже не было.

Оставшиеся дни до Карнавала Женя провела в своих горах. Один раз навестила Сердечницу, но та была занята какими-то своими делами и постоянно отвлекалась. Девушка старалась не думать о предстоящем событии, ведь, как отнюдь не тонко намекнул Лесоцарь, вовсе не обязательно явиться на Карнавал во все оружие. Вполне достаточно будет того, что она туда явится.

Меж тем Лес едва уловимо изменялся, словно жидкое тесто в которое понемногу примешивают все больше и больше муки. Ночи были чернее, а дни светлее. И звуки будто бы выкрутили на максимум. Лес становился все... лесистее, если так можно выразиться.

И вот наступил день Карнавала. С самого утра к ней пришел Заячья Маска и торжественно вручил ветку рябины, на которой игриво, бусинками, висели красные ягоды.

– В Лесу вместо цветов принято дарить ветки?– неуклюже пошутила Женя.

– Это не подарок,– Заячья Маска, судя по тону его голоса,

был не в настроении.— Эта ветвь поможет тебе добраться до места Карнавала.

— Это примерно как рогатина, с которой ищут сокровища?

Если бы можно было увидеть его лицо, то сейчас бы стало ясно, что Заячья Маска поджал губы.

— Да,— он всунул ветку в руки Жени.— Как только солнце скроется за горизонтом, вставай на лесную Тропу и иди. Ветвь сама приведет тебя куда нужно.

— Что-то ты сегодня не в духе,— не могла не сказать Женя.— Пряма совсем.

— Зато ты явно счастлива,— огрызнулся Заячья Маска и передернул плечами под черной водолазкой.— Ладно, до встречи. У меня еще куча дел на это утро.

Когда он ушел, Женя тяжело вздохнула. Ей отчего-то стало жалко бедного паренька в маске зайца, который носил на своих плечах роль управляющего делами Леса. Или же он был просто в рабстве у Хозяина Леса, который гонял его со всякими грязными поручениями?

Женю вошла в свою пещеру и бережно положила рябиновую ветвь на стол.

До вечера было еще очень много времени и нужно было чем-то его занять. Читать, как она делала в часы досуга, не хотелось. Тревожить кого-то из соседей визитом в то время, когда она готовятся к Карнавалу, тоже не хотелось. И девушка в конце концов пришла к выводу, что имеет смысл выйти и просто пройтись по лесу. Прогулка на свежем воздухе

это всегда приятная возможность скоротать время наедине с чудесами мира и собственными мыслями.

Тропа мягкой лентой скользнула Жене под ноги, стоило только выйти из пещеры. И вот уже она ведет через темный хвойный лес, мимо высоких стволов сосен, молоденьких елей и густых зарослей шиповника. Местами дорогу перебегают густой брусничник. А следом за ним ступают с горделиво поднятыми фиолетовыми головами лесные герани — эти красавицы сурового северного леса.

Мысли перекачиваются в голове подобно ленивым волнам где-то у тихого песчаного берега. Жене не хочется ловить какую-либо из этих волн, седлать ее и мчаться в океан глубоких размышлений. Нет, она лишь мягко качается на поверхности, а то и вовсе сидит на берегу, опуская в воду лишь самые кончики ступней.

Как-то постепенно мысли ее переместились на предстоящее вечернее событие. Она попыталась представить себе, на что же будет похож этот странный Карнавал. Все соберутся в обычной своей одежде и будут водить хороводы? Или же все придут кто в чем горазд и начнется буйное веселье, подобное балу у сатаны? По телу Жени прошла дрожь предвкушения и нетерпения.

Между тем лес, против своего обыкновения, вокруг не менялся. Кругом все также были высокие сосны и ели.

Это было странно. Тропа обычно стремилась показать во время прогулки как можно больше интересных мест. А тут

вокруг была одна и та же местность. Она будто бы даже потемнела еще больше и при этом стала как будто бы тусклой, что ли.

Осознав это, Женя остановилась. Но окружение больше не выказывало никаких других странностей. Все также шумели кроны, в них чирикали птицы, да в кустах и траве кто-то копошился.

Но что-то все же неуловимо изменилось.

Женя поежилась. Почему-то все вмиг стало каким-то жутким.

В симфонию леса неожиданно вмешался какой-то посторонний звук. Было похоже, что на землю уронили что-то тяжелое. А затем раздались вполне себе человеческие звуки. Кто-то сдавленно плакал и разговаривал сам с собой.

Еще через пару дней он понял, что у него осталось всего два шоколадных батончика. Это вселило в и без того отчаявшегося молодого человека настоящую панику. Каково оказаться в глухом лесу без еды, в холодное время года и без надежды выбраться в ближайшее время? Что чувствуют, например, те грибники, о которых ежегодно передают в новостях, что они заблудились, слишком увлекшись своей тихой охотой? Пожалуй, это ведомо лишь тем, кто пережил такой опыт. Вокруг тебя лес, за много веков эволюции и прогресса успевший стать абсолютно чужим миром для человека. Он живет своей жизнью и абсолютно не обращает на тебя вни-

мания. А ты медленно сходишь с ума в этом плену.

Он решил поступить рационально и разделил каждый батончик на две части, а затем получившиеся кусочки еще на три. Таким образом еды у него хватало еще на четыре дня очень скудного питания. Еще он пришел к выводу, что стоит остановиться и расставить силки и ловушки. Быть может, ему повезет и какой-нибудь полубезумный заяц снова попадется.

Таким образом он разбил себе лагерь, выбрав место на солнечном пригорке, с которого уже сошел снег и земля просохла. Примерно за день до этого он видел вдалеке очертания ЛЭП, и если бы пошел в ту сторону, а потом пробирался бы через вырубленную полосу леса, то рано или поздно пришел бы в какой-нибудь населенный пункт. Но молодой человек не сделал этого. Он считал, что у него есть куда более важная цель. Был ли это юношеский максимализм, он не знал. Хотел лишь достичь своей цели.

Но ни на четвертый, ни на пятый день в силки ничего не попало. И на шестой день, едва соображая от голода, он отправился дальше. Жутко хотелось вернуться домой, но вслух он шептал лишь одно имя и просил: «Найдись, пожалуйста».

На седьмой день, с трудом пробудившись, он продолжил путь, но ближе к полудню понял, что сил у него больше нет. Ноги подкосились, и он тяжело рухнул на землю. Между тем воспаленный мозг давал о себе знать. Уже почти сутки он бормотал что-то себе под нос. Лишь бы не слышать урчания

желудка и не останавливаться на лихорадочных, безумных мыслях.

Не шевелиться оказалось так замечательно, что он даже лег на землю. Но слабый шорох чьих-то шагов заставил поднять голову. Затуманенным взглядом он увидел, что к нему кто-то приближается. А когда стали видны черты лица этого человека, он расплакался и потерял сознание.

Все было не зря.

Глава вторая

Украденные воспоминания

Школа была временным убежищем. Она не приносила забвения, но помогала отвлечься на другие проблемы. Женя не была ни отличницей, ни звездой класса. Обычная девчонка, перебивающаяся с тройки на четверку, да иногда по большой удаче хватающая пятерки. У нее не было близких друзей, но была парочка девчонок, с которыми можно пошутить во время урока, да компашика, с которой можно сбежать подымить втихушку на перемене.

Следующим утром она пришла в школу как всегда рано – Женя всегда ускользала из дома между тем временем, когда отец уже ушел на работу, а мать еще не проснулась. Старое панельное здание в три этажа дышало скукой и серостью. На дворе стояла середина апреля, и на улице было мерзко – серо, сыро, а иногда и внезапно снежно.

Женя спряталась за столовской пристройкой и начала курить, медленно и не спеша, наслаждаясь своим одиночеством. Пахнувший черникой дым вылетал из ее рта и кружил над головой, делая ее похожей на старую гусеницу из «Алисы в стране чудес».

– Вейпишь с утра пораньше?

Голос раздался у самого уха. Женя даже не шелохнулась, лишь сделала еще одну затяжку.

– А сам-то не за этим пришел?– она коротко глянула на говорившего.

Рядом стоял одноклассник Саня. Чем-то его осанка напоминала изящную букву «С», так как он сильно горбился, стараясь хоть как-то скрыть свой немалый рост, которого стеснялся. Теплые карие глаза дружелюбно и даже слегка наивно смотрели из-под кудрявой челки.

– Твоя взяла,– буркнул Саня и достал из кармана брюк помятую пачку обычных старомодных сигарет. – Как сама?

– Норм,– буркнула Женя, и в ее голове вихрем закрутились отзвуки родительских криков.

В обществе Саши всегда было спокойно. Он не старался лезть в душу, но если видел, что что-то не так, пытался развлечь легкой беседой, глупыми шутками и пересказом каких-то смешных сплетен. С ним Женя была знакома еще с начальной школы, и в компании Сани чувствовала себя спокойно. Это была дружба того сорта, что нельзя назвать особо крепкой и доверительной, но зато с такой дружбой ты знаешь, что в случае чего тебя поддержат хотя бы добрым словом.

– Слышала, что с Ивановны вчера в магазине парик свалился?– Сашка хохотнул. – Она наклонилась посчитать мелочь, а он – бац! – и на прилавок ... а-ха-ха...

– Фу,– Женя фыркнула, но смягчилась. Ткнула приятеля локтем. – А вообще, над больными смеяться плохо.

– Бу-бу-бу...

– Эй, ребята!

Подшли еще несколько одноклассников, и печаль на короткое время исчезла.

Женя испугалась. За все время своей жизни в Лесу она еще не встречала таких оборванцев. И он явно был не из лесных жителей. Лес бы не допустил, чтобы кто-нибудь из его обитателей дошел до такого состояния.

Незнакомец был молодым высоким парнем худощавого телосложения. Одежда на нем была грязная и истрепанная. На плечах надет огромный туристический рюкзак. На пояс, под темно-синюю парку, он приделал что-то типа ножен с охотничьим ножом, который валялся рядом с прищельцем. Лицо молодого человека под курчавыми темными волосами было изможденное, костлявое и заросшее щетиной. Этот человек шел по лесу явно не один день.

Первым делом Женя стащила с его спины тяжелый рюкзак. Это оказалось непростой задачей. Сложилось впечатление, что он весит в половину ее самой. Пыхтя, Женя оттащила рюкзак в сторону, а затем перевернула незнакомца на спину. А что делать дальше она не знала. Нужно привести его в чувства, но как?

Девушка осторожно похлопала его по щекам. Это не возымело никакого действия. Затем она встряхнула его за плечи. Никакой реакции

– Твою ж... – пробормотала девушка, в отчаянии огляды-

ваясь по сторонам.

Позвать на помощь? Но вероятность того, что ее кто-то услышит в малонаселенном Лесу крайне мала. И самой дотащить его до пещеры не получится.

Женя закрыла глаза и изо всех сил начала молить Лес о том, чтобы он перенес их двоих в ее пещеры – это единственное, что ей оставалось.

И Лес откликнулся на ее зов. Что-то зашуршало, а потом налетел сильный порыв ветра, который взлохматил короткие волосы Жени. Еще один миг – и она поняла, что находится в одном из помещений своего пещерного дома. Незнакомец переместился вместе с ней и теперь он лежал на толстом, теплом ковре.

Девушка снова попробовала похлопать его по щекам, но это ни к чему не привело. Тогда она решила прибегнуть к еще одному знакомому ей средству. Сбегала за холодной водой. Набрала от души, целое ведерко. И, вернувшись в комнату, вылила все на своего невольного гостя, даже не заметив, что у того уже начали слабо подергиваться веки.

Зато подействовало. Незнакомец задергался, резко сел и начал конвульсивно откашливаться. Отпрыгнув в тень, Женя внимательно на него смотрела. Что-то в этом человеке казалось ей смутно знакомым.

Кашлял он долго, а потом, поняв, что находится в незнакомом месте начал испуганно озираться по сторонам. Он не сразу заметил Женю, которая предусмотрительно спряталась

в тени шкафа.

– Й-оолкиии...– пробормотал незнакомец и медленно поднялся на ноги. Его пошатывало.– Где я, блин?

Он сделал пару шажков вперед, запутался в собственных ногах и тяжело рухнул на пол. Женя уже не могла остаться в стороне. Она выскочила из своего укрытия и бросилась на мокрый ковер рядом с незнакомцем.

– Ты как?– она ухватила его за плечи.– Нормально?

И тут его растерянный взгляд уперся в ее лицо. Различные эмоции разноцветным фейерверком выстрелили в этих влажных карих глазах. То были узнавание, удивление, огромная радость и что-то еще, заставившее сердце болезненно сжаться.

– Ж-женя...– прошептал незнакомец.

Брови девушки слегка дрогнули. В ее голове размытым пятном появилось имя... Сашка?..

Заячья Маска сразу понял, что в Лесу появился чужак. Ведь никто, кроме Владыки, не знал Лес так же хорошо, как он. Каждый день мрачный посланник воли Леса вслушивался в пение птиц, стрекотание насекомых, шепот деревьев, журчание воды. Каждый миллиметр Леса рассказывал ему о своем настроении, мелких радостях и заботах. Заячья Маска был внимательным и благодарным слушателем. Стоило ему только узнать от лесной герани, что она сохнет, так он тут же насылал дождь. Или отыскивал и возвращал домой выпав-

ших из гнезда птенцов иволги.

Жители Леса побаивались его и сторонились, называя Посланником. Заячья Маска знал, что виной тому могущество, что даровал ему Лесоцарь, когда нарек своим помощником. И каждый раз, вспоминая об этом, он мог лишь горько усмехнуться. Ему ведомы все тайны Леса, но тайны своей души он так и не познал.

В тот день, стоило ему только разнести все приглашения на вечерний Карнавал, Лес возбужденно зашептался. Деревья, непропорционально сильно дующему ветру, закачали кронами, и где-то вдалеке раздалась встревоженная птичья трель. Заячья Маска, занятый своими мыслями в этот момент, тут же очнулся и огляделся по сторонам. Он был в сосновом бору, совсем недалеко от того места, где обитал Горелый. Эта территория считалась приграничной и потому его не сильно обеспокоили тревожные сигналы леса.

Одна из сосен уронила невдалеке свою ветвь. Заячья Маска понял, что нужно идти туда. А, добравшись до небольшой поляны, буквально в паре шагов от границы, понял, что так волновало лес. На земле лежал большой туристический рюкзак и совсем недалеко от него – охотничий нож.

В Лес забрался чужак.

Вены на лбу под маской вздулись. Заячьей Маской овладел гнев. Кто посмел явиться в его дом?!

Словно полицейская собака Посланник еще раз огляделся вокруг, ища малейшие следы на земле, которые намекнули

бы ему, куда делся пришелец. Деревья не указывали никакого направления, лишь качали кронами, будто пожимали плечами. Зато ярко-оранжевая головка купальницы невдалеке совершала странные движения. Она то стояла прямо, неподвижно, то резко склонялась, исчезая в листве.

Внимательно к ней присмотревшись, Заячья Маска понял. Незнакомец переместился с помощью Леса.

– Женья!– теперь уже сам незнакомец вцепился в нее крепкой хваткой.– Женья! Это правда ты!

Оглушенная, девушка попыталась вырваться, но тщетно. Молодой человек вцепился в нее как утопающий в своего спасителя. Ее пугала мысль, что она знала этого человека, помнила даже его имя. Но все остальное напрочь вылетело из ее головы.

– П-подожд...– она попыталась оттолкнуть незнакомца.– Подожди! Отстань!

Чуть ли не ногой оттолкнув его, Женья отскочила в сторону. Молодой человек смотрел на нее безумным взглядом и тянул вперед руки.

– Кто ты такой?– спросила она, хотя уже знала ответ.

– Я Саша! Ты разве не помнишь меня? Мы были... друзьями!

Что-то темной размытой тенью промелькнуло в ее голове.

– Я...– пробормотала Женья, пытаясь сделать еще один шаг назад в надежде сбежать.

В этот же миг незнакомец бросился вперед и схватил ее за руку. Это прорвало плотину.

Школа, закуток за столовой, скучные уроки, сонная муха, летающая по классу... Маты отца с кухни, печальные глаза матери. Кафельные уродливые стены палаты для гемодиализа...

Мрачные воспоминания о том, что было в самом начале, буквально оглушило Женю. Она покачнулась и шлепнулась прямо на мокрый ковер, на котором все еще сидел Саша.

– Ну же... вспоминаешь?.. Женька... Я был твоим одноклассником. Мы учились в одиннадцатом классе, готовились к этим дебильным экзаменам... к выпускному.

Ее сердце болезненно защемило. Она вспомнила множество беззаботных моментов, когда друзья и одноклассники были рядом. Написание пробников и тихие сабантуи после них в ближайшем дворе... Бесконечная лента их классного чата. Вспомнив про чат, этот бездушный мир жестких слов, Женя мигом омрачилась, вспомнив, что на самом деле настоящих друзей у нее не было. Уж точно не в классе.

Заячья Маска был очень благодарен одинокой купальнице за информацию о том, куда делся пришелец. Он щедро наградил ее, удобрив почву вокруг и наслав на эту область Леса обильный дождь.

Проблемой лесных перемещений было то, что их невозможно было отследить. Лес – это живая сущность и нельзя

уследить за всем, что он делает. Это как попытаться понять, в какой конкретный момент времени человек сделал какой-то определенный вдох.

По всему выходило, что с незнакомцем был кто-то из лесных жителей. Лес не отзывается на вопрошения чужаков. Им это попросту не дозволено.

Заячья Маска решил отправиться к обитателю Леса, который мог располагать какой-либо информацией. То была Сердечница. Она была тихой наблюдательницей, что не знала слухов, но ведала истину, ведь ее сосуды протянулись через весь Лес.

Ее маленькое озеро с крошечной беседкой и домиком на берегу были погружены в спокойствие. Над осенним озером хмурилось небо. Сама же хозяйка этих мест стояла на веранде домика и поливала крошечный голубой цветок на его перилах. Цветок походил на маленькие ландыши, казался сделанным из стекла и переливался в лучах солнца всеми возможными цветами.

– Ты что-то забыл?– спросила Сердечница, даже не обернувшись.

Заячья Маска помедлил. Ему всегда было неловко разговаривать с Сердечницей.

– В Лес забрел незнакомец.

– И?..– девушка оставалась безучастной.– Ты уже прогнал его? Или отдал Владыке?

– Нет, он скрылся от меня. Его переместил Лес.

Девушка посмотрела на него через плечо, вскинув тонкие черные брови.

– Так наш Посланник не справился с задачей, – она укоризненно покачала головой и отставила крошечную лейку в сторону.

– Прекрати! – зашипел Заячья Маска. – Мне нужна твоя помощь. Открой свое сердце и ответь на пару вопросов. Кто-нибудь из жителей взволнован или, быть может, чувствует стыд?

– Сегодня ночью Карнавал, все взволнованы, – Сердечница пожалала плечами. – Больше всех волнуется Женя, оно и понятно – перед первым Карнавалом еще и без Ритуала Наречения, всем страшно. К тому же она еще не знает Леса, его жизни и традиций. Это слепой ребенок во тьме. Что же касается остальных... ну, все ведут и чувствуют себя как обычно. Так что я не знаю никого, кто бы мог подходить тебе.

– Спасибо, – сказал Заячья Маска.

Однако Сердечница еще не закончила.

– А вот ты очень сильно волнуешься, – ее глаза сверкнули. – Я чувствую это. Ты зол и взволнован.

Он сжал кулаки.

– Наш дом под угрозой, – тихо проговорил он. – Это моя вина.

Сердечница скривила губы в подобии легкой улыбки.

– Тогда иди и выполняй свою работу, Посланник.

А потом снова вспомнилась мама. Как она поздно вставала по утрам, плелась на кухню и слабыми руками готовила обед для домашних. Как осторожно стучалась в дверь Жениной комнаты и усталым голосом произносила: «Не хочешь сегодня прибраться в доме немного?». В такие дни после уборки они обязательно вечером выходили пройтись на улицу, доходили до ближайшего продуктового магазина и возвращались обратно.

Воспоминания о матери заставили Женю заплакать. Теперь уже она вцепилась в Сашку. Крепко, впиваясь отросшими ноготками в его предплечье.

– Саня... – прошептала она дрожащими губами. – А... как там мама?

Молодой человек качнул головой.

– Я видел ее сразу после того, как ты... пропала. Она была ошарашена. Она говорила всем, что ты убежала домой или в парк. Твоя мама уехала сразу тебя искать. А потом я ее не видел уже. Вроде бы с ней хотела поговорить полиция.

– Так ты ушел сразу? Следом за мной?

– Да... следующим же утром, – он сокрушенно покачал головой, обводя взглядом обстановку вокруг. – Что это вообще за место?

– Это место зовется Лесом, оно находится... – Женя пожала плечами. – Я не знаю, где оно находится. Сначала оно было в моей голове, в моих снах, а потом, когда я сбежала, оно оказалось реальным. Представляешь, когда я только ушла из

города, я спустилась с холма, прошла немного через наш лес и вдруг оказалась здесь. Меня встретил Заячья Маска и привел в эту пещеру.

Саша наградил ее долгим внимательным взглядом.

– Как ты вообще впервые услышала или эээ... узнала про это место?

– Оно мне приснилось, – Женя пожала плечами. – Мне было грустно, родители снова поссорились... ну ты помнишь, я рассказывала тебе об этом... легла спать и все. Во сне оказалась на каком-то болоте и заговорила с Заячьей Маской. Потом Лес еще несколько раз снился и это всегда было так прекрасно.

– А потом оно внезапно оказалось реальным, это место? – Саня изогнул бровь. – И все было как в твоих снах?

– Да, именно так! Даже лучше, наверно, потому что во снах я всегда видела лишь часть Леса, а теперь могу попасть в нем куда угодно.

– Ну а как я-то здесь оказался? Я же не видел это место во сне! И вообще просто шел по тайге, пытаюсь отыскать тебя.

– Я не знаю, – выдохнула Женя.

– Ладно, а кто такой Заячья Маска? Ты про него уже дважды говорила.

Она улыбнулась. Легкий жар и румянец завладели ее лицом.

– Это один из жителей Леса. Он за многое здесь отвечает.

– То есть он главный?

– Нет, главный здесь Лесоцарь, которому ведомы все дела в Лесу и который выбирает людей, что могут жить здесь.

Сашку заметно передернуло.

– Какой-то мужик выбирает людей, которые видят сны о непонятном месте, а потом оказываются в нем. Звучит очень жутко.

– Ну да,– Женя неуклюже улыбнулась.– И правда звучит странно.

Какое-то время они переглядывались между собой. Сашка пытался уложить в своей голове всю полученную информацию. Однако у него не получалось. Молодой человек хмурился и чесал грязную голову.

А Женя внезапно поняла, что они до сих пор сидят на мокром ковре.

– Ой, подожди секундочку,– вымолвила она и закрыла глаза.

Пожелать у пещеры высушить ковер и сменить одежду на Сашке было проще простого. А затем она махнула рукой на небольшой столик у дивана, и на нем появились тарелки с теплой вкусной едой.

– Чудеса...– пробормотал Сашка, однако на диван сел и с жадностью принялся поглощать еду. Женя старалась не думать о том, сколько дней он голодал.

– Ты меня искал?– спросила после некоторого молчания она.

– Конечно,– ответил он с набитым ртом.

– Зачем?

Его лицо неожиданно погрузтело. На истощенном лице появилась слабая, жалкая улыбка.

– Я не мог иначе.

Следующим Заячья Маска решил навестить Слепца. Ему, как и Сердечнице, были ведомы мысли и чувства лесных обитателей. Его растения росли повсюду, тщательно возделываемые и удобряемые эмоциями каждого обитателя Леса.

Слепец жил рядом с Переходным болотом. Здесь застоялая вода с ряской и камышами превращалась в настоящую топкую трясину, и пройти могли лишь те, что по едва заметной вмятинке на траве отгадывал дорогу. Лесной Тропы здесь не было.

В самой глубине трясины на более-менее плотном участке земли стоял деревянный дом без окон и с пологой крышей. А перед странным жилищем раскинулся невиданной красоты сад с цветами, чьи листья и бутоны были будто высечены из горного хрусталя самых разнообразных цветов. Когда на болотную трясину налетали порывы ветра, цветы издавали жалобный хрустальный звон, больше всего походивший на плач.

Хозяина дома всегда можно было найти среди цветов. Этот раз не был исключением. Заячья Маска увидел среди хрустального зеленого плюща узенькую сторбленную спину.

– Слепее-ец!– не слишком громко окликнул он, чтобы

ненакором не напугать.

Спина разогнулась, и перед Посланником оказался худенький мальчик лет семи-восьми с необычайно взрослым, серьезным лицом и слепыми неподвижными глазами.

– Что тебе нужно опять?– раздраженно спросил он.– Ходишь тут, топчешь мои растения и наводишь смуту. Никто не должен ходить сюда, чтобы не портить цветы.

Заячья Маска пожал плечами.

– Я выполняю свою работу. Мне нужно узнать не передавал ли один из твоих цветов каких-то тревожных сигналов? Быть может, какой-то из них пошел в сильный рост в последнее время или...

– Ты имеешь в виду те цветы, что я раздаю соседям?– раздраженно перебил его Слепец.

– Именно.

– С ними все в порядке.

– Точно?

– Да что ты ко мне прикопался-то?! Я же сказал, что все в порядке!

– Ладно, спасибо,– Заячья Маска слегка наклонил голову и поджал губы.

– Ага, иди уже.

Возвращаясь назад по болотным мосткам Заячья Маска начинал испытывать глухие удары отчаяния. Если он не найдет беглеца и виновного в его исчезновении лесного жителя до Карнавала, не сносить ему головы. Лесоцарь очень жесток

на расправу.

Сашку пугало это место. Ему не нравилось, что здесь все кажется гнилым и затхлым, не нравился даже запах пещеры, в которой он казался. Она пахла старым деревенским кладбищем.

А Женя... она выглядела и говорила странно. Будто бы вывернутая наизнанку копия той девчонки, которую он знал. Эти волосы, яркая одежда – Женя, его Женя, почти всегда ходила во всем черном! И ее слова, это глухое смирение со своей жизнью, как у древней старухи, которая готова сесть в кресло и умереть прямо здесь. Но, кажется, воспоминания ободрили ее, а после разговора о матери, что-то зажглось в ее глазах.

Женя любила свою мать, Сашка это хорошо знал. Она всегда говорила о ней с нежностью и каким-то надрывом, будто бы готовая вот-вот расплакаться. Однако в последнее время в их отношениях что-то заметно изменилось. Женя часто приходила в школу злая, о матери не говорила и сбрасывала ее звонки. Она рассказала другу о причине такого поведения, но Саша считал, что она не права. Ирина, мать Жени, была серьезно больна и ей нужна была поддержка единственной дочери. А в такой жизненной ситуации, как сейчас, особенно.

Но Женя решила просто сбежать от всех проблем.

У Заячьей Маски, в отличие от всех остальных жителей Леса, не было своего дома. Спал он где вздумается. Трава служила ему мягкой постелью, а деревья прятали от дождя, если ему вдруг хотелось, чтобы ночью шел дождь. Когда-то даже сам Лесоцарь настаивал на том, чтобы Заячья Маска возвел себе жилище. Но Посланнику намного больше нравилось быть вольной птицей, что может спать где вздумается.

Времени у него оставалось совсем мало, солнце уже окрашилось в золотой предзакатный цвет. Но и тех, к кому можно было обратиться, тоже осталось совсем немного. По пути от Слепца он зашел к Курильщице, но эта старая сплетница совсем ничего не знала и была сильно поглощена подготовкой к предстоящему ,Карнавалу.

И деревья молчали. Если раньше они хоть какие-то подсказки пытались давать, то сейчас лишь жалобно трепыхали листочками.

Заячья Маска начинал злиться.

Но Лес не имел чудесное свойство: он не мог позволить кому-то испытывать плохие эмоции. И очень быстро Тропа привела его в прекрасную березовую рощу.

Сашка все ел и ел. Жадно впиваясь в каждый кусочек и зажмуривая глаза от удовольствия. А потом все обильно запивал соком. Женя смотрела на него с щемящим сердцем. Ей даже представить было трудно, через что довелось ему пройти перед тем, как добраться до нее. Но она очень ценила

то, что он пошел следом за ней.

Быть может, у нее все-таки был настоящий друг?

– Спасибо,– от души поблагодарил Сашка, когда наелся. Он откинулся на спинку дивана и поморщился.– Теперь желудок режет, блин.

– Сколько дней ты не ел?– Женя взяла одно печенье и откусила маленький кусочек.

– Позавчера, кажется, я доел последнее.

Сердце Жени болезненно екнуло.

– Зачем ты вообще пошел за мной?– тихонько спросила она.

– Потому что беспокоился. Ты все последнее время была очень странной. Я думал, что дело только в твоём отце, но теперь понимаю, что случилось на самом деле.

Женя промолчала, лишь захрустела ещё одним кусочком печенья.

– Что ты планируешь делать дальше?– спросил Саша.– Так и будешь оставаться в этом... месте?

– Почему бы и нет?– она пожала плечами.– Там я слишком ужасно поступила для того, чтобы иметь право вернуться. Да и не ждет меня там ничего хорошего.

– Женя, но ты же ведь даже не знаешь, что это за место такое! Где оно, что оно, кто тут вообще живет. Об это ты не задумывалась?– Саня негодуяще всплеснул руками.

Она отвернулась.

– Не все ли равно?– тихо проговорила девушка.– Здесь

тихо, спокойно. Я большего не хочу.

– И тебя не беспокоит, что ты ничего не знаешь об этом месте?

– Ни капли. Постепенно я все равно узнаю его.

– А если он не такой как тебе кажется?

Женя рассмеялась.

– Мне абсолютно все равно, поверь. Даже если меня тут расчленият и сожрут, то мне будет все равно, потому что последние дни я провела в спокойствии.

Эти слова явно ужаснули Сашку. Он подался вперед и схватил Женю за руку.

– Ты что такое говоришь?!– воскликнул он.– Тебе жить надоело?! Давай возвращаться домой, не дури. Тебя мать дома ждет.

Женя заколебалась буквально на миг, но потом тряхнула головой и встала.

– А у меня вечером карнавал. И мне нужно готовиться.

Когда обычные березы в зеленом кружеве своих крон сменились голыми, покрытыми копотью стволами, Заячья Маска понял, что его занесло во владения Горелого. Здесь земля была укутана серым пеплом. И он же снежными хлопьями валился с когтистых крон деревьев. Животные в эту часть Леса почти не забредали, лишь изредка залетали какие-нибудь отчаянные или дурные птицы, садились на хрупкие ветки, издавали пару тревожных криков и возвращались восво-

яси.

В самой глубине леса стоял крошечный домик, больше похожий на охотничью заимку. Возле дома располагалась скамейка, на которой обычно сидел хозяин, с тоскою глядя вдаль или же читая какие-то старые газеты.

Мужчине было за сорок, но его лицо больше походило на стариковское. Глубокие морщины впились в его кожу, трещинами расходясь от глаз, рта и лба. Да и в коротко стриженных волосах было очень много седины. Он был похож на обычного работягу, но неизмеримая тоска в глазах придавала ему какого-то печального, хрупкого благородства.

– Здравствуй, Горелый,– в некотором замешательстве Заячья Маска остановился рядом со скамьей. Он не знал, зачем Тропа привела его сюда.

На коленях, покрытых старыми трениками, мужчина держал газету с лицом какого-то политика и громким заголовком в полстраницы.

– Привет,– тихо проговорил мужчина.– Тебе что-то нужно?

– Да нет,– он сел рядом на скамейку.– Просто случайно забрел.

– Чай будешь?

Заячья Маска едва заметно кивнул. Горелый поднялся, отложив в сторону газету, и быстро сходил в свой дом. Спустя минут десять он вышел и протянул Заячьей Маске эмалированную кружку с нарисованными на ней ягодами, вто-

рую такую он взял себе. Обе кружки исходились паром с мягким приятным запахом мяты.

– Спасибо,– Заячья Маска пригубил чай, осторожно приподняв самый краешек маски.

– Как у тебя дела?– Горелый иногда напоминал заботливого дядюшку.

– Да нормально, готовлюсь к Карнавалу... в Лес пришел незнакомец,– и, прихлебывая мятный чай, Посланник рассказал обо всех событиях дня.

Горелый лишь кивал и крутил в руках свою кружку.

– А что, если этот чужак пришел один? И Лес по ошибке переместил его?

Заячья Маска затряс головой.

– Такого быть не может. Лес перемещает только тех, с кем знаком.

– А может, это кто-то из Кандидатов?

– Тоже сомневаюсь. Я бы знал об этом.

– Хмм... И кого же ты подозреваешь после всего?

– Не знаю. Это может быть кто угодно.

– Но у кого больше причин помогать постороннему человеку? И кто может подойти под наблюдения Сердечницы и Слепца?

Заячья Маска глубоко задумался, допил чай и вздохнул. В голове не было ни единой идеи. На самом деле его занимал еще один вопрос.

Как же Лес пропустил чужака?

– Я не знаю, Горелый,– Заячья Маска отставил кружку в сторону.– У меня нет идей.

– Возможно, стоит подумать еще?– мужчина отечески ему подмигнул.– Успокойся и разложи все по полочкам. Это очень помогает.

Он качнул головой.

– Нет времени. Карнавал уже начинается.

Глава третья

Карнавал

Город, в котором жила Женя, был совсем небольшим. Это был таежный городишко где-то в центре Сибири, окруженный со всех сторон густой тайгой и этой тайгой существующий. В городе расположилась лесодобывающая и лесоперерабатывающая компания, в которой работал каждый второй взрослый горожанин. Зарплаты на предприятии были высокими, но полностью перекрывались высокими ценами на продукты в городе и, в конечном счете, все жили здесь также, как и в любом другом уголке России: от зарплаты к зарплате.

На окраине города был парк, который плавно переходил в лес. Сначала он был ухоженный, с аккуратными тротуарами и новыми скамейками, затем тротуары превращались в натоптанные тропинки, а скамейки – в порушенные деревянные лавки без спинок, а затем и вовсе начинался густой лес.

Жене нравилось это место, ведь в нем помимо набивших оскомину хвойных деревьев росли еще и березы с осинами, высаженные здесь еще на заре Советских времен, когда город только-только образовался. Девочка любила проходить через весь парк, садиться на самую последнюю лавочку лицом

к тайге и наблюдать, как светлые деревья постепенно поглощаются темными. Учитывая то, что парк находился на довольно высоком холме, а тайга сбегала вниз в долину, выглядело это особенно зрелищно, будто светлый мир низвергается в темную туманную бездну.

Женя миновала парк, будто бы нарочно (кто знает, как было на самом деле), избегая редких прохожих, представленных в основном матерями с колясками да романтически настроенными парами подростков, и села на свою любимую лавочку. Ее редко кто занимал, потому что она была сломана и не шаталась под тобой лишь тогда, когда ты сиделся в определенное место в определенной позе. Неудобно, но зрелище того стоило.

Сначала девушка меланхолично наблюдала за сонным движением облаков по небу. Они едва волоклись в сторону горизонта, будто сильно устали или не выспались. «Глупые, – укорила их Женя, – валить нужно отсюда как можно быстрее».

А после взгляд ее медленно сместился к таежной долине внизу. По некоторым причинам местные жители не любили спускаться в нее. Грибы, ягоды обычно собирали в другой стороне города, за дачами. А на речку ездили в черте города. Темный распадок никого не привлекал, даже отчаянную молодежь, ищущую приключений. Женя и сама ни разу там не бывала. Но она была уверена, что все в городе, как и она, испытывают странную тягу спуститься туда, вниз и по-

лазить в темной чаще по густому бурелому.

Как и положено, про странное темное место рассказывали еще более странные истории. Кто-то говорит про то, что там полным-полно медведей, которые отчего-то не могут впасть в спячку и становятся каждую зиму шатунами и задирают попавших к ним людей. Кто-то шепчет про жуткое вонючее болото в самой глубине чащи. А кто-то ехидно смеется про химические отходы, похороненные там еще советскими властями.

Как бы то ни было, а истории водились и в избытке. И Женя отчего-то была уверена, что в каждой из этих страшилок есть толика правды, ведь истина всегда где-то посередине.

Незаметно пролетело время до вечера. Пришла пора собираться домой, иначе велик риск начать выслушивать мамينو бухтение. Женя поднялась на ноги и поправила рюкзак за плечами. И уже развернулась, чтобы пойти домой, однако не удержалась и кинула последний взгляд на темный лес. Он звал, он настойчиво шептал в ее ушах: «Приди ко мне! Приди же!»

Защемило сердце. Настойчиво, болезненно. Тук-тук. Стопы сами собой повернулись в сторону лесной чащи. «А к черту все!» — мелькнула мысль в голове Жени, и она побежала...

В сторону дома.

Серые панельные девятиэтажки в Женином дворе стояли эдаким колодцем, внутри которого находилась детская площадка, построенная из железных труб по принципу: «Палка-палка, вот и турник, добавим еще и получим лестницу». Из всего того, что было нагорожено во дворе, дети пользовались только песочницей, а все остальное приватизировали женщины старой закалки, каждое утро, за исключением дождливых дней, развешивавшие на турниках постиранное белье. Дети же и подростки предпочитали бегать в соседний двор, где на высокую сосну кто-то особенно рукастый подвесил две тарзанки. Заботливые родители во главе с учителями местной школы часто порывались вырвать этот корень зла и детских травм, но старшеклассники упорно им противостояли, каждый раз возвращая самодельные качели на место. Женя и сама любила эти тарзанки, особенно ту, что повыше. Если посильнее раскачаться на ней, то можно представить, как ты отпускаешь руки и влетаешь во-о-он в то открытое окошко на девятом этаже, где тетя Оля печет свой очередной кособокий тортик.

Скудное апрельское солнце уже начало клониться к закату, когда Женя наконец-то добралась до дома. Через парк она пробежала быстро, однако потом замедлилась и по городским кварталам буквально плелась, не желая возвращаться домой.

Но вот и подъезд, вот и дверь квартиры на четвертом этаже. Дверь была старая, оббитая коричневым дермати-

ном, который давным-давно растрескался. Женя загремела ключами, но дверь оказалась запертой изнутри. В животе тревожно ёкнуло. Обычно в их семье так не делали. Женя позвонила, но не получила ответа, хотя слышала, что с той стороны к двери прошаркали резиновые тапочки.

– Мам, это я!– закричала Женя, начиная колотить в дверь со всех сил.

Тапочки по ту сторону еще раз шаркнули и наконец-то раздался щелчок двери. Девушка стремительно распахнула дверь, но за ней никого уже не оказалось: каким-то чудом мать успела ускользнуть.

В доме стояло напряжение. Оно походило на желе, которое выковыривают ложкой из банки. Женя начала поспешно разуваться, попутно отметив про себя, что ботинок отца нет на месте. Также как нет его домашних тапочек.

– Мама?– позвала она.

Не было ответа, но дверь кухни была закрыта и за ней виднелся ее силуэт.

– Маам?– Жене стало не по себе, когда он вышла из прихожей и бросила взгляд на гостиную, служившую родителям еще и спальней. Там царил хаос, будто полчища монстров покинули свое темное обиталище в шкафу, уничтожив и разворотив его на корню.

– Маааам...

Женя тихонько открыла дверь кухни. Мать сидела к ней спиной и на столе перед собой держала книгу. По серым тон-

ким страницам расплывались уродливые пятна.

– Ты голодная?– спросила она, делая вид, что все как всегда.– Там на плите суп, он еще теплый, а...

– Мама,– оборвала ее Женя.– Что случилось?

– Он ушел,– прошептали дрожащие мамины губы.

Лопнул воздушный шарик их семьи. Мама то лепетала, то кричала, а то и вовсе срывалась в бессмысленные рыдания. В какой-то момент она вцепилась в Женину руку так сильно, что разорвала кожу, и на пол капнула кровь. И только в этот момент несчастная женщина опомнилась, шмыгнула напоследок и стремительно удалилась в ванную.

Женя осталась сидеть одна с этим мерзким, давящим грузом нелегкой взрослой жизни на плечах. В ушах свистело, а в голове под гнетом бурной юношеской фантазии проносилась отвратительная сцена последней ссоры ее родителей.

Отец пришел с работы раньше времени. Он не был пьян, от него не пахло женскими духами. Едва увидев свою жену, поднявшуюся на встречу, мужчина оттолкнул ее обратно на диван и кинул книгой. Кричал что-то, давил претензиями и какой-то давней затаенной обидой. Попутно он раскрыл шкаф и выкидывал из него все вещи, свои швыряя то в сумку, то в пакет, а вещи жены – в нее же. Мать была напугана и растеряна, сжалась в комочек в углу дивана и тихонько плакала. В конце концов он удалился, бросив напоследок, что это далеко не последняя их встреча. Несчастливая женщина так и не поняла, чем была вызвана эта очередная вспыш-

ка ярости и все, что ей оставалось – сидеть в квартире и слушать свое бешено стучащее сердце во вмиг опустевшем нутре.

Женя поежилась. Не первый год отношения родителей портились день ото дня, и далеко не первый месяц отец даже не пытался скрыть, что ходит к другой женщине. Но возмущало девушку далеко не поведение отца, а инертность, вялость матери, которая плыла по течению и не пыталась поднять скандал или и вовсе выгнать отца взащей. И она понимала, почему мать так поступает. Она была инвалидом и не могла найти работу, которая оплачивалась бы достаточно для того, чтобы можно было содержать себя и несовершеннолетнюю дочь. И матери Жени приходилось терпеть издевательства и унижения лишь ради того, чтобы иметь средства к существованию.

На город медленно опустилась ночь, а Женя все сидела и сидела на кухне. Она уже давным-давно перестала думать о своей матери и отце, и просто смотрела на выцветшие кухонные обои. На окне чинно сидел черно-белый кот Тиша и взирал на любимую хозяйку, совершенно не ведая людских проблем. Над головой уже давно перестали топтать соседи, удалившись на заслуженный отдых.

В ванной наконец-то перестала бежать вода. Вышла мать. Ее кожа и волосы были абсолютно сухими и даже халат как будто бы не изменил своего положения на теле.

– Я завтра пойду на гемодиализ, – тихим голосом начала

она, – а потом...

*– ... пойдешь спрашивать не нужна ли кому-нибудь про-
давищица или уборщица на пару часов в неделю? – резко спро-
сила Женя, не отводя взгляда от стены.*

Мать тихо вздохнула.

– А какой выбор у меня есть?.. Придется.

– А ты потянешь?!

*– Придется... – эхом повторила она. – Нужно на что-то
жить. Пенсии не хватит. И тебе тоже теперь придется
что-то искать... ну, после уроков...*

*– Побираться на улицах будет самое то! – Женю захва-
тила волна ярости.*

*Девушка вскочила и пулей пролетела в свою комнату, с
грохотом закрыв дверь. Мать ничего не сказала в ответ, ни-
чего не бросила вдогонку. Просто промолчала.*

*Женя бросилась на кровать в своей комнате. Она лежа-
ла там какое-то время молча, просто уперевшись носом в
одеяло. А потом почувствовала как горечь подступает, вы-
рывается наружу. Женя заплакала, залилась слезами. Чув-
ства смешались, и она уже не знала, кого жалеет больше
– себя и свое будущее, несчастную больную мать с ее разру-
шительным миром или же их обеих.*

*Какое-то время она плакала, позволив себе излить всю
тоску. А потом решила, что нужно поделиться с кем-то
своими переживаниями пусть и не ради слов утешения, но
хотя бы для ощущения, что тебя выслушали. Женя взяла*

в руки телефон и нажала кнопку блокировки. На экране висело двенадцатиминутной давности сообщение от Кати – одноклассницы, которую она, пожалуй, могла назвать лучшей подругой. «Смотри, оно офигенное! На выпускной будет круто».

Телефон отлетел в сторону. Ну конечно, Катя и не поймет. Ей плевать. Она думает только о скором выпускном и о том, как поедет в Питер подавать документы в ВУЗ мечты.

Женя скорчилась на кровати, как уродливый эмбрион, лишь отдаленно напоминающий человека. Мыслей уже не было, ни одной. Наступила обычная апатия и даже какое-то смирение. Где-то отдаленно даже всплыл собственный образ в фирменной пластиковой жилетке местного супермаркета.

Как и многие ее одноклассники, Женя мечтала, что по завершении школы, уедет в другой город на учебу в университете. Пусть и не в столицы, но хотя бы в областной центр, который жителям таежного городка уже казался пределом мечты. Но теперь вряд ли у нее получится это сделать. И дело даже не в том, что матери будет не на что себя содержать – ее пенсии по инвалидности вполне хватило бы на скромную жизнь (а Женя в городе тем временем смогла бы где-нибудь подрабатывать, чтобы прокормить себя). Матери год от года становилось все хуже и хуже. Случалось, что она просыпалась по утрам и чувствовала себя настоль-

ко плохо, что не могла подняться с постели без посторонней помощи. Ни друзей, ни родственников у нее уже не осталось. Была только Женя.

Обычно сонные и размеренные, лесные жители оживились и начали создавать суету. Кто одевался понаряднее и, пританцовывая, выходил из дома. Кто-то наоборот менял свои владения одним движением пальца и смеялся, смеялся. Да, на Карнавале они должны были показать самих себя, но ничто не мешало перед ним попримерять на себя различные роли. Кто знает, быть может, в этом году на карнавале они покажут другое «я»?

Карнавал всегда начинался ночью, сразу как только солнце пряталось за горизонтом, но когда оно только-только опускалось, Лес был самым оживленным и чудесным местом на свете. Это было похоже на Хэллоуин – бесовской праздник перед Днем Всех Святых.

Лишь в немногих уголках Леса царило затишье. Кто-то просто предпочитал уединение, как, например, Сердечница, что в это время как всегда плавала в своем озере. А у кого-то были дела поважнее, как у Заячьей Маски, что расхаживал перед Алтарем в ожидании прихода Лесоцаря.

А кто-то просто не находил себе места, как Женя. Она металась по своей пещере, заглядывая в каждый угол, в каждую коробочку в надежде найти там ответ на вопрос, кто же она все-таки. Еще утром она была уверена в том, что она нашла

себя в Лесу, и девушка в широких ярких штанах, что беззаботно смеется, глядя на голубое небо над горами – это и есть она. Но теперь ее посетили большие сомнения.

Да, ей нравилась эта безмятежная жизнь в Лесу. Нравилось душевное умиротворение и спокойствие чистого горного озера. Нравилось, что можно проснуться утром, долго наслаждаться приятной утренней рутинной, а затем отправиться на прогулку, а после – нырнуть в мир книг. И пускай все страсти земные остаются на книжных страницах и ярких кадрах фильмов.

Однако разговор с Сашкой и воспоминания о том, что привело ее сюда, напомнили и о другом. О нежной улыбке матери поутру, когда она ставила кружку с ароматным горячим чаем перед Женей на стол. О глупых шутках и подколах на переменах в школе. О мелких неурядицах с учителями. О прогулках с ребятами (друзьями?). О тихих вечерах за играми и книгами, а иногда и за просмотром фильмов с мамой, с комфортом развалившись на ее разложенном диване. Быть может, дом – это все-таки то место, куда стремишься, несмотря на все невзгоды? И где чувствуешь покой, едва отхлебнув горячего чаю из кружки?

Бросив свои поиски, Женя плюхнулась обратно на диван. Сашка все время сидел здесь и молча смотрел на нее.

– Может, и правда, я просто глуплю?– тихонько спросила она.

– Может,– пробормотал он.

Какое-то время они сидели в молчании.

– Сашка... А помнишь, ту дурацкую поездку в облцентр в восьмом классе?

Поначалу он озадаченно наклонил голову вбок, какое-то время думал, а потом прыснул со смеху.

– «Так, ребята, не разбегаемся, а то потеряемся...», – начал он писклявым голосом, пародируя их классную руководительницу. – «А где Морозов?! Где?! Срочно ищем Морозова!»

Женя расхохоталась.

– А он дома за четыреста километров от облцентра!

– Мы ж его тогда полдня искали и так никуда не сходили! –

Саня уже не мог остановиться в своем смехе.

– А... это... – она толкнула его вбок, – помнишь ту дичь на летней площадке?

– Дети, это каааааарп... – Сашка рассмеялся еще громче и покатился по дивану.

Это безудержное веселье длилось еще пару десятков минут, пока у них обоих не разболелись животы от смеха. К этому времени они уже скатились на пол и, опершись спинами о диван, смотрели друг на друга искрящимися глазами.

– Как давно я не видел тебя такой, – неожиданно тихим голосом проговорил Сашка.

– Так и поводов не было, – она отвела взгляд.

– Поводы создаем мы сами.

Женя вздохнула.

– К сожалению, это не всегда получается.

И тяжелая тишина повисла между ними. Длилась она не долго.

Разнесся низкий, проникающий будто в самую глубину мозга, гул. Он напугал обоих молодых людей. Они вскочили на ноги и стали испуганно озираться по сторонам.

– Что это?– спросил Сашка.

– Не знаю,– прошептала Женя.

А гул продолжал нарастать, подобно огромному киту, поднимающемуся на поверхность. Вскоре даже пол пещеры ощутимо завибрировал под их ногами. Инстинктивно Женя схватилась за Сашку, а тот внимательно оглядывался по сторонам.

А потом резко все стихло. К этому моменту в голове у девушки сложилось два и два, и она промолвила:

– Лесных жителей созывают на Карнавал.

Чтобы подтвердить свою догадку она покосилась на ветвь рябины, что дал ей Заячья Маска. Та заметно дрожала, будто лесной гул впитался в ее ствол.

– И ты пойдешь?– теперь уже Саня вцепился в Женю.

Та отстранилась и посмотрела на него со странной улыбкой.

– Конечно. Я не могу иначе.

– Может...

– Я скоро вернусь, а тебе лучше пока побыть здесь.

Жене хотелось уйти прямо сейчас. Схватить Сашку за ру-

ку и мчаться обратно домой, однако она решила кое-что сделать напоследок.

Показать настоящую себя.

Она быстро метнулась в спальню. Очень долго что-то искала в платяном шкафу, бормоча себе под нос. А когда нашла, вздохнула, и спрятала найденное в небольшой нейлоновый рюкзачок, который повесила себе за спину.

Сашка же в это время затравленным зверем бродил по другой комнате. Силы после сытной еды вернулись к нему, и он чувствовал напряжение в мышцах, натянутых, подобно толстым корабельным канатам. Внезапно он понял, что не видит своего рюкзака. Тогда он начал ощупывать себя и понял, что и ножа нет. Только куртка бесформенной кучей лежала на все еще мокром ковре.

– Женя, а где мой рюкзак?

Девушка к этому моменту вышла из спальни.

– Не знаю.... А! Он же в лесу остался!– лицо ее вмиг сделалось сконфуженным. А потом оно и вовсе стало испуганным.– Надеюсь, что с нами ничего не случится из-за этого,– прошептала она.

Саня смотрел на нее с наклоненной вбок головой. Он больше боялся не того, что произойдет, а того, что уже произошло. Он потерял свои вещи. Рюкзак не было особо жалко, но нож достался ему от деда-охотника. В этом источенном лезвии и вытертой деревянной рукояти будто жил дух покойного, напоминая о тех днях детства, когда тот брал с

собой в лес маленького внука, а тот с восторгом носился по высоким сугробам, восторгаясь огромностью и неизведанностью мира. Помнится, класса до седьмого он страстно мечтал стать лесником, как дед, и каждую зиму рассекать по лесу на снегоступах.

– Обещай, что когда ты вернешься, мы вместе пойдем и найдем мой рюкзак, – промолвил Саша. – Хорошо?

– Хорошо! – даже слишком быстро согласилась Женя, схватила рябиновую ветвь и была такова.

Оставшись в одиночестве, молодой человек схватил первую попавшуюся книгу и плюхнулся на диван. Он приготовился к долгому ожиданию.

Когда Женя покинула свои пещеры и оказалась на улице, прохладный ночной воздух дунул ей в лицо, будто говоря: «Приветствую, дитя!» Рябиновая ветвь в ее руке задрожала, мелкие ягодки издали хрустальный звон. Девушка почувствовала, что ветка тянет ее в одну определенную сторону и повиновалась ей. Ветка, точно неугомонная собака на поводке, потащила ее вниз с горы.

Лес заметно преобразился. Стволы деревьев стали более мощными и внушительными, листья крон четко выделяли на фоне яркого звездного неба, где небесные светила были похожи на огромные яркие бриллианты. Даже птицы и лесные звери, которые ночью обычно стихали, сейчас вели свою жизнь даже активнее, чем днем. Именно таким был Лес, ко-

гда Женя пришла в него после своего бесславного побега из школы и города на холме.

Рябиновая ветвь вела девушку через сосновый лес вдоль горной цепи. Женя еще не имела хорошего представления о карте Леса, поэтому не могла догадаться, куда идет. Она пыталась наслаждаться прогулкой, однако мыслями постоянно возвращалась к Сашке и их разговору. Девушка дивилась тому, как легко позабыла свою прошлую жизнь. Будто бы Лес накрыл все воспоминания темной тканью и спрятал в самый дальний угол.

А ведь, если подумать, то в Лесу она была совсем недавно. По Сашкиным словам выходило, что искал он ее не больше двух недель. Тогда как Жене казалось, будто она уже не один месяц обитает в Лесу. Ведь что такое две недели на новом месте? По сути, ничто. Лишь крошечный отрезок времени, чтобы запомнить имена своих соседей. Однако Женя уже неплохо знала их всех, а с Сердечницей они и вовсе будто пуд соли вместе съели.

Лесные сумерки были сегодня особенно загадочны и чарующи. Звезды ослепительно блистали в бархатных небесах, а деревья внизу подсвечивались синими, фиолетовыми и изумрудными светлячками. Казалось, будто по Лесу развешили чудесные гирлянды.

Спустя время Женя поняла, что путь ее близится к концу. Между деревьев вокруг то и дело виднелись тени других жителей Леса, и откуда-то издалека струился загадочный напев

флейты с аккомпанементом чего-то, похожего на маракасы.

Рябиновая ветвь внезапно дернула ее куда-то в сторону. Подавшись следом, Женя поняла, что оказалась перед высокой каменной аркой среди деревьев. Внутри арки клубилась тьма, из которой и доносился колдовской напев флейты.

Девушка остановилась в нерешительности. Чернота впереди не вызывала доверия.

Но тут ее в спину толкнули.

– Чего ты ждешь? – воскликнуло два звонких детских голоса.

И мимо пробежали Смеюны – двойняшки лет семи, мальчишка с девчонкой, – держащиеся за одну рябиновую ветвь. На девочке было голубое платье с пышными рукавами, а на мальчике – голубые брюки с белой рубашкой и очаровательным ярко-красным галстуком-бабочкой. Лица обоих детей скрывались под масками, похожими на венецианские – одна половина лица улыбалась, а другая – плакала.

Их вид подействовал на Женю отрезвляюще. Она покосилась за спину – еще несколько лесных жителей приближались к ней – и шагнула-таки во тьму.

Сначала ничего не произошло, а потом ей показалось, что пространство вокруг стало теплым киселем. Еще миг – и все исчезло. Женя вышла по другую сторону арки.

За аркой оказался остров среди огромного озера с идеально гладкой поверхностью, загадочно мерцающей под светом неестественно огромной луны, закрывшей собой поло-

вину неба. Едва ступив на твердую землю, Женя залюбовалась этой луной. Мельчайшие детали было видно на ее поверхности: огромные кратеры, полосы, похожие на шрамы, очертания лунных гор и небольшие вдавления на поверхности, будто ребенок неаккуратно ткнул пальцем в комок пластилина.

Само же место Карнавала напоминало чем-то летнюю поляну в каком-нибудь лагере для подростков. Среди редко растущих берез и осин стояло множество деревянных столов и скамей. Столы были уставлены различными угощениями. Стволы деревьев украсили букетами из живых цветов и все теми же разноцветными светлячками. Но освещения лунной и насекомыми устроителям Карнавала показалось мало, и местами из земли торчали высокие факелы. То тут, то там виднелись странные циклопические нагромождения камней неясного происхождения, но они не вызывали отвращения, а казались частью антуража. Единственным, что сбивало с толку в окружающей обстановке, были сами посетители Карнавала. В целом они походили на тех лесных жителей, которых успела узнать Женя, однако впечатление они создавали несколько иное, здесь они были более... живыми, что ли?.. Все в эту ночь казалось особенно материальным.

Тут Женя заметила, что рябиновая ветвь из ее руки исчезла. Вместо нее рука сжимала клочок бумаги. Развернув его, она прочитала: «Веселись, ешь, пей – да забудутся печали скорей!» Под надписью, старательно выведенной от руки,

красовались рисунки зверей. Предполагалось, что они будут приветливо улыбаться, однако эти улыбки были больше похожи на кровожадные оскалы. Девушка внутренне поежилась.

– Добро пожаловать, – из-за дерева совсем рядом с ней вышел Заячья Маска. Его облик ни капли не изменился.

– П-привет, – вздрогнув, улыбнулась Женя.

– Ты готова?

– Даже не знаю к чему я должна быть готова, – она повела плечами. – В чем вообще заключается этот ваш Карнавал?

– Сначала все веселятся, общаются между собой, затем появляется Лесоцарь и приобщает всех к Лесу.

– Звучит как сборище какой-то секты, – она попыталась неловко рассмеяться.

Заячья Маска ее шутки явно не оценил.

– Можешь называть это и так. Ты выглядишь как обычно. Думаешь, это и есть настоящая ты?

Женя сжала лямку своего нейлонового рюкзака и улыбнулась.

– Можно сказать и так.

– Что же, – голос Заячьей Маски звучал несколько разочарованно. – У тебя будут еще попытки. Карнавалом не воспрещается некоторая... ложь. До встречи.

– До встречи.

Из арки выходило все больше лесных жителей. Вот показалась Курильщица. Этой женщине далеко не свежего вида

можно было дать одновременно и сорок, и шестьдесят лет. Она угрюмо смотрела перед собой и то и дело прикладывалась к огромной трубке, напоминая гусеницу из «Алисы в Стране Чудес».

Последним из арки показался Горелый. В его глазах залегли скорбные тени. Он не смотрел по сторонам, предпочитая разглядывать почву у себя под ногами. Женя не ожидала, что он придет на Карнавал.

Когда вереница из лесных жителей закончилась, Женя покосилась на то место, где рядом с ней стоял Заячья Маска. Тот, как и всегда, успел незаметно исчезнуть.

За неимением другого варианта Женя отправилась к основной зоне Карнавала, где вокруг столов и между ними собиралась небольшие группы из лесных жителей. А кто-то сидел на самом краю скамеечки в стороне ото всех и выглядел вполне самодостаточно и в таком положении.

Сначала она остановилась возле Курильщицы, с комфортом расположившейся на широкой скамье. Напротив нее в своем обличье паука стояла Ткачиха.

– ...и вот ты представляешь, в этом году эта вишня не дала мне ни единой ягодки!– восклицала Курильщица, делая очередную мощную затяжку.

В ответ на это женская голова над огромным паучьим телом промолвила:

– А ты не думала, что проблема в твоём дыме?

– Да ты что, у меня экологически чистый дым! Никогда

проблем с кустами не было!

Ткачиха фыркнула. А Женя поспешила скрыться, чтобы не быть вовлеченной в их разговор. Но у соседнего стола ее быстро поймала девочка из Смеюнов и вручила в руки стакан с соком. С удивлением Женя отметила, что стакан был выточен из цельного куска дерева.

– Женечка!– девочка из Смеюнов буквально повисла на ней.– Я так давно тебя не видела! Ты к нам так редко заходишь.

Она не нашлась что ответить. Вокруг этого стола собралась большая компания лесных жителей, что обитали вокруг Реки. Смеюны, Рыбак, Льющая слезы, Щукарь и еще пара человек, которых Женя не знала.

Ее насильно усадили за стол, наложили в тарелку угощений – в основном различной жареной и печеной рыбы и салатов из свежей зелени.

– Что-то Река в последнее время совсем обмелела,– жаловался Щукарь – толстый лысый дядька, с аппетитом жующий целую рыбину, которую держал в руках.

– Да что Река,– трясущимися стариковскими губами молвил Рыбак,– небо-то, небо! Вот что обмелело! За целый месяц ни одной Белой рыбы!

– А вам бы все добычу делить,– с ненавистью прошипела Льющая слезы, поправляя лямку цветастого купальника.– Звери!

– А мы тут недавно на коньках катались!– воскликнули

Смеюны и начали в красках расписывать как их Река замерзла буквально в одну ночь, но было тепло, и они катались на коньках прямо в пижамах, едва выйдя утром из дома.

Женя, слушая все эти реплики, где одна была чуднее другой, лишь вздохнула и тоскливо оглядела поляну вокруг. Все веселились на свой лад. А ей очень не хватало Сердечницы. Вот с кем бы можно было поболтать от души!

В этом году Карнавал проходил абсолютно так же, как и обычно. Заячья Маска наблюдал за всеми со стороны, но не мог радоваться привычному течению праздника. На душе у него было беспокойно, потому что он так и не отыскал ни чужака, проникшего в Лес, ни тех, кто помог ему в этом. Лесоцарь еще ничего не говорил ему об этом, но не было никаких сомнений, что Хозяин Леса ведает обо всем, что происходит вокруг. Молчание его ясно говорило о том, что Заячья Маска должен как можно скорее выполнить свою работу.

Но у него не было ни единой мысли на этот счет.

Заячья Маска отыскал достаточно укромное место в тени одного из Алтарей, где на него не падал свет от факелов или светлячков. Отсюда же открывалась поляна с развлекающимися лесными жителями. Заячьей Маске Карнавал всегда казался сборищем, одновременно похожим и на школьный пикник, и на странный сектантский ритуал – примерно также выразилась и Женя. Не испытывая отвращения он, между тем, не особо желал принимать во всем этом действе

участие.

Томатный сок, его любимый, плескался в деревянном стакане с трубочкой, а в руке был бутерброд со сливочным маслом и свежими огурчиками, выложенными сверху.

– Ну что, как у тебя дела?– Горелый отделился от своего стола, где сидел один, и приблизился к Заячьей Маске с мягкой и немного жалкой улыбкой.– Как твои поиски?

Заячья Маска покачал головой и, слегка приподняв маску, схватился за трубочку губами.

– Хороший сегодня вечер,– Горелый вдохнул полной грудью.

– Что тебе нужно, Горелый? Ты никогда особо не был таким разговорчивым.

– Да ты же знаешь, что я не особо люблю это ежегодное сборище.

– Так ты можешь не ходить, проявить свое «Я», если это действительно то, чего ты хочешь.

– Да и одному сидеть вечно скучно,– Горелый потер заднюю часть шеи и наигранно рассмеялся.– Но и тут, в компании, тоже как-то не особо весело.

Тут в душе Заячьей Маски зародилось определенное подозрение. Горелый вел себя откровенно странно.

– И к чему ты клонишь?

Глаза мужчины забежали.

– Я тут подумал, может, мне... собаку завести?– и он снова нелепо засмеялся.

– Так пожелай и дело с концом,– Заячья Маска передернул плечами.

– Но это не то,– мужчина всплеснул руками.– Настоящую я хочу. Чтоб спала у моей постели, по лесу со мной ходила и всякое такое. Понимаешь?..

Заячья Маска нахмурился. В Лесу существовала тонкая грань между «желаемым» и «действительным». Любой житель мог пожелать у Леса что угодно и получить это, но оно не будет в полной мере считаться настоящим. Это будет больше походить на неигровых персонажей видеоигр, которые существуют и действуют только если рядом с ними находится главный герой. А чтобы получить что-то «настоящее» в Лесу нужно было сильно постараться.

– Я поговорю с Владыкой. Иди, Горелый.

– Спасибо!

Мужчина удалился, но сопровождал его внимательный взгляд Заячьей Маски.

Книга никак не шла. После ухода Жени Сашка пытался сосредоточиться на словах и их смысле, но ничего не получалось. Мыслями молодой человек то и дело возвращался к тому месту, где он казался. Сашка понимал, что это место далеко не обычное, но не мог припомнить момента, когда он попал в него – момента, где обычная северная тайга сменилась заколдованным лесом из детской страшилки. Быть может, он замерз где-нибудь под елкой, а это все – просто по-

смертный бред, забвение?

Здесь все казалось жутким. Пещера, в которой они были – жуткое сырое обиталище, а лес, который он успел разглядеть краем глаза – странное нагромождение кривых ветвей под пасмурным небом. Все вокруг пахло прелостью. А Женька будто и не замечала этого.

Больше не в силах бороться с самим собой, Сашка встал и покинул пещеру, которая была похоже на узилище пленника. Снаружи его ожидала прохладная бархатная ночь с необычайно яркой и большой луной, нависшей над небом.

Внезапно над черным кружевом лесных крон, поверх которых Сашка разглядывал сумрачный горизонт, мелькнула красная вспышка. А затем огромная луна покраснела, погрузив ночной мир в жуткую красную мглу. И во мгле этой над деревьями стремительно пронеслась черная тень и скрылась среди горных пиков. Сердце молодого человека дрогнуло, ибо показалось ему, что тень, проносясь мимо, заглянула прямо в его глаза.

Еще задолго до того, как луна в небе покраснела, лесные жители поняли, что Лесоцарь идет к ним. Ибо пламень в факелах взвился яростно вверх. И светлячки на деревьях застрекотали во сто крат громче, и кроны деревьев зашуршали с небывалой силой. Все приветствовало своего Владыку.

Женя заметила, как Заячья Маска, стоявший в тени каменных столбов, выпрямился, сложил руки за спиной и при-

нял вид мрачный и торжественный. И остальные, все те, кто сидел за столами, оставили свое праздное безделье и боязливо, словно ученики на уроке грозной учительницы, выпрямились. Даже разнообразные яства и их остатки за каких-то пару мгновений исчезли без следа. И перестала играть музыка, которая все это время задорно стрекотала откуда-то с веток деревьев.

Все погрузилось в ожидание. И только сейчас Женя поняла, что настоящий Карнавал еще не начался.

Покраснела огромная луна в небе, залив кровавым светом все вокруг. Огромная тень появилась в небе и, на какое-то время зависнув над кронами деревьев, медленно начала опускаться вниз. Лесные жители, будто замороженные, подались вперед, точно желая слиться с этой тенью, стать ее частью.

Какое-то время черная тень стояла на земле между лесными жителями и Заячьей Маской в тени странных каменных столбов и будто бы клубилась мраком. А потом пелена мрака спала и появился Лесоцарь. То было странное существо. Огромное квадратное тело пряталось под плащом из шкур разнообразных диких зверей. Причем головы их сохранились и влачили по земле таким шлейфом. Вместо головы у существа красовался гигантский лошадиный череп, покрытый то ли мхом, то ли зеленой плесенью. На плече существа рос огромный синий гриб, источающий призрачный свет. В костлявой скелетной руке Хозяин Леса держал ряби-

НОВЫЙ ПОСОХ.

До этого момента Женя никогда прежде не видела Хозяина Леса в его истинном облики. В нем не было ничего ужасного – во многих видеоиграх злодеев изображали во стократ страшнее, – однако сама атмосфера, что источало это существо, была непередаваемо жуткой. Однако лесные жители потянулись к этому существу, как маленькие дети к родной матери.

– Минул еще один год,– заговорил Лесоцарь, и глухой его голос будто бы звучал у самого уха.– И снова мы с вами собрались здесь.

Женя заметила, лесные жители внимательнейшим образом внимали этому голосу. Только Заячья Маска оставался безучастным. Он стоял, скрестив руки на груди, и будто бы даже скучал.

– В этот раз с нами несколько новых друзей и соседей,– продолжал Лесоцарь.– Смеюны, Медведь, а также Женя, еще не успевшая пройти ритуал Наречения ...

Показалось ли ей или при этих словах красные огоньки в глазницах лошадиного черепа, обратились на нее? И Заячья Маска как будто бы тоже посмотрел на нее. Девушка поежилась.

– Лес растет и это не может не радовать меня,– продолжал меж тем Лесоцарь.– Так встаньте же в круг, дети мои, и порадуйте меня еще больше!

Лесные жители после этих слов будто потеряли рассудок.

Они радостно возопили подобно детям на новогоднем празднике и стали хватать друг друга за руки. Женя и оглянуться не успела, а они все встали хороводом вокруг каменных столбов. Левую руку девушки крепко схватили желтые и сухие от табака пальцы Курильщицы, правую слабо держала Льющая слезы. Лесные жители смеялись и переговаривались между собой. Они походили на детей, что ждут щедрых подарков.

Хозяин Леса и его слуга оказались точно в центре круга, причем Женя заметила, Заячья Маска медленно приблизилась к своему хозяину и встал за его плечом.

И тут откуда-то из крон деревьев, а быть может, и от самой огромной луны, которая утратила уже свой красный цвет, раздался колдовской напев флейты. Ей аккомпанировали редкое ворчание барабанов и возгласы какого-то струнного инструмента.

Дрожь передалась Жене от рук других лесных жителей. Кто-то сделал первый шаг, и вот уже все, как заколдованные, начали приплясывать, медленно двигаясь хороводом. Кто-то подпрыгнул, кто-то присел – и вот уже степенный хоровод превратился в безумную оргию, где каждый сходил с ума по-своему.

Краем глаза девушка уловила, как Лесоцарь повел своим посохом.

И грянула песня.

Язык этой песни не был ни одним из языков людей, существующих или уже давно погибших и забытых. Он буд-

то исходил из самых душ лесных жителей и отражал их муки, страдания и мелкие радости, воплощенные в странные невоспроизводимые звуки. То был язык самого Леса.

И самым ужасным было то, что Женя понимала этот язык и вторила песни.

Признаться честно, Заячья Маска ненавидел Карнавал. Ему было противно смотреть на то, как люди, с которыми он, как обычно, общался буквально пару часов назад, живые люди со своими мыслями и мнениями, вмиг становятся безумцами, кривыми куклами, что пляшут под руками сумасшедшего кукловода. Их лица обезображивались гротескно счастливыми улыбками. А из глаз пропадали любые признаки осмысленности. Даже эта новенькая, Женя, сначала не понимавшая ничего вокруг, быстро присоединилась к общему безумию.

– Ты нашел того, кто привел в Лес чужака?– слышался вопрос.

Лесоцарь оставался недвижим как скала. Он наблюдал за танцующими и поющими, но не забывал и о других делах.

– Пока что нет,– Заячья Маска клонил голову.

– Это ужасно. Ты же понимаешь?– глухой голос наполнился угрозой.– Все настолько очевидно, что ты давно должен был понять, кто виновен.

В ушах Заячьей Маски зазвенело. Это могло значить только одно – Лесоцарь желает наказать его и сейчас будет очень

больно. Он скорчился и начал лихорадочно соображать. Затем до него донесся девичий голосок, неуверенно выводящий Песнь.

Никто кроме Жени этого сделать и не мог.

Она больше всех нервничала перед Карнавалом, у нее не было цветка от Слепца, и она тут совсем недавно. Так что кто-то из той, другой жизни вполне мог явиться в лес в поисках нее.

Звон в ушах сразу стих.

– Выполний свою работу, Посланник,– велел Лесоцарь.

Саше стало жутко. Он не мог ничем объяснить это чувство. Оно просто было. И появилось именно после того, как молодой человек выглянул на улицу из пещеры и увидел проносящуюся над лесом тень. После этого он бросился назад, в спасительного тепло Жениного жилища. Однако это ему не помогло. Из углов комнаты струилась тьма, холодными щупальцами подступая к Саше. Мебель своими очертаниями стала напоминать жутких гротескных существ. Все вокруг стало враждебным к Сашке.

Он знал, что нужно дождаться Женю, хватать ее и бежать прочь из этого безумного места. Назад, в скучную серую жизнь. Домой.

Он снова услышал гул, такой же как когда они с Женей сидели вместе. И исходил он будто бы из-под ног, из пола пещеры.

«Нужно дождаться Женю!»— мелькнула заполошенная мысль.

А что, если она уже не вернется? Что, если ее схватили на этом Карнавале? Или ее нужно идти и выручать оттуда?

Нутром Сашка почувствовал, что что-то к нему приближается и понял: пора бежать.

Безумная пляска и пение вдохновляли, заставляя бесноваться еще больше. Женя заметила, что из ее головы очень быстро пропали все плохие мысли. Ей представилась ее идеальная жизнь – жизнь, ради которой она пришла в Лес, которую он ей посулил. Жить свободной одиночкой, чтобы ничьи эмоции больше не волновали, чтобы не нужно было бояться взглянуть в лицо другому человеку. Чтобы вообще не было больше неприятных людей! А еще делать что захочется. Гулять весь день по лесам, купаться весь день или просто читать книгу. А может, потратить жизнь на видеоигры? О, она сможет делать все, что угодно в своей идеальной жизни!

Однако очень быстро она начала чувствовать сильную усталость. Будто бы из нее выпивали все силы и жизненную энергию. И с каждым движением и с каждым словом Песни становилось только тяжелее. Женя хотела остановиться, прекратить это безумие, но не могла.

В какой-то момент она заметила, что Хозяин Леса и его Посланник разговаривают и почувствовала, что их взгляды при этом направлены именно на нее. Слова Песни ми-

гом улетучились из головы. Женя стала внимательно вглядываться в двух людей (людей ли?) в центре круга. И когда Заячья Маска сделал в ее сторону шаг, она поняла: время пришло.

Но разорвать пути Карнавального танца было не так-то просто. Руки соседок намертво впились в ее ладони. И стоило сделать одно лишь движение, как все тело отчаянно порывалось вернуться назад, в безумную пляску. А Заячья Маска приближался, и Лесоцарь, хоть и был поодаль, но возвышался будто бы перед самой Женей. Остальные танцующие будто и не замечали вовсе этого преступного напряжения.

Заячья Маска был совсем близко. Женя отчаянно дергалась, пытаясь вырваться.

– Женя, ты скрываешь чужака,– промолвил Посланник, становясь перед ней.

Она четко вспомнила ласковый взгляд золотисто-карих глаз.

– Это мой друг! Он искал меня.

– Он чужак,– голос из-под маски звучал также холодно и отчужденно, как обычно.– Нам еще предстоит разобраться, каким образом он смог попасть в Лес. Однако ты виновата в том, что сокрыла его.

Песня чуть притихла, будто лесные жители стали вслушиваться в этот суд над их соседкой. Или, быть может, Женю так оглушил отчаянный стук ее собственного пульса.

–И что будет дальше?

- Тебя накажут за нарушение правил, а его – поглотит Лес.
- Поглотит?!
- Именно. Лесу нужно много энергии, чтобы существовать.

Женя стала дергаться еще отчаяннее. Слезы заструились по ее лицу.

– Как вы можете так поступать с живым человеком?

– На все воля Леса, – костлявые плечи под черной водолазкой слегка дернулись.

Хватка хоровада будто бы ослабла. Точно все лесные жители на миг содрогнулись от этих ужасных слов. Женя не стала ждать другого удобного момента. Она изо всех сил дернулась и наконец-таки вырвалась. Заячья Маска удивленно вскрикнул за ее спиной.

А Женя бежала в сторону портала, которым попала сюда, и сердце ее билось также отчаянно, как тогда, в школе, когда она надеялась изменить свою жизнь в лучшую сторону. И как же жестоко она заблуждалась тогда.

Портал захлопнулся прямо перед ее носом. Женя не стала оглядываться, теряя драгоценное время. Она побежала дальше, к глади озера, что виднелась впереди. Сзади слышались шаги Заячьей Маски. Он настигал ее. И где-то фоном, словно в издевку, продолжали раздаваться звуки безумного Карнавала.

Женя с детства любила плавать. Более того, в начальной школе два года ходила в бассейн, мечтая заниматься этим

профессионально. Однако как-то в итоге не сложилось. Зато навык остался, усердно оттачиваемый каждым летом в едва-едва прогревающейся северной речушке. Девушка понимала, что ей может оказаться не по силам переплыть огромное озеро ночью, да еще и в одежде. Да и, кто знает, в силах Хозяина Леса, спокойно захлопнувшего перед ней портал, может оказаться проще простого поймать ее в любой момент. Жене уже начинало казаться, что с ней играют, как с мелкой надоедливой мышью.

На бегу Женя сбросила с себя длинный кардиган, который в воде был бы словно рыболовная сеть. По песочному берегу сошла в воду и только теперь позволила себе обернуться. Как оказалось, за ней никто уже не бежал. Заячья Маска остановился на краю деревьев, там, где раньше был портал. Он стоял неподвижно, и бледный свет огромной луны дьявольски подсвечивал его лицо.

Женя попыталась попросить Лес перенести ее в другое место, но тщетно. Тогда она вошла дальше в воду и поплыла. Озеро оказалось не просто холодным, но ледяным. В такой воде ногу запросто может свести судорогой и тогда ты пропал, сгинул, пошел ко дну. Широкие брюки тянули ко дну. Но сбежать хотелось настолько сильно, что девушка продолжала упорно плыть, несмотря ни на что.

Пару раз она чувствовала, что что-то смертельным холодом лижет ей ноги. Было ли то подводное течение или злобная воля Хозяина Леса, Женя не знала, однако была уверена,

что Заячья Маска все еще наблюдает за ней.

Путь до берега оказался весьма не близким. Женя успела смертельно устать прежде, чем почувствовала, что может спокойно встать на ноги. Теперь все было позади. Нужно только...

На этом моменте Женя обернулась на оставленный позади остров. Он оказался издевательски близко. Зайди в воду и уже окажешься на нем. Сквозь деревья Женя видела, что Заячья Маска медленно идет к своему хозяину и что-то говорит, встав на колени и опустив голову вниз. Лесоцарь взмахивает своим рябиновым посохом, и Заячья Маска тряпкой отлетает куда-то в сторону. В этот момент лесные жители начинают беситься с новой силой, вспыхивает яркое пламя, а Песнь стремится к огромной луне громовым раскатом.

Женя отвернулась и посмотрела на темный лес впереди. Где-то там остался Сашка и нужно его теперь найти. А потом выбираться отсюда.

Прежде чем отправиться дальше, девушка сняла со своих плеч нейлоновый рюкзачок, с которым не пожелала расстаться, даже входя в воду. Она вытряхнула его содержимое на землю и улыбнулась. Там была ее одежда, та, в которой она пришла в Лес. Одежда из дома.

Глава четвертая

В плену Леса

Ночь окончательно завладела городом. Она укрыла его черным плотным одеялом, сквозь которое едва виднелись бледные точки-узелки звезд. Городские фонари не справлялись с таким обилием тьмы, и потому ночь в городке казалась мрачной, неотступной и как будто бы непобедимой и вечной.

Люди спали. Где-то в тиши квартиры, где поселилась скорбь и тоска, послышался последний всхлип, и снова стало тихо, теперь уже до утра. Только иногда можно было услышать, как черно-белый кот Тиша с чем-то играет, чувствуя себя невероятно бодрым после сладкого дневного сна.

Сон обнял Женю мягкими теплыми руками и забрал с собой. Сначала ей снились привычные разрозненные, яркие образы, однако затем они начали меняться. Яркость потухла, потемнела, а смутно знакомые места и люди исчезли. В какой-то момент Женя поняла, что стоит возле своей любимой скамейки в парке. Мрачный хвойный лес глядел на нее. Тот самый лес, который так настойчиво звал ее днем. Только теперь он уже не звал, не выпрашивал. Он пришел сам и был готов взять свое.

Женя поехала и захотела уйти. Однако ноги не слуша-

лись, а шея не хотела отворачивать голову от мрачной стены леса. У корней деревьев вился туман, густой, холодный и как-то особенно едко пахнувший гнилью и болотом. Долгое время ничего не происходило. Женя просто стояла, мерзла и смотрела на темный лес, который будто все сильнее и сильнее приближался к ней. Клохья тумана завихрились щупальцами, протянулись к ней. А потом появился человек.

В туманной мгле леса возник темный мужской силуэт. Женя сразу разглядела простые черные джинсы, потрепанный ремень и черную водолазку. Человек двигался размеренно и уверенно, будто начальник, шествующий на свое рабочее место. Когда он пересек темную черту деревьев? стало видно его лицо. Вернее, маску, целиком его скрывающую. Это была маска улыбающегося серого зайца, вроде тех, что носят на детских утренниках.

– Здравствуй, Женя, – промолвил человек, остановившись прямо перед ней.

– Вы кто? – резко спросила она, по-прежнему пытаясь сделать хотя бы шаг в сторону.

– Я Заячья Маска, – промолвил человек, слегка всплеснув руками. Голос у него был юный, да и телосложение явственно намекало на то, что это молодой человек старше Жени максимум лет на пять. – Меня можно назвать... Посланником.

Девушка не стала ничего отвечать. Она смотрела достаточно сериалов и читала достаточно книг, чтобы

знать, чем может обернуться этот разговор. Слишком банально и скучно.

– Почему ты молчишь?– Заячья Маска будто обиделся.– Я... просто выполняю свою работу.

Женя фыркнула.

– Мне нужно, чтобы ты поговорила со мной!– воскликнул он.

– Я хочу проснуться. Это же ведь просто сон.

Она закрыла глаза, надеясь, что таким образом сможет вернуться в свою реальность.

– Да, всего лишь сон,– последовал ответ.

Внезапно Женя поняла, что снова может двигаться. Она распахнула глаза, готовая бежать или увидеть свою комнату. Однако вокруг оказалась совершенно другая местность.

Они стояли на деревянных мостках, раскинутых над болотом. Его серо-зеленая гладь мирно дремала в своем унынии. Болото раскинулось вокруг насколько хватало глаз и лишь отдаленно, у самого горизонта было видно темную полосу деревьев. Однако из самого болота то тут, то там торчала чахлая растительность – то уродливые кривые деревца, то высокие заросли сухих камышей, окруженные зеленым хороводом болотной ряски. Над болотом стоял хмурый серый день, до ужаса похожий на сумерки.

– Я не могу отпустить тебя,– промолвил Заячья Маска.– Ты, Женя, должна понять, что тебе здесь может быть хорошо.

– В гнилом болоте... хорошо?– Женя скорчила ироничное лицо.

– Не в болоте, а... здесь, – он пожал плечами. – Это место может тебе многое дать. Спокойствие, тишину, исполнение желаний... словом, все то, чего не может дать твой мир вне сна.

– Но ведь и там можно получить это все, – как и многие молодые люди, Женя верила, что все в мире у ее ног, стоит лишь приложить немного усилий.

– Там за все надо платить и жертвовать чем-то, чтобы получить желаемое.

– Бесплатный сыр только в мышеловке! – фыркнула она. – Не думаю, что здесь все запросто так. Да и выглядит это место... так себе.

– Лесоцарь щедр, – качнул головой Заячья Маска. – Помни об этом.

– Да ну все это... У вас плохая реклама, молодой человек. Разве не должны были мне сначала осторожно, аккуратно показать какую-нибудь красоту, провести вглубь этого вашего... места, заманить, одним словом. А уже потом показывать, как это все мерзко на самом деле, – она обвела рукой болото вокруг.

Заячья Маска помолчал какое-то время, а затем лишь коротко обронил:

– Нам нечего скрывать.

Он развернулся и зашагал по мосткам. Женя по какой-то

странной прихоти последовала за ним. Она была раздражена тем, что ее и во сне дергают, заставляют что-то делать, внушают что-то. Но все же было интересно.

Мостки были шаткие, узкие из старых серых досок, размокивших от вечной сырости болота. В некоторых местах они прогибались так сильно, что на какой-то момент подошва обуви оказывалась в воде. Они шли и шли, а доски под ногами появлялись как будто бы сами собой, возникали из пустоты, услужливо ложась под ноги. Было тихо, не слышалось ни единого звука, вроде крика птиц или плеска воды. Тишина, звук шагов. На Женю как-то постепенно навалилась сонливость. И стоило ей лишь на секунду дольше поддержать глаза закрытыми, как местность вокруг снова изменилась.

Женя вновь оказалась у скамейки на окраине парка. На этот раз уже одна. Еще миг, и она покинула этот сон. И до самого утра ей больше ничего не снилось.

Лесоцарь снова чувствовал себя полным сил. Та энергия, что собрал он во время Карнавала, благодатно действовала на него. Он был спокоен и чувствовал, что Лес снова принадлежит ему одному. Вернувшись в свои владения в Безлесье, что под Лесом, под самой его сутью, он пришел в место, где давно не был. Нутро Леса – то, что дарит радость лесным жителям и исполняет их мечты.

Нутро сегодня было беспокойно. Его желеобразное тело,

оплетенное гибкими ветвями, нервно колыхалось и переливалось тревожным красным светом. Оно знало, что одна из птичек ускользнула из-под его власти и больше не посылает к нему свои мечты.

Хозяин Леса пренебрежительно ткнул слизняка концом своего посоха. Волнения Нутра были жалкими метаниями мнительного слабака, считал он. Женю и ее дружка легко поймает Заячья Маска, его гордость и его преемник.

Лесной царь при всей своей силе был ленив и не любил заниматься грязной работой. Он предпочитал упиваться дарами своих поданных, а все проблемы решать силой или же руками верного слуги.

Нахождение в Лесу двух посторонних людей – это совсем не проблема. Они все равно не смогут выбраться отсюда.

Лесоцарь еще раз ткнул своим рябиновым посохом в Нутро Леса, однако теперь острый конец на несколько сантиметров вошел в податливую плоть. И он отдал приказ всем жителям Леса: «Схватите чужаков, награда будет весьма щедрой».

Женя не знала, куда ей идти. Лес по-прежнему отказывался переносить ее. И место, где она выплыла, было совершенно не знакомо девушке. Пришлось пойти наугад, каждый раз нервно оглядываясь за спину, на сверкающий всеми огнями остров посреди озера. Фонаря она с собой не взяла, огромных лесных светлячков тоже не было, и из тьмы выскакива-

ли кривые ветви деревьев, каждый раз пугая до смерти.

Когда озеро скрылось среди деревьев, и тьма стала совсем непроглядной, Женя остановилась и быстро приняла решение. Она села под ближайшее дерево, поплотнее закуталась в свою серую толстовку, что раньше носила поверх школьной формы, и принялась ждать утра. Как только взойдет солнце, она пойдет навстречу ему, ведь оно всегда вставало за ее горами.

«Надеюсь, Саню они не тронули»,— подумала Женя, погружаясь в тревожную дрему.

Утро встретило дождем и свинцовыми облаками над лесом. Проснувшись от крупных капель, упавших ей на лицо, Женя горестно вздохнула. «Что ж, ожидаемо»,— подумала она и полезла на ближайшее дерево.

Она надеялась сверху разглядеть горы. С трудом взобравшись по мокрым еловым ветвям и изрядно исцарапав руки и лицо, Женя, наконец, смогла оглядеться. Оказалось, что она находится в лесистой долине, окруженной со всех сторон горами. Чуть в стороне от центра долины подобно разбитому на сковороду яйцу расплывалось озеро. «Великолепно»,— Женя поджала губы. Слезы, брызнувшие из ее глаз, смешались с каплями дождя, барабанившими по лицу.

Некоторое время она еще посидела на ветви, надеясь разглядеть в окружающих горах знакомый силуэт, но все было тщетно. Тогда Женя спустилась вниз, закинула на плечи свой рюкзак и зашагала в направлении одной из самых вы-

соких гор, которую было видно даже с земли.

Через пару часов дождь прекратился, и девушка обнаружила, что бледное солнце остается за ее левым плечом. Однако курс менять не стала. Лучше надежный недвижимый ориентир в виде горы, чем легкомысленное солнце, которое может в любой момент снова скрыться за бродящими вокруг тучами.

У Жени не было с собой еды, даже самой маленькой крошки. Лишь на дне старого школьного рюкзака нашлась помятая шоколадная конфета и половина бутылки недопитой когда-то газировки. С жадностью Женя заглотила свои находки. Весь свой дальнейший путь до того, как стемнело, она внимательно смотрела под ноги и по сторонам: вдруг, где попадется куст шиповника или застелется по земле брусничник.

Когда стемнело, Женя устроилась на ночлег. Засыпая, она снова думала о Сашке и дивилась тому, что за ней нет никакой погони.

Сашу тоже удивляло, что за ним никто не идет. В какой-то момент он даже решил, что испугался собственной тени и зря сбежал с пещеры. Однако чувство потаенной угрозы не оставляло его. А молодой человек предпочитал верить своему чутью. Сколько раз оно спасало его за всю неугомонную подростковую жизнь! Саня особенно гордился тем, что еще ни разу не попался учителям на курении за школой.

Покинув пещеру, он решил, что наиболее надежным местом будут горы. Укрыться за валуном гораздо проще, чем за деревом. Еду, правда, добыть труднее. Но у Саши все равно не осталось даже дедовского ножа.

Впрочем, все уже не важно. Саша хотел закончить начатое и как можно скорее вернуться домой. Его уши до сих пор резали рыдания Жениной матер после побега ее дочери из школы прямо под носом полиции и директрисы.

До сих пор молодой человек так и не мог понять, в каком же месте он оказался. Это место совершенно точно не было реальным, о чем говорила странная тень, что он видел ночью и все те чудеса, что успела рассказать ему Женя. Но что же это тогда? Фантастический мир? Или сон, навеянный какими-нибудь галлюциногенными веществами? Это оставалось загадкой.

Ночь для Саши не была непроглядно темной, как для Жени. В небе ярко светила зловещая луна.. Горы были жуткими – острые искриленные иглы, будто пытающиеся проткнуть сам небосвод. На них не было заметно ни единого растения, даже самого чахлого кустика. Временами, если обернуться, Сашка мог видеть прилегающий к горам плотный лес – пустой, безжизненный. Временами в нем мелькали слабые огоньки, будто кто-то там бродил среди голых стволов или, что ужаснее, жил.

Было достаточно светло, чтобы разглядеть вредные камни, то и дело подворачивающиеся под ноги. Живот его был

полон после продолжительной трапезы в пещере, и дорога легко ложилась под ноги.

«Я, наверно, сейчас такое чучело», – внезапно подумалось ему. За дни, проведенные в лесу, в голоде и холоде, за время побега, Саня успел позабыть, что он просто подросток. Но сейчас мысли об этом накатили подобно океанской волне. Под теплой рубашкой и футболкой явственно прощупывались ребра, а волосы грязными патлами лезли в глаза. Действительно, самое настоящее чучело.

Под утро усталость одолела его. Заморосил дождь, и Сашка начал искать место для отдыха. Он не хотел забираться в какую-нибудь пещеру и спать в ней. Они редко бывают свободны, а тут еще и место совершенно ему не знакомо. Какой-нибудь навес его вполне устроил. Но тут, как назло, дождь усилился, и пришлось удовольствоваться тем, что оказалось ближе всего.

Это была весьма широкая пещера. Начинаясь просторным входом, она все больше расширялась вглубь, пока плавно не заворачивала куда-то вовнутрь горы. Там пещера терялась во тьме и неизвестно, что за существо обитало в темных подземных коридорах. В пещере пахло пылью и одновременно сыростью и чем-то еще. Едва уловимый сладковатый аромат, ненавязчиво проникающий в ноздри и оседающий в мозгу плотным киселем.

Пещера была обитаема. И принадлежала она хищнику. Инстинкт самосохранения завопил Саше о том, что нуж-

но бежать. Но было уже поздно. Как послушная кукла зашагал он вперед. Сладкий яд продолжал обволакивать его, зазывать.

И где-то в глубине пещеры хохотала огромная паучиха.

Заячья Маска решил, что дождь будет лучшей погодой для того, чтобы быстрее поймать беглецов. Ночью он их изрядно задержит, заставив найти укрытие, а днем по мокрой земле и траве они не будут столь шустры. Сам он любил дождь, и, призвав его ближе к утру, когда силы после Карнавала восстановились, уселся на поваленное дерево в сосновом бору, где жила Курильщица, и с наслаждением подставил лицо водяным каплям.

Мысли вяло толклись в голове. Хозяин Леса явно разочаровался в нем. В любое другое время Лесоцарь вызвал бы Заячью Маску и отдал приказ выловить чужаков во что бы то ни стало. Сейчас же он отдал приказ абсолютно всем жителям Леса. А на Заячью Маску даже не взглянул после того, как тот упустил Женю на острове.

Почему же он не схватил беглянку еще там, у захлопнувшегося портала? Да, он не мог, как и все остальные лесные жители, войти в воды озера, но что мешало чуть ускориться и схватить ее на берегу? Заячья Маска самому себе не мог объяснить, почему же он намерено упустил ее.

В любом случае, эту девушку в Туманной Долине не ждет ничего хорошего.

Он не горел ни малейшим желанием отправиться в это паршивое место. А потому, чтобы восстановить доверие Лесного Царя, нужно было отловить дружка Жени.

На востоке забрезжил рассвет, и дождь усилился. Заячья Маска чувствовал себя крайне усталым.

Когда солнце встало уже наполовину, он наконец поднялся с поваленного дерева. Насквозь промокший, он медленно зашагал по лесу босыми ногами. Тропа послушно стелилась под ногами. Она знала, куда ему нужно и насколько сильно он там не хочет оказаться, и потому деликатно вела Заячью Маску самой длинной дорогой из всех возможных.

И все равно осиновая роща, где всегда царила осень, показалась очень быстро. Заячья Маска застал тот самый момент возвратного танца листьев. Опавшая листва дрожала под его ногами. И всюду будто звенело множество хрустальных колокольчиков. Один торопыжка-листик опередил своих братьев, нетерпеливо сорвался с земли и полетел обратно на свое место, попутно врезавшись в бутафорскую маску зайца.

Заячья Маска слегка улыбнулся. Лесные шалости порой так легкомысленны.

Но сейчас не время для этого.

– Явись в истинном обличье!

Исчез хрустальный звон листьев. Осиновая роща стала голдой, серой. Над ней висели свинцовые тучи. Дождь на время перестал, как будто собрав всю воду в стального цвета водах

озера, что мерцали впереди. На деревьях и под ними теперь можно было увидеть странные предметы. То были большие шнуры темно-красного и красно-фиолетового цвета. Они тянулись от самого озера и расползались по всему лесу вокруг, ветвясь и постепенно опускаясь под землю. Шнуры были эластичные с гладкой блестящей поверхностью, выглядящей очень липкой. Они слегка пульсировали и больше всего походили на... кровеносные сосуды гигантских размеров.

Улыбка исчезла с лица Заячьей Маски. Хмуро он отправился вперед, теперь уже намного быстрее, чем раньше.

Сердечница встретила его на берегу озера. Ее внешний вид изменился, как и все вокруг. На груди длинного белого платья расплывалось уродливое бурое пятно. Приветливая улыбка исчезла с красивого лица. Пустыми черными глазницами смотрела она на Заячью Маску.

У самого озера сосуды были особенно толстыми, достигая в объёме размеров ствола старого дуба.

– Зачем ты это сделал?– спросила она.

– В таком облике ты быстрее восстановишь силы после Карнавала,– Заячья Маска пожал плечами.– И нет смысла быть более лицемерными, чем мы есть на самом деле.

Сердечница холодно улыбнулась.

– Это кто тут еще лицемерен...

– Думаешь, я...?

– А кто же? Всегда делал вид святой невинности, а оказавшись в Лесу, быстро оказался у ног Владыки. Подхалим.

Заячья Маска вздохнул.

– Не будем об этом,– он слегка помедлил, прежде чем до-
бавить:– Или хочешь, чтобы я пожелал оборвать эту тему?

Сердечница коротко хохотнула:

– Вот, а я о чем говорила?– она дернула плечом, как разо-
зленная кошка хвостом.– Как ты думаешь, что сделает с на-
рушителями Владыка?

– Чужака, несомненно, поглотит Лес. Что же до Жени...
думаю, что она все же пройдет ритуал Наречения, и будь од-
ной из нас, но уже... сломленной. Лесоцарь нуждается в но-
вых подданных. А если Женя не станет покорной, то ее будет
ждать судьба Изгоя.

На лице Сердечницы промелькнуло выражение жалости и
одновременного ужаса. Она повела плечом, и красный сосуд
рядом с ней издал влажный скрип, от которого Заячья Маска
пренебрежительно поежился.

– Женя сейчас в Туманной Долине,– сказал он.

– Ты собираешься туда идти? Пусть Лесоцарь и отдал при-
каз, но мы попасть туда не можем. Лишь ты и Он...

Заячья Маска вздохнул.

– Я не хочу туда идти,– честно признался он.– Это место
пугает даже меня.

– Трусливый маленький зайчик, а снаружи шкура волка,–
Сердечница поманила его за собой в беседку на озере.– Или
все наоборот?

Сердце Посланника дрогнуло и тревожно забилось где-то

в животе. Усилием воли он заставил его замолкнуть.

Они с комфортом устроились на подушках, и Сердечница накинула себе на плечи небольшой плед, чтобы не замерзнуть под порывами холодного ветра.

– Если так подумать, – продолжил Заячья Маска ранее начатый разговор. – Сейчас будет гораздо лучше поймать чужака. Из Туманной Долины Женя самостоятельно не выберется. Да и она будет гораздо сговорчивее, когда в наших руках окажется ее друг.

– И ты знаешь, где его искать?

– Нет. Лес молчит. Он не видит чужака и не может подсказать мне, где его искать. Его нет в жилище Жени – это я проверил сразу после Карнавала.

– И как у тебя хватает сил после Карнавала делать что-либо... – Сердечница явно не была настроена на конструктивный диалог. – Ведь все остальные всю ночь лежат пластом, не в силах встать.

– Я не участвую в Пляске и Песни. Так же, как и ты. Как и Слепец.

– Но я ведь тоже трачу немало сил. Лес подпитывается и моими силами.

Заячья Маска встал и, спрятав руки в карманах черных джинс, оглядел поверхность озера. Она шла мелкой рябью под порывами ледяного ветра. Откуда-то с болот ветер приносил сладкий запах прелости и сырости.

– Я все же надеюсь, что у тебя хватит сил для того, чтобы

помочь мне,— Заячья Маска коротко глянул на Сердечницу через плечо.— Помоги отыскать Жениного друга.

— Зачем мне это делать? Я могу поймать его сама и получить награду от Хозяина Леса.

Заячья Маска прекрасно понимал, что ему нечего предложить взамен.

— Пожалуйста. Ради... нашей памяти. Раньше я всегда помогал тебе.

— То было раньше!— фыркнула девушка в белом платье.

—... ради тебя я пошел сюда,— произнести эти слова оказалось очень тяжело.

— Не ради меня, а из-за своей матери!— зашипела Сердечница.

Заячья Маска вздохнул. Он уже жалел, что придал Сердечнице истинный облик. Иначе бы он сейчас мог смотреть в ее нежные глаза, а не в эти бездушные черные дыры на лице.

— Хорошо, ты можешь поймать чужака сама и получить награду от Лесоцаря. Ты и так у него в любимчиках. Быть может, после этого ты займешь мое место. Только знай, что в таком случае о покое придется забыть навсегда.

Сердечница, которая больше всего ценила покой и уединенность своей жизни, вздохнула и откинула в сторону плед.

— Вот знаешь же, на какое место надавить, паршивец!

— Спасибо,— негромко промолвил Заячья Маска, борясь с желанием обнять ее.

Сердечница поднялась на ноги и покинула беседку. Он

предпочел остаться внутри, зная, что так не будет мешать ей. Девушка встала на деревянном настиле над озером, который в настоящем своем облике отнюдь не был белым и аккуратным. Это были старые серые доски, прибитые кое-как друг к другу.

Сердечница взмахнула руками, что-то невнятно прокричала. Воды озера забурчали, загрохотали и поднялись вверх. В небо взмыло огромное человеческое сердце. Размерами оно было с небольшой дом, из него выходило несколько сосудов, которые, ветвясь, опускались в воду, чтобы потом оплести весь Лес и вернуться обратно к огромному сердцу.

Стук этого сердца отдавался в ушах Заячьей Маски.

Сердечница протянула руки к нему и закрыла глаза. Сердце тревожно забилося, и создалось впечатление, что окрестности озера сотрясает землетрясение. Постепенно ритм успокоился, и сердце медленно опустилось обратно в воду.

– Твой беглец сейчас в горах,– сообщила Сердечница.– Он где-то в пещере и очень напуган.

Заячья Маска удовлетворенно кивнул. Она не могла сообщить ему больше, потому что возможности Сердечницы в горах были весьма ограничены. Сказанного было вполне достаточно. В остальном Посланнику сможет помочь Лес.

– Спасибо.

– Это лишь мой долг перед Лесом,– Сердечница пожала плечами.– Уходи и позволь мне вернуть иллюзию. Мне так... гораздо спокойнее.

Заячья Маска не спешил уходить. Он какое-то время молчал в нерешительности, затем все же спросил:

– Ты ни о чем не жалеешь?

– О чем мне жалеть? Я, как и все, позабыла свою прошлую несчастную жизнь.

– Но меня же ты помнишь.

– Лишь слабыми намеками, – Сердечница смягчилась, ее плечи расслабились. – Это, знаешь, просто отголоски. И, возможно, я интерпретирую их не так, как раньше.

«Совсем не так», – подумал Заячья Маска.

Он снял запрет на иллюзию. Озеро снова стало сказочным местом с прекрасной хозяйкой.

Следующий день снова был пасмурным. Серое небо надулено выглядывало из-за туч и иногда проливалось редкие слезы на землю. Женя была рада, что в рюкзак влезла не только ее старая одежда, но и черные кеды из коззама, которые она носила в школе вместо сменки. Толстая подошва и материал верха защищали ее ноги от лесной влаги.

За день пути гора, которая служила девушке ориентиром, приблизилась лишь немного. По ее мысленным прикидкам, таким образом до гор было дней пять-семь пути, если вдруг на пути не возникнет какой-нибудь серьезной преграды, вроде широкой реки или болота.

Через пару часов ходьбы, когда сердце успокоилось, а думы перестали давить на черепную коробку, Женя отметила,

что окружающий ее лес отличается от того, где она жила. Здесь не было птиц и зверей, огромные синие светлячки не сидели ночью на стволах деревьев, игриво мерцая, а Тропа не ложилась под ноги, стоило лишь ступить под сень деревьев. Это место казалось пустой декорацией из компьютерной игры.

А еще Женя была очень голодна. В животе немилосердно урчало и кололо. Утром, незадолго после пробуждения, она набрела на куст шиповника и наелась полузрелых ягод. Но запить было нечем, да и ягоды вызвали тошноту. Позже она попыталась слизать остатки дождевой воды с листьев на немногочисленных кустах, что попадались ей по пути. Этой воды хватило лишь на то, чтобы слегка смочить пересохшие губы.

В час, когда солнце должно было начать клониться к закату, она обессилено опустилась на траву. Слабость разливалась по телу. Хотелось спать. Девушка понимала, что ей необходимо раздобыть хотя бы воду, иначе ей крышка.

В конце концов Женя заснула. Во сне сильный ветер опустился на долину, где она оказалась. Он клонил кроны вековых елей к земле и не давал ей продолжить свой путь. А потом и вовсе оторвал от земли и понес в неведомые дали. Она видела, как под ногами проносятся леса и холмы, а затем перевела взгляд и с замиранием сердца увидела впереди очередной холм. На холме вырисовывались силуэты панельных девятиэтажных домов. Женя видела, как внизу пронес-

ся ее собственный дом. На миг ей даже удалось заглянуть в окна собственной картины и увидеть там... мать, безучастно лежащую на диване и, кажется, плачущую. Женино сердце болезненно защемило.

А ветер уже нес ее дальше. Они покинули город и вернулись обратно в Лес. Ветер опустил Женю на остров, где проходил Карнавал. Безлюдный, он уже не казался поляной где-нибудь в детском летнем лагере. Нагромождения загадочных камней, вокруг которых плясали лесные жители, придавали поляне мистицизма.

Камни источали красноватое свечение, которое при дневном свете было почти не заметно. Женя приблизилась к ближайшей груде камней и ощутила исходящий от нее запах. Пахло как из розетки. Металлом, проводкой и чем-то еще, что можно назвать запахом электричества.

«Карнавал явно организуется не для увеселения», – Женя уже не раз думала об этом. И, несомненно, вся суть этого действия крылась именно в этих камнях, вокруг которых как безумные плясали лесные жители. Хозяин Леса тоже стоял в центре того хоровода, как и Заячья Маска. Эти двое, как понимала Женя, были главными в Лесу. «Скорее всего, Карнавал – это какой-то ритуал по передаче сил или выражения подчинения лесных жителей своему Владыке, – подумала Женя. – Но тогда причем здесь камни?».

Решившись, она прикоснулась к одному из каменных столбов. Холод от его поверхности обжег руку. Однако чем

дольше Женя держала ее, тем теплее становился камень. Появилось странное покалывание, а затем в голове, на самой границе сознания замелькали образы. То не были воспоминания самой Жени. Она видела абсолютно не знакомых ей людей в не знакомых местах. Лишь несколько раз удалось ей разглядеть более-менее узнаваемые лица. Более молодой и улыбающийся Горелый, держащий на коленях мальчика лет шести. Курильщица, хлопающая в ладоши на каком-то школьном мероприятии. Льющая слезы, которая прихорашивалась перед зеркалом и что-то напевала себе под нос.

Этот столб содержал в себе воспоминания жителей Леса.

Женя нахмурилась, покачала головой и отправилась к другому столбу – более высокому и густо поросшему мхом. Она с трудом отыскала кусочек голого камня и осторожно коснулась слегка влажной твердой поверхности самыми кончиками пальцев. Нечто как молнией пронзило самое ее существо. Волна отчаяния захлестнула душу.

Женя видела тьму. Она клубилась под темными деревьями, чьи силуэты походили на изуродованные скелеты. Тьма была ледяной и клоками стелилась по земле. Женя почувствовала себя боящимся тьмы ребенком, заблудившимся и оставшимся в одиночестве. Стало страшно, и она не могла пошевелиться.

Во тьме появились темные силуэты. Причудливые, иногда похожие на людей, а иногда – на животных, они увеличивались в размерах, приближаясь к Жене. Она застыла в надеж-

де, что они пройдут мимо, не заметив ее.

Силуэты обступили ее кругом, как дети на новогоднем утреннике или... как лесные жители на Карнавале. Жене показалось, что она даже дышать не может.

Из тьмы начали проступать лица. Это были истинные облики ее соседей по Лесу. Девушка узнала лицо Сердечницы с пустыми провалами глазниц и уродливым багровым пятном на красивом белом платье. Узнала Смеюнов, что теперь жались друг к другу, дрожали под мокрой одеждой и тихонько всхлипывали. А вот избитый Слепец, что, кажется, шепчет: «Мама... Папа».

Женя подалась назад, но наткнулась на Рыбака. Он весь трясся, как трясутся очень старые дряхлые люди, из его рта свисала ниточка слюны и дурно пахло.

Сквозь это жуткое видение девушка попыталась оторвать свою руку от злополучного камня, от этого мерзкого идола страданий. Но его уже не было. Она будто провалилась в сон внутри сна.

Лесные жители протянули к ней руки и что-то в унисон прошептали. Лесная земля обхватила ее ступни и начала затягивать вниз. Погружаясь в новую неведомую бездну, Женя наконец-то разобрала, что бормотали лесные жители. Они зывали: «Домой! Домой!»

Саша осознал, что больше не принадлежит себе, когда своими же ногами отправился вглубь жуткой пещеры, куда

идти совершенно не желал. Покрытые паутиной стены освещались светом, бьющим откуда-то из глубины пещеры. Коридор слабо извивался и потому нельзя было увидеть, что ждет в конце пути.

Краем сознания молодой человек понял, что за сладковатый запах разносится по пещере. Так пахло свежее мясо.

Саша вышел в обширную пещеру, что представляла собой подобие тех огромных пещер из видеоигр, где всегда засиживали самые страшные злодеи локации. Она имела некий намек на обстановку в виде сталактитов и сталагмитов, развешенных то тут, то здесь огромных кусков ткани. На многих мало-мальских возвышениях красовались группки свечей. В центре же пещеры горел большой костер. За ним Саша различил огромную тень. Она принадлежала пауку.

– Проходи-проходи, мой сладенький,– тень вышла из-за костра, явив всю свою красоту гостю.

Северные области хороши тем, что летом насекомых там днем с огнем не сыщешь. Ну, конечно, если не считать полчища гнуса в тайге в жаркий летний полдень. А вот всякой гадости, вроде богомоллов, медведок, домовых сороконожек, уродливых пауков и прочего не водится.

Однако Саня просто ненавидел насекомых!

Как-то раз, еще в детстве, ночуя в дедовом доме в умирающей деревушке в глубине тайги, Саша заметил на стене у кровати деловито ползущего куда-то вниз обыкновенного домового паука. Того самого, с округлым или слегка оваль-

ным тельцем, и отвратительно длинными тонкими лапками. На биологии их, кажется, называли сенокосцами. Так вот, завидев данного товарища возле своей кровати, Сашка заинтересовался, куда же тот спешит. Мальчишка встал, отодвинул кровать и с ужасом обнаружил, что спал над паучьим гнездом. Вид этих созданий, деловито копошащихся в своем доме, надолго запомнился Саше и каждый раз пауки вызывали у него волну отвращения.

Существо, представшее перед ним, было таким же как те пауки, только увеличенным раз эдак в тридцать. И к передней части туловища у него крепилась голова женщины в очках с толстой черной оправой. Она могла бы походить на школьную учительницу русского языка и литературы, если бы не безумная улыбка и глаза, полные животного голода.

Это была Ткачиха, ближайшая соседка Жени.

За спиной что-то зашелестело, и сразу после этого Саша почувствовал, как чужая воля над ним ослабевает. Он обернулся в надежде сбежать, но увидел, что вход в пещеру затянуло толстым слоем паутины. «Никогда не мечтал оказаться персонажем видеоигры», – содрогнувшись, подумал молодой человек.

– Ты проходи, не стесняйся, – а голос паучихи становился все слаще и слаще. – В той части пещеры холодно, а у огня гораздо теплее.

Саша скрестил руки на груди и отошел на шаг назад.

– Вы собираетесь сожрать меня? Скажите сразу и не будем

тратить время,— произнося эти слова, он чувствовал дикий ужас в груди.

Голова женщины тряхнула остатками когда-то красивых светлых волос.

— Что ты, нет! Ты пахнешь так сладко... мой любимый запах молодых парней... Но Владыка Леса хочет, чтобы ты достался ему живым.

Саня отошел еще на шаг назад. Взглядом он искал пути отступления. Вездесущая ткань, образующая своеобразные перегородки в большой пещере закрывала весь обзор.

— И зачем я ему нужен?

Она вышла из-за костра и начала медленно подползать к Саше.

— Ну как же... Ты чужак. Ты незаконно проник в наш Лес, топчешь нашу землю, используешь чудеса, не отдавая ничего взамен. Ты не посвятил Лесу свою мечту. Владыка желает покарать тебя за это.

— Мне не нужен ваш жуткий лес чудес, можете подавиться. Я пришел забрать домой Женю. Ее мать волнуется.

— Ну неет,— паучиха почти вплотную подобралась к нему.— Женя наша. Как и ты!

Одновременно с молниеносным броском паучихи вперед Саша прыгнул за ближайшую плотную портьеру. Ткачиха оскользнулась и врезалась в стену. Раздался визгливый крик боли.

— Гаденыш! Да я таких как ты линейкой!.. В угол!

Похоже, в прошлой жизни это существо и правда было школьной учительницей. Не даром дети не любят учителей.

Пользуясь моментом, Сашка проскочил еще через несколько кусков ткани. Как только эта огромная паучиха опомнится, она быстро нагонит его. До тех пор нужно успеть надежно спрятаться. Молодой человек старался двигаться тихо и не приближаться к костру, который мог бы его выдать.

Паучиха что-то бормотала.

– Я тебя сожру, а Владыке и его цепному псу скажу, что ты случайно напоролся на мои шипы. А не пропадать же мясу!

Ткани зашевелились. Саша увидел огромную ногу, а затем еще одну. Он был почти в противоположном конце пещеры – буквально еще пара штор, и он окажется у стены.

Паучиха вышла к костру. В свете его огня было видно как встрепались волосы. Одно из стекол очков треснуло. Щурясь, Ткачиха оглядывалась по сторонам.

– Сиди тихо, мышонок, – почти пропела она. – Из этой пещеры лишь один выход. Никуда ты от меня не денешься.

Сердце бешено колотилось в груди. Саша никогда в жизни испытывал такой дикий ужас. Даже когда в конце ноября к дедовой заимке в лесу вышел шатун и принялся тревожно шастать по округе в поисках пищи. Помнится, тогда они с дедом просидели в доме двое суток, боясь лишний раз повешелиться. Но тогда Саша мог положиться на взрослого – деда с многолетним опытом охотника. Сейчас же он мог надеяться лишь на себя самого.

– А знаешь, малыш, как иногда бывает одиноко даже в Лесу, – внезапно сказала Ткачиха. – Даже тут мы должны следовать правилам.

Саша присел на корточки и стал внимательно оглядывать пол пещеры, а паухича меж тем продолжала:

– Над всеми нами Владыка – Хозяин Леса. И Заячья Маска, этот мелкий выскочка, тоже над нами. Ничто никогда не мешает ему заявиться в мою пещеру и начать говорить, что я делаю что-то не так. Что я слишком много сил вытягиваю из Леса. Или что мои сны не открыты Лесу. Или что моя мечта угасла и я мало даю Лесу пищи. Аргх! Кто он вообще такой, этот Заячья Маска?! Мальчишка да и только! Пришел в Лес после меня, никогда не имел своих территорий, никогда не делился ни с кем своей мечтой, да еще и стал служить самому Лесоцарю! Он знает много лесных тайн, уж поверь мне.

Саша понятия не имел, о ком она говорила. Женя при нем тоже упоминала Заячью Маску. «Похоже, это важный перец в этом лесу», – подумал он.

Наконец-то камешек нашелся. Сжав его в руке, Саша высунулся из-за шторы. Паухича смотрела в огонь. Ее человеческое лицо выражало печаль. Внезапно она перевела взгляд прямо на него.

– Не смей швыряться в меня камнями, негодник! – шикнула она.

Сашке стало еще страшнее. Как она догадалась, где он? Это какие-то паухьи способности?

Шаркнула огромная нога. Послышался глубокий вздох.

– Выходи к огню, в пещере действительно холодно.

Сашка медлил.

– Да выходи уже, не съем я тебя! Ты нужен Владыке живым, – и уже тише она добавила: – Меня предадут Поглощению, если я еще раз ошибусь. Да и ты никуда не сможешь убежать. Единственный вход надежно запечатан моей паутиной. А она прочная – не разорвешь. Подождем вместе приход Хозяина.

Словно обреченный на смертную казнь, молодой человек вышел на свет. Подобранный камень он все еще сжимал в кулаке.

– Что такое Поглощение? – спросил он, опасливо становясь с другой стороны костра от Ткачихи.

– Это когда Лес забирает все твои силы, твою мечту и все, что дал тебе ранее. После Поглощения ты становишься Изгоем.

Саша ничего не понял, но кивнул.

– Как вы... здесь оказались?

Ткачиха покачала головой и взглянула на него из-под очков. Этот взгляд был грустный и жалкий.

– У меня были сожаления и мечта оказаться подальше от всех проблем, – негромко промолвила она, и голос ее потонул в треске пламени. – Быть может, ты мне не поверишь, но когда-то я преподавала в университете. Была доцентом на кафедре энтомологии. А потом... коррупция, разборки,

и меня уволили,— Ткачиха повела одной из задних лап. Она противно шаркнула по полу.— Пришлось устроиться учителем биологии в местную школу. А там я... влюбилась.

Саша постарался скрыть свое отвращение. То, что рассказывала эта женщина было мерзким, но вместе с тем жизненным.

— Он был учеником одиннадцатого класса, преуспевал в биологии и хотел стать врачом. Он так мило улыбался... у него были ямочки на щеках. Я помогала ему готовиться к экзаменам, он часто заходил ко мне домой... После того, как все случилось... он рассказал обо всем своим друзьям, показал несколько фото. До руководства школы и родителей это дошло, и я оказалась опозорена и виновна в преступлении,— тихо вздохнула Ткачиха.— До сих пор не понимаю, почему он так поступил, он казался таким... влюбленным. А может он изначально издевался надо мной?

Такого продолжения Саша и ожидал. Но его неожиданно заинтересовало другое.

— Ну а сюда как вы попали?

Ткачиха немного помедлила, бросив на него цепкий, внимательный взгляд из-под очков.

— Ко мне пришел Заячья Маска и предложил отправиться в место, свободное от грязи обычной жизни. Я согласилась. Все лучше, чем сидеть в тюрьме. А теперь расскажи о себе. Как ты умудрился попасть сюда? Я думала, Лес не пропускает чужаков. Ты первый, кто забрел сюда.

– Я...– начал было Саша, но остановился. Внезапная мысль пронзила его, как стрела.– А откуда вы родом?

– Из Астрахани.

– И никуда не ездили. В смысле, попали в Лес оттуда?

– Ну да, конечно.

Не может быть! Родной город Саши и Жени отделяло от Астрахани половина страны! «Как я тогда попал сюда?»– молодой человек совершенно ничего не понимал.

Ткачиха насторожилась. Она отошла от костра и начала вглядываться куда-то за спину Саши. Глаза она при этом снова щурила. Ее очки совершенно ни на что не годились.

Молодой человек тоже обернулся и увидел, как плотные комки паутины, которыми был заткнут вход в пещеру, падают на пол. Радуюсь внезапному освобождению, Саша рванулся вперед. Шаг, еще один, и вот он уже прорывается сквозь жалкие остатки паутины.

Но с другой стороны он наткнулся на незнакомца.

Отражая блеск костра в центре пещеры, на него смотрели глаза из-под серой бутафорской маски зайца.

– Ты!– зашипела Ткачиха.– Вот уж правду говорят, вспомнишь солнце, вот и лучик.

Глаза, что смотрели на Сашу, показались ему мертвыми. Они были серого цвета и напоминали взгляд дохлой рыбы. Над глазами сквозь прорези маски можно было различить тени густых бровей. Заячья Маска был одного роста с Сашей, да и телосложение имел такое же худощавое.

– Я пришел за чужаком,– промолвил Заячья Маска.

– Он мой!– возразила паучиха, быстро приблизившись к нему.– Я получу награду от Владыки, Я! Я буду прощена!

– Получишь,– голос лесного Посланника был спокойный, юношеский.– Но отведу его к Лесному Царю я.

– Это еще почему?! Хочешь забрать мою славу?!

– Мне не нужна слава. А отыскать Владыку могу лишь я.

С этим Ткачиха спорить не могла. Рядовые обитатели Леса не могли просто взять и отправиться к Хозяину Леса на аудиенцию. Его видели редко и лишь на лесных празднествах. Если же Владыка появлялся перед кем-то вне этих обстоятельств, то это грозило неприятности.

Сашка попытался обойти Заячью Маску – быть может, тогда он рванет прочь из пещеры и спасется? Такая глупая надежда. Посланник надежно закрывал собой вход в пещеру и зорко следил за чужаком.

– Я обязательно передам Владыке, что ты поймала его. Лес не забудет о тебе.

Паучиха скривила губы, будто последние слова показались ей насмешкой. Саше почему-то вдруг стало жалко это нелепое создание, когда-то бывшее человеком.

– Ладно, забирай его и уходи,– Ткачиха отвернулась и зашагала обратно к костру. Походка восьми тонких паучьих лап была шаркающая, медленная.

Рыбьи глаза Заячьей Маски снова обратились на Сашку.

– Чужак, за проникновение в Лес ты будешь наказан,–

промолвил он.— Ты предстанешь перед Хозяином Леса.

Саша скривился и промолчал.

Заячья Маска, похоже, тоже не любил много говорить. Из заднего кармана джинс он достал маленькую еловую веточку с крошечной шишкой и всунул ее в руки Саши. Тот ощутил, как еловые иголки больно оцарапали его ладонь, а после веточка испарилась из его рук.

— Теперь, куда бы от меня ни сбежал, я моментально тебя найду,— промолвил Заячья Маска.

— Можем проверить,— фыркнул Сашка, придавая себе уверенности.

— Не советую,— Заячья Маска развернулся и зашагал прочь.— Когда я поймаю тебя во второй раз, то сделаю это в истинном обличье.

Саша услышал, как за спиной испуганно охнула Ткачиха. Глядя на узкие костлявые плечи удаляющегося Посланника, он понял, что с этим человеком лучше не связываться.

Женя проснулась. Сердце ее тяжело билось, и казалось, будто она все еще во власти того жуткого сна. Изуродованные образы лесных жителей накрепко засели в ее голове, а тело словно навсегда осталось облепленным чем-то липким, пахнущим сырой затхлостью болота.

Она все еще находилась в этой странной долине. За день пути ей показалось, что гора не приблизилась ни на шаг. Сегодня еще и густой туман опустился на землю, дальше деся-

ти метров не было видно совершенно ничего.

Женя встала, ощущая острую боль в желудке. Колени были ватные, голова туго соображала. Сегодня во что бы то ни стало ей нужно отыскать еду. Поблизости не было ни единого кустика, ни единого намека на запах еды или воду. Она облизала несколько влажных от тумана листьев крушины. Чуть-чуть увлажнить губы удалось, но во рту даже слюны было больше.

Пришлось идти дальше, но шаги ее были гораздо более медленными, чем в первые два дня бодрого шага. Да еще и в тумане совершенно потерялась гора-ориентир, и теперь Женя брела наугад.

Она не знала сколько прошло времени перед тем, как туман немного рассеялся и вместе с тем ее ноги начали вязнуть в земле. Лес вокруг поредел, а мощные ели превратились в чахлые березы и тощие осины. Пахнуло затхлой влагой. «Как же я ненавижу болота!»— с неожиданной злобой подумала девушка.

Она оглянулась назад, но и там была все та же картина. Это было похоже на то, как Тропа выводила ее к жилищам лесных жителей, незаметно и неотвратно меняя местность вокруг. Но кто же тогда здесь живет?

Болото было сухое, верховое или, как их еще называют на севере, мшара. Женя, которая никогда в жизни не ходила в походы (если не считать походом прогулку по лесу за грибами недалеко от остановленной на гравийной дороге маши-

ны), не знала как его преодолеть. Ей показалось разумным взять в руки толстую сухую ветвь березы и проверять ей землю, прежде чем сделать следующий шаг. Держаться она старалась ближе к деревьям, чтобы успеть в случае чего ухватиться за их стволы.

Вскоре ей повезло. В какой-то момент подняв голову и всмотревшись вперед, Женя увидела впереди небольшое затемнение в густой охряно-серой болотной траве и мхе. Это были несколько больших пятен темно-зеленого цвета, над которыми угадывалась щедрая россыпь ярко-оранжевых головок. Женя сразу узнала ягоды, которыми торгуют местные бабули в августе. Морошка!

Позабыв о всякой осторожности, девушка бегом бросилась вперед. Ее нога в одном месте провалилась в сырую холодную землю по щиколотку. Но Женя уже не думала об этом. Она бежала сломя голову вперед, к еде и с наслаждением начала заталкивать в рот крупные, слегка кисловатые костянки ягод.

Желудок на еду отозвался режущей болью. Однако силы все прибывали и прибывали, как и желание жить.

А потом вкус ягод резко изменился. Он стал густым, тяжелым, отдающим железом. Женя посмотрела на свои ладони – вместо ягодного сока они были покрыты кровью. Вместо морошечника перед ней простиралось множество мертвых тел. Она ела, зачерпывая ладонями внутренности Слепца, распростертого на болотной земле.

Женя закричала и попыталась отползти, но ее спина на что-то наткнулась. Она не хотела оборачиваться.

Утро уже давно успело превратиться в сумерки. Туман рассеялся. И теперь оказалось, что обширное сухое болото находилось у самого подножья высокой горы, к которой Женя так стремилась. Немного в стороне даже видно было ущелье. Его темные очертания смотрелись издевательски.

В тумане начинающегося безумия Женя встала на четвереньки и поползла в сторону ущелья. Совсем немного осталось до ее цели!

В волосы вцепилась чья-то рука. Она была костлявая, огромная. Девушка задрожала, почувствовав знакомую жуткую ауру невероятной мощи. Рука потянула ее назад, волоча по земле, словно мешок с грязью. Женя не сопротивлялась.

«Власть Леса неизмерима. Он владеет нашими душами и телами», – то были слова Заячьей Маски, когда она пришла в Лес.

Глава пятая

Вкрадчивый шепот

Утром мать рано ушла в больницу и не зашла ее разбудить, хотя по какой-то злой случайности или всем известному закону подлости именно в это утро будильник Жени не сработал, и она благополучно проспала первые полтора урока. Поспешные сборы и забег до школы отняли еще один урок ее школьной жизни. В итоге Женя вошла в класс русского языка лишь к середине третьего урока, на что получила неодобрительный взгляд учительницы.

Уроки пролетели быстро, и Женя пошла домой. На улице в тот день было необыкновенно солнечно для середины апреля, но это не спасало от мрака и холода на душе. Девушка смотрела на серые панельные стены своего городка, на широкие улицы и нелепые, безвкусные вывески магазинов и понимала, что не сможет покинуть это все еще очень долгое время, в противовес тому, о чем она мечтала. Хотелось кричать, но толку от этого мало. Никто не услышит и не придет на помощь.

Дома никого не было. Хаос, что творился вчера в гостиной, исчез, как и все намеки на то, что здесь когда-то жил мужчина, звавшийся отцом Жени. Что бы там ни думалось, а она не винила его в уходе из семьи. Просто не могла, потому что понимала, что жизнь отца была далеко не

сладкой: вечная работа, чтобы прокормить жену-инвалида и совсем уже взрослую дочь, которая, наверно, за всю жизнь не сказала ему и пары теплых слов. Но Женя не могла простить отцу того, что он поддался омерзительной, измененной слабости и забылся в объятиях посторонней женщины.

Мать вернулась домой лишь к шести часам. Как и всегда после гемодиализа и целого дня в больнице, лицо ее было бледное, осунувшееся, а глаза – потухшие и измученные.

– Привет, – выдохнула она, увидев Женю на кухне.

– Привет, – ответила Женина спина. – Я тебе макароны на сковородке подогреваю. Яйцо добавить?

– Да, и молока еще, пожалуйста.

Старая чугунная сковорода возмущенно зашкворчала, перекрывая звук шуршания в комнате, с которым мать скидывала с себя уличную одежду и натягивала халат. Женя влила в сковороду с полстакана молока, шкворчание грянуло с новой силой, а потом затихло, обиженно забурчав. В это же время в дверях кухни показалась мать. Мимо ее ног, будто специально путаясь в них, пролетел Тиша. Он сел посередине кухни и издал короткое, требовательное «Мя!».

– Ну чего ты орешь?.. – пробормотала мать. – У тебя же все лежит еще с утра. Не ори!

Женя выключила плиту и переложила макароны в глубокую тарелку.

– Приятного аппетита.

– Спасибо.

Мать начала стучать вилкой по тарелке, а Женя вернулась к плите, чтобы поставить чайник. На душе начинало неприятно свербеть. Она уже знала, что сейчас последует.

И оно грянуло.

– Я зашла в продуктовый у больницы, – противно звякнули зубцы вилки об тарелку. – Там сегодня была хозяйка, ну та, у которой ресницы нарощенные, длиннющие такие. В общем, им нужна продавица.

– На полный день? – Женя скрестила руки на груди.

– Ну да. Я могу первую половину дня работать, а ты – вторую, после школы, если мне вдруг совсем тяжело будет. Хозяйка готова на это пойти, но, ясное дело, устроит не официально.

Женя неопределенно повела плечами.

– Ну в принципе, вариант неплохой, – затем закатила глаза. – Все равно, выбора у нас нет.

– Спасибо, – прошептала мама. – Ты у меня уже такая взрослая. И... прости меня.

Женя лишь фыркнула.

– Какой чай будешь, черный, зеленый?

Заячья Маска счел, что Женя и этот ее дружок похожи. Оба резкие, гордые, не верящие тому, что им говорят, но вместе с тем отважные и самостоятельные. А, быть может, сейчас вся молодежь такая. Он слишком много времени провел в Лесу, чтобы знать моральный облик современного

школьника.

Когда они вышли из пещеры Ткачихи, Заячья Маска призвал синих светлячков. Луна должна была быть полной, однако тучи скрывали ее свет точно плотной тканью. Светлячки роем прилетели со стороны болот. Десяток огромных синих насекомых с вытянутыми брюшками и один случайно прибившийся к ним желто-зеленый крошка.

– Тебе здесь не место,– прошептал Заячья Маска, прогоняя его легким движением ладони.

Оставшиеся светляки закружились над его плечом, освещая дорогу. Оглянувшись, Заячья Маска увидел, что чужак испугался огромных насекомых. На лице у него было написано отвращение.

– Идем,– бросил Заячья Маска и отправил к Саше пару светлячков.– Это чтобы ты не споткнулся нигде.

Было видно, что чужак удержался от порыва отшатнуться от насекомых. «Городской неженка»,– фыркнул Заячья Маска.

Он вышел на тропу, по которой днем пробирался Саша, и продолжил его путь. Заячьей Маске нужно было пройти сквозь горы, чтобы оказаться в так называемой речной части Леса. Он намеревался теперь отправиться в ненавистную Туманную Долину для поимки Жени, однако попасть туда не так-то просто. В день Карнавала, Наречения и других лесных праздников Лесоцарь открывал туда портал. В другое же время Заячья Маска, единственный из всех жителей Ле-

са, мог попасть туда лишь через опасный путь, пролегающий под рекой и над ней. Это странная формулировка, но она в точности описывает весь процесс перехода.

Вскоре на востоке забрезжил рассвет. Путь через горы должен был занять много времени, но Заячья Маска велел Лесу ускориться. Несколько горных пиков пролетели совершенно незаметно, а Тропа вилась под ногами как длинная атласная лента. И на рассвете они уже осматривали местность по другую сторону гор. Чужак, если и заметил небывалую скорость изменения ландшафта вокруг, голоса не подал.

Они стояли на небольшом возвышении тропы. Если спуститься вниз, то окажешься на холмах, плотно покрытых луговыми травами и художественно разбросанными камнями – это место зовется Иллюзорными Лугами. Еще чуть дальше – аккуратный вечнозеленый лес, больше похожий на ботанический сад или дендрарий при каком-нибудь университете. И за лесом, среди новых зеленых лугов, раскинулась Река. Простор у нее широкий, гладь тихая, синяя-синяя, со множеством рукавов и боковых притоков. То тут, то там виднеются зеленые глазки островов. Заячьей Маске Река всегда напоминала его родную Волгу, на которой он вырос и вдоль берегов которой так вольготно бегал в далеком детстве. Частенько он ночевал на берегу Реки, слушая ее мерное журчание и пение природы вокруг. В этом месте всегда щемило сердце и снились сны о доме.

Похоже, Заячья Маска надолго задумался, потому что его

пленник за это время успел немного потоптаться на ногах, присел на корточки, а потом и вовсе уселся на каменную тропу и вздохнул.

– Вставай,– Посланник даже не обернулся.

– Мне нужно немного отдохнуть. Ноги отваливаются.

– Пять минут.

Заячья Маска продолжил разглядывать пейзаж. Теперь его мысли были не столь радужны. Он должен связаться с Хозяином Леса и доложить о поимке чужака. С другой стороны, Лес и его соглядатаи уже доложили обо всем сами, и этот отчет будет выглядеть нелепой попыткой оправдаться. Пускай все остается как есть, решил Заячья Маска, он явится к Владыке сразу с обоими беглецами.

– Мы сейчас идем за Женей?– негромко спросил Сашка.

– Да.

– Это хорошо,– он с облегчением выдохнул.

– Ее ждет более суровое наказание, чем тебя.

Саша какое-то время молчал.

– Ну, я хотя бы увижу ее перед тем, как... все кончится,– он, несомненно, надеялся убежать с ней вдвоем.

– И что тебе это даст?– зачем-то спросил Заячья Маска.

– Мне станет спокойнее. Я пойму, что не один в этом безумном мире.

У Лесного Посланника дернулся уголок рта.

– Идем, хватит сидеть.

Дорогой Заячья Маска разогнал синих светлячков. Когда

они поднялись выше в небо и улетели, оставляя за собой едва заметный синий след, он посмотрел им вслед. Последние слова Саши эхом отдавались в его ушах.

Женю швырнули на холодный, влажный пол пещеры. Она тихонько заскулила. Все тело болело. Сначала ее волокли за волосы, нещадно выдирая их и причиняя боль до потемнения в глазах. А потом перехватили за капюшон толстовки. Она не знала сколько времени длилась эта попытка, однако болото сменилось редким лесом, а то в свою очередь перешло в темную пещеру.

Мучитель грозно навис над ней. В темноте сияли выбеленные временем кости лошадиного черепа. Еще на болоте Женя поняла, что ее схватил Владыка Леса.

Красные огоньки внимательно разглядывали ее через пустые глазницы. Затем Лесоцарь выпрямился и навис над ней огромной горой.

– Ты разочаровала меня, Женя, – промолвил он.

– Иди ты... – обессилено прошептала она.

– Лес тебя накажет.

Женя вспомнила маму. Ее фигуру на кухне, а затем расслабленное лицо с легкой улыбкой во время чтения. Вспомнила, как они иногда вместе смотрели сериалы на стареньком ноутбуке, сидя рядышком на диване и попивая только что сваренный какао. Рот наполнил вкус маминой шарлотки. Слишком сладкой, с опавшим бисквитом, но такой вкусной.

Женя заплакала.

– Я хочу домой.

– Ты сама пришла в Лес. Ты хотела забвения, и Лес готов тебе его дать,– сказал Лесоцарь.– Ты не можешь отказаться от этого дара.

– Я еще не получила Имя,– девушка осторожно села, ощущая каждую гематому на своем теле.

– Это не имеет значения,– Хозяин Леса отошел от нее и теперь разглядывал ее издали, слегка постукивая по земле своим рябиновым посохом. Женя догадалась, что он творит какое-то заклинание.– Лес не отпустит тебя. И вскоре дарует Имя.

– Не хочу!

Лесоцарь проигнорировал ее. Он отправился куда-то вглубь пещеры и напоследок, уже из темноты бросил:

– Наречения ты будешь ждать здесь.

А после он исчез.

На улице, в темноте ночи, зашуршал дождем лес. Женя осторожно поползла на этот звук. Выход из пещеры, оказывается, был совсем рядом, буквально руку протянуть. Но, когда она попыталась выбраться наружу, трава, росшая у входа, зашипела на нее бешеной кошкой и вздыбилась волной. «Ясно»,– Женя откинулась назад.

Какое-то время она так и сидела, ни о чем не думая и слушающая шум дождя. Затем встала и отправилась обследовать пещеру. Она оказалась не такой большой, как подумалось вна-

чале. Всего пять шагов от одной стены до другой. В глубину – семь шагов. Женя так и не нашла, куда ушел Лесоцарь, но зато обнаружила в конце пещеры небольшую нишу, где на аккуратном деревянном подносе стояла тарелка с наваристым супом. Жене не хотелось думать о том, из чего сварен этот суп, и не хотелось изображать оскорбленную гордость, отказываясь от подачи Хозяина Леса.

С удовольствием проглотив теплую пищу, девушка уселась обратно на пол пещеры. Голодавший пару дней желудок отозвался на еду острой резью. Женя знала, что она скоро пройдет, стоит лишь немного подождать. Главное, чтобы не вырвало. Как и любой подросток, она частенько забывала поесть и знала, что значит получить впервые за день частичку пищи.

Сверкнула молния, озарив пещеру мертвенным бело-голубым светом. Женя вспомнила про Сашку. Подумала о том, где же он сейчас. Мысленно она не переставала корить его за то, что он пришел в это жуткое место следом за ней. Но вместе с тем было приятно, что он не забыл про нее.

«А ведь мы так давно знакомы», – внезапно подумалось ей.

Он пришел в их класс в последний год начальной школы. Родители Сани зарабатывали вахтовым методом, и им часто приходилось оставлять сына с дедом в деревне. Так и получилось, что в детский сад и первые три класса он ходил в сельской местности. Они с Женей жили через два двора и в

детстве она периодически видела его на детских площадках, когда Сашкины родители забирали его от деда и ненадолго привозили в городскую квартиру.

Потом у родителей Сани случились какие-то проблемы с работой. Они вернулись в город и пару месяцев жили на остатки денег, сына в то время они оставили в деревне с дедом – все-таки там воля и проблем с едой нет, а тут самим бы протянуть. В конце концов отец Саши выбил себе место на местном деревообрабатывающем предприятии, а мать устроилась поваром в столовую при детском саду. Было решено забрать ребенка в город и перевести в местную школу. Дед Саши да и сам ребенок сопротивлялись такому решению – им было интересно вдвоем. Но мать была женщиной властной, громкой, и с ее решениями все считались.

Женя помнила, как Саша впервые вошел в их класс. Одетый в новенький костюм с аккуратно выглаженной белой рубашкой, в руках он сжимал старый полотняный охотничий портфель. На переменах он любил рассказывать о своей жизни с дедом – как они собирали бруснику в лесу и увидели зайца, как он бегал за бурундуками, как весело было после бани прыгнуть в сугроб, и какие красивые фигурки из дерева дед научил его вырезать. Городским детям эти истории казались странными, и они смеялись над Сашкой, называя деревенщиной. Тот недолго обижался. Он был мальчиком сообразительным и быстро понял, как стоит вести себя со сверстниками, и уже к концу третьей четверти четвертого класса

стал душой класса.

В то время Женя не общалась с ним, но ее впечатлила такая любовь и преданность к старшему родственнику. Однажды, в шестом классе, она увидела Макара Егоровича – деда Саши. Это был невысокий худенький старичок с лицом, плотно обтянутым сухой, похожей на бумагу, кожей с крупными пигментными пятнами. Темные глаза у него были ясные, не подернутые старческой пеленой, а на губах играла добрая одухотворенная улыбка.

Женя начала сближаться с Сашкой в конце девятого класса после смерти его деда. Старик тогда полез чинить крышу, упал с нее, разбил череп и умер на месте. Соседи нашли его только через два дня. По Саше это сильно ударило, и он закурил. Так они заговорились за школой один раз, другой, да сдружились.

За такими мыслями время пролетело незаметно. Где-то должен был наступить рассвет, но тучи никак не расходились.

Женю клонило в сон, но ей не хотелось снова увидеть жуткие картины, которые показывали ей прошлой ночью. Она встала и, замерев около входа в пещеру, вновь разглядывала темный лес, обильно поливаемый дождем. Небо посерело – рассвет все-таки наступил, – однако под деревьями все равно было темно. В какой-то момент что-то привлекло ее внимание там, в этом сером месиве. Внимательно приглядевшись, Женя поняла, что это очертания каких-то камней, навален-

ных друг на друга. С содроганием сердца она подумала, что оказалась на том острове, где был Карнавал, но потом вспомнила, что там не было никаких пещер.

– Женя, – раздался гулкий голос за спиной.

Она почти не вздрогнула.

– Женя, – снова позвал Лесоцарь. – Посмотри на меня.

– Нет.

– Я кое-что принес тебе.

– Цветочки и коробку конфет?

– Посмотри на меня, – уже более настойчиво повторил Хозяин Леса.

– Нет, – Женя стала еще внимательней всматриваться в очертания камней в серой пелене дождя.

– ПОСМОТРИ! – этот голос, гулкий, как из скафандра, прозвучал прямо в ее черепной коробке.

Такому зову она уже не могла сопротивляться. Обернулась и взглянула на своего мучителя. Лесоцарь стоял в другом конце пещеры, два крупных гриба на его плече мертвенным зеленым светом освещали лошадиный череп. Черная рука, выглядывающая из-под меховой мантии и напоминающая то ли кисть скелета, то ли узловатые ветви, сжимала в руке какую-то тетрадку. Она была тоненькая, на сорок восемь листов в клетку. Обычная школьная тетрадка с забавным принтом из авокадо на обложке. Только вот Женя, едва взглянув на тетрадь, поняла, что эта *та самая*.

Ее дневник.

Это глупо, но иногда необходимо. Дневник помогает справиться с мыслями, высказаться и решить, что делать дальше. Многие психологи и даже психиатры советуют своим клиентам и пациентам вести дневники. И сколько в мире опубликовано дневников, великих, трогательных, а иногда и ужасающих.

Женин дневник был самый обычный. Она не писала в нем ежедневно, доверяя каждую глупую мелочь, вроде очередной ссоры с матерью, косога взгляда от учителя и прочей ерунды, которая так сильно порой волнует юных девушек. Нет, Женя брала в руки свою тетрадку, когда была на грани. Когда слезы подступали к глазам, а крик отчаяния застревал в горле, но кричать и плакать было нельзя. «Ты должна быть сильной», – повторяла она себе и запирала свои слезы в клетчатых страницах. Мысли там были сумбурные, разрозненные, сопровождаемые иногда странными кривыми рисунками.

Женя надежно прятала свою тетрадь: в углу комнаты, за кроватью. И никто никогда и не подозревал, что у нее есть нечто подобное.

– Откуда она у вас? Вы были в моем доме? – пораженно выдохнула она.

– У Леса должны быть рычаги давления на тебя, – только и сказал Лесоцарь.

Девушка хотела забрать свой дневник, но ей было противно даже подумать о прикосновении к этому существу.

Он сам протянул ей тетрадь, небрежно держа двумя пальцами за самый край. Женя успела поймать ее прежде, чем она упала на пол.

– Тебе стоит запомнить, что в моей власти забрать не только твою тетрадь из дома, – угроза прозвучала более чем убедительно.

– Да пошел ты, – прошипела Женя.

– Обряд Наречения изменит тебя в лучшую сторону, Женя, – промолвил Хозяин Леса спустя пару минут молчания. – Ты станешь ближе к Лесу, свяжешься с ним и будешь дарить ему свои сны и мечты. Как все твои соседи. Если пожелаешь, твой друг тоже может стать частью Леса.

Эти слова больно резанули по сердцу. Сашка, этот глупый мальчишка, который очертя голову бросился за ней... Женя тряхнула головой.

– Вы можете отпустить его? – голос звучал очень вежливо. – Если я добровольно пройду через ритуал Наречения, вы отпустите моего друга?

– Нет. Он пришел в Лес и теперь тоже должен быть его частью.

– Каким образом?

– Пройдет через ритуал Наречения и будет твоим соседом. Женя поморщилась.

– Вы и у него найдете, что украсть?

– Мечта есть у всех – прогрохотал Лесоцарь.

– Как он вообще мог оказаться здесь? Заячья Маска гово-

рил мне, что Лес надежно спрятан от посторонних и лишь те, кого он лично приводил сюда, могут отыскать дорогу.

– Это все твоя вина,– Хозяин Леса грозно качнул посохом.– Если бы не ты, мальчишка так и блуждал по весеннему лесу вокруг вашего городишки. Кто знает, быть может, он бы там и умер. Ты же была очень близко к границе Леса, а у мальчишки было большое желание увидеть тебя. И Лес воспринял это как нового жителя, и перенес его сюда.

– А как же вы не заметили этого сразу?

Этот вопрос как будто бы разозлил Лесоцаря. Красные огоньки на месте его глаз полыхнули.

– А кто сказал, что я этого не заметил?

Женя замолчала и отвернулась. На улице начинало проясняться. Капли дождя влажно поблескивали на траве.

–Обряд Наречения состоится через семь дней, будь готова.

И он ушел, снова исчезнув в противоположном от входа конце стены. Женя побежала следом, но не нашла ничего, кроме очередного подноса с едой.

Все вокруг казалось Сашке странным. Вот как, например, они могли пройти целые горы за какую-то половину ночи, а затем спускаться вниз, к холмам, половину дня? Или, допустим, погода. Ночь была хмурая, утро, в которое они шли вниз – ясное, а в полдень, откуда не возьмись задул сильный, почти ураганный ветер.

Саня не преминул спросить об этом у Заячьей Маски.

– На все воля Леса, – безжизненно ответил он.

Молодой человек фыркнул.

Луга, по которым они шли, были отвратительны, Темные, покрывающие жесткой вехоткой пологие холмы, они дышали запустением и унынием. Ветер, бросал в лицо запах прелой травы. Внимание Саши привлекли камни. «Как прыщи на лице», – подумал он, разглядывая кривые оскольчатые камни. Покрытые серым и липким мхом, они казались здесь чем-то инородным. Будто какой-то великан с силой швырнул их сюда из другого места.

– Что это за место? – спросил Саша.

– Иллюзорные Луга.

– Эмм... и что, здесь можно видеть какие-то иллюзии?

– Именно, какие угодно, – и, предвидя следующий вопрос, Заячья Маска продолжил: – Но для этого нужно быть частью Леса или Кандидатом.

– А Женья здесь бывала?

– Я привожу сюда всех новичков, чтобы показать силу Леса. И твоя подруга бывала здесь в своих снах, разумеется.

Саша вспомнил пустой, отсутствующий взгляд Жени в те несколько дней, что предшествовали ее уходу. Она никогда не была особо общительной, однако то и дело можно было услышать ее язвительные замечания в общей беседе класса или разговориться за школой про какой-нибудь новый сериал или игру. Она была живой молодой девушкой со сво-

ими интересами, но потом стала тенью самой себя, призрак-ком. Когда Женя рассказала про отца, Саня подумал, что дело именно в нем. Он уже видел, как меняются дети из-за развода родителей или других проблем в семье. Помнил, какой стала его бабушка по отцу, когда умер ее второй муж. А мать рассказывала, как ее отец перестал играть на аккордеоне, когда еще в ее юности в пожаре погибла ее мать.

Если бы Саша тогда знал, что Женя видит такие сны... «Я бы все равно ничего не смог сделать»,— он это прекрасно понимал.

— Вы всегда начинаете со снов?— поинтересовался он.— Типа приходите, пудрите мозги, а потом люди приходят к вам сами?

Заячья Маска кивнул.

— Во снах люди всегда искренни сами с собой. Они знают чего хотят и видят об этом грезы.

Саша вспомнил собственные сны с поездками верхом на кактусе по мягкой шерсти рыжего котика и фыркнул. Вряд ли это то, что он желал на самом деле.

— И... как вы находите тех, кто может прийти в ваш Лес?

— Также через сны. Лес чувствует сильное желание спящего. То желание, что способно уничтожить все на своем пути. Затем Владыка отправляется в сон Кандидата, решает, достоин ли тот быть одним из нас. Если достоин, то им уже начинаю заниматься я.

«Ишь ты, цаца важная»— подумал молодой человек.

– И, ты хочешь сказать, что Женя оказалась достойной? Почему?

Тут Заячья Маска остановился. Бросил на него короткий взгляд и наклонился за ближайший поросший мхом камень. Когда он выпрямился, в руках у него была большая корзина для пикника.

– Время поесть,– промолвил он и сел на траву.

Саша хотел было усесться на камень, чтобы ногам было удобнее, однако его спутнику хватило одного грозного взгляда, чтобы он покорно устроился на траве напротив. Заячья Маска протянул ему бутерброд с красивыми овощами и зеленью и деревянный стакан с чистой водой. Сам есть не стал.

– Жене есть, что предложить Лесу, поэтому мы ее и выбрали,– вернулся к прежнему разговору он.

– А когда вы вот так отбираете людей у их семей и друзей, вы не думаете о том, что будет с теми, кто их любит?

– Мы никого не отбираем,– Заячья Маска тряхнул плечами.– Они сами решаются оставить все позади. А значит, им наплевать на тех, кто будет о них вспоминать,– в этом месте в его голосе появились металлические нотки.

– Ну-ну,– цыкнул Сашка.– Находите тех, кому и так плохо, да нашептываете на ушко, что там, за углом лучше.

– Лес дарует им покой и исполнение их желаний!– прошипел Заячья Маска.

– Но какой ценой?! Изоляцией не пойми где, потерей воспоминаний и дурацкими ритуалами, вроде этого вашего Кар-

навала?! Эта паучиха,— он вспомнил бесконечно грустные глаза Ткачихи и горечь в ее словах,— не думаю, что она мечтала стать такой.

— Она получила, что хотела.

— Но сколького лишилась ради этого?! А Женя... да она родную мать забыла в этом проклятом месте!

Заячья Маска молчал, обняв свои колени и глядя вдаль. Сашке показалось, что его слова все-таки смогли задеть собеседника.

— Ты-то чего хотел, когда пришел сюда? И получил ли в полном размере?

Посланник продолжал хранить молчание. Он смотрел на Реку и думал о чем-то своем. Возможно, снова вспоминал беззаботное детство на берегах Волги.

А Саня все не унимался.

— Я так понял, что ты близок к местной верхушке. А значит, знаешь всю внутреннюю кухню. Так неужели этот ваш Лес действительно настолько прекрасен?

— Лес — наше все,— сказал негромко Заячья Маска, а после встал на ноги.— Нам нужно идти дальше, чтобы исполнить его волю.

Корзинка с едой исчезла.

— Сектанты несчастные,— фыркнул Сашка.

Заячья Маска мог бы с абсолютной уверенностью ответить на вопрос своего пленника: «Нет, я не получил того, че-

го хотел». Он мечтал, как и многие в Лесу, найти здесь покой и избавиться от чувства вины. За то, что сделал и за то, чего не смог. В отличие от всех остальных, он не потерял свои воспоминания, став подопечным Леса. И то, что привело его сюда, до сих пор жгло Заячью Маску изнутри.

Когда они взобрались на последний холм, Заячья Маска поглядел вниз. Там раскинулся жестколистый лес, похожий на тщательно ухоженный дендрарий. Тянутся к небу могучие дубы и платаны, между ними скромно притулились лавровые деревья и цветущие олеандры и фейхоа, вдалеке, немного правее виднеются сосны и пихты, которые постепенно переходят в привычную светлохвойную тайгу, а та в свою очередь – в родную любому русскому сердцу березовую рощу.

Заячья Маска не любил жестколистую зону возле Реки, здесь всегда жарко и безветренно, если не попросить у Леса другой погоды. А единственная жительница этой зоны – Льющая слезы – весьма неприятная особа даже для него. Не сказав ни слова, он отклонился от прежнего своего маршрута и снова зашагал по холмам Иллюзорных Лугов.

Он планировал обойти светлохвойную зону, спустившись к реке через березовую рощу. Однако звонкий детский смех в тот момент, когда дубовая роща осталась позади, расстроил его планы. Заячья Маска остановился и поглядел вниз. У подножия холма в этот момент из леса выбежали Смеюны.

Эти дети, как и всегда, были слишком заняты друг другом, чтобы заметить двух людей на вершине холма. Смеясь и

крича друг другу какие-то глупости, они обошли кусты дикой малины, что притулились прямо под холмом, и побежали вверх по косогору.

Заячья Маска искоса глянул на Сашку, что пораженно наблюдал за детьми, и прошептал:

– Явитесь в истинном обличье!

Смех прекратился, а ясные детские личики скрылись под плачущими масками. Аккуратная чистенькая одежда сменилась мокрыми обносками. Вместо смеха слышать тихие всхлипывания. И только теперь Смеюны заметили Посланника.

– Заячья Маска!– воскликнули они, остановившись на середине холма.– Здравствуйте!

– Добрый день,– Заячья Маска коротко глянул на Сашку и пошел вниз по холму.– Как ваши дела?

Дети выглядели сконфуженными. Им, как и Сердечнице недавно, было очень неудобно находиться в своем истинном обличье. Это обнажало их застарелые раны, они чувствовали себя голыми.

– Устали после Карнавала,– заговорила первой девочка, она была чуточку смелее.– Но там так весело было, так хорошо! Как и всегда!

– Да!– закивал мальчишка.

– Хорошо,– величаво кивнул Заячья Маска, чувствуя себя воспитателем детского сада.– А это – чужак. Вы наверняка слышали о нем от Владыки.

Дети закивали и заохали. Такое бывает, когда маленьким детям показывают картинку с лисой и говорят, что это злой хищник, который ворует куриц.

– Я веду его к Владыке за получением наказания,– продолжал он.– Ведь чужаки не должны безнаказанно гулять по нашему Лесу.

– Да! Лес только наш!

Смеюны хотели воинственно броситься на Сашку с кулаками, рьяно отстаивая право на неприкосновенность своего дома, но Заячья Маска их остановил.

– Он получит свое, не переживайте. А теперь нам пора идти.

Он вернул детям их милый, приятный глазу облик и пошел вниз. Смеюны же вернули себе доброе расположение духа и рванули вверх, на Иллюзорные Луга.

– Эти дети когда-то жили в деревне со своей матерью,– заговорил Заячья Маска, когда они зашагали под сенью высоких лиственниц и сосен, чьи кроны щедро поливались ярким солнечным светом.– Раньше она была хорошей матерью, однако муж бросил ее, и она нашла утешение в бутылке. Пила она, не просыхая, про детей забывала, а когда вспоминала, то начинала их бить. Они терпели, ходили в обносках, питались одной картошкой и продолжали любить мать. Пока она не провалилась под лед в пьяном угаре.

Он видел, как Сашка вздрогнул и сглотнул. Заячья Маска немилосердно продолжал.

– Смеюны очень любили свою мать и не хотели отправляться в детдом или в город к отцу, которому они не нужны... А знаешь, что дал им Лес?

Саша ответил ему коротким вопросительным взглядом.

– Смеюны живут в небольшом доме возле реки. И там их всегда ждет женщина, что обласкает и накормит вкусным обедом. Они зовут ее мамой. Да, это всего лишь обман Леса и в глубине души эти дети все понимают, но так они могут жить своим самым большим счастьем. И после этого ты называешь Лес жестоким местом?

– Эти дети никогда не вырастут,– сказал Саша.– И всегда будут жить прошлым, вернее, даже выдумкой о прошлом. Это не жестоко, это глупо.

Он покачал головой, чем сильно разозлил Заячью Маску. Он хотел сказать что-нибудь резкое, неприятное, но заставил себя молчать. Ни к чему распаляться.

– И почему ваш Лес такой жуткий?– спросил Сашка.– Женья говорила, что все вокруг прекрасно. Но я вижу только гниль и пустоту.

Заячья Маска удивленно замер. Он впервые слышал о чем-то подобном.

– Ты не видишь зелени? А птицы, звери?– осторожно спросил он.– Слышишь пение в деревьях?

– Ничего, все вокруг пустое и жуткое,– чужак нахмурился, задумавшись.– Все выглядит мертвым. А те, кого я встречал, похожи на монстров. Взять паучиху эту жуткую...

«Ткачиха не показатель,— подумалось Заячьей Маске.— Она всегда в своем истинном облике».

— А дети?— спросил он.— Как выглядели сейчас дети?

— Как побитые маньяком сироты,— выдохнул Сашка.

— И они не менялись по ходу нашего разговора?

— Нет.

Заячья Маска был удивлен. Похоже, над чужаком были не властны иллюзорные чары Леса, и он видел все таким, какое оно есть на самом деле. Это было очень интересно. Ведь даже сам Посланник не мог видеть истинного облика Леса, только его жителей.

Неожиданно его сердце болезненно стукнуло.

— А меня как ты видишь?— осторожно спросил он.

— Как чудилу в дурацкой маске,— Саня пожал плечами.

Заячья Маска расслабился, но еще больше удивился. Чужак видел его таким же, как видят все лесные жители. Возможно, дело в том, что даже Лес боится его истинного облика?

— Идем,— бросил он.

Дальше шли молча.

Лес жил своей жизнью. В кронах стройных, прямых лиственниц перекликались птицы, кое-где на ветвях можно было заметить рыжие хвосты белок. А вот раздался перестук клюва дятла по коре. На земле, среди редких кустиков толокнянки и лесной герани шебаршились деловито бурундуки. Глядя на расположившиеся вдалеке заросли багульника, Заячья

Маска с улыбкой подумал о том, что вот-вот он расцветет, и весь местный лес оденется в пурпурно-розовый наряд. Мысли о таких простых, естественных процессах, всегда очень успокаивали его. Что может быть умиротвореннее природы в ее неторопливом течении?

Так шли до самого заката. Заячья Маска наслаждался дорогой через любимый лес и не желал подгонять Тропу вперед. Пускай, ему некуда спешить. Его же спутник, Сашка после разговора о Смеюнах замолчал, и больше не высказывал своего мнения по поводу и без оногo.

И как же великолепен этот золотой час дня, когда солнце начинается едва-едва касаться нижним своим краем горизонта! Заячья Маска даже замер на миг, чтобы насладиться темными лучами, струящимися через частокол лиственных стволов.

– Что это?! – внезапно воскликнул за его спиной Саша.

Заячья Маска раздраженно обернулся к нему.

– О чем ты?

– Да там в небе огромная рыбина!

Он посмотрел туда, куда указывал палец чужака. В стороне противоположной закату, там, где должна была подняться луна, над горизонтом величественно поплыла огромная белая рыба. Formой своей она напоминала аквариумную золотую рыбку – такая же округлая и с красивыми плавниками. Вскоре за ней следом появилась еще одна, и еще. И вот целый косяк огромных белых рыб плывет по нему, заменяя

своим мертвенным беловатым свечением луну и звезды.

– Это Белые рыбы,– флегматично ответил Заячья Маска.

– Я вижу, что не серо-буро-малиновые!

Сашка, видимо, еще не устал удивляться чудесам Леса. На его лице было написано невероятное удивление.

– Они обычные обитатели здесь,– терпеливо пояснил Заячья Маска.– Как белки в лесу, например. Белые рыбы днем плавают в Реке, отдыхая, а ночью поднимаются в небо.

– И зачем они нужны вообще?

– Это мечта одного из жителей,– Заячья Маска пожал плечами.

– Опять ты про свой Лес!– Сашка закатил глаза.

Однако, когда окончательно стемнело, чужак смог в полной мере оценить достоинства Белых рыб. Они прекрасно освещали путь. Свет был мертвенный, но ровный и почти не дающий теней.

– Как будто НЛО над нами летит,– пробормотал Сашка, когда они подошли к Реке.

Заячья Маска не без удовольствия отметил, что его пленник не может глаз отвести от неба. Он не мог не думать о том, как же прекрасен его дом. Посланника буквально распирала гордость.

Наконец, они вышли к Реке. Ее обширная темная гладь особенно по-колдовски блестела в белом свете рыбной чешуи. Здесь двое путников увидели, как несколько рыб поменьше, почти мальков, как-то по-трогательному осторожно

скользили над водной гладью, походя на птенцов, что только учатся летать.

– А здесь бывают птицы, которые роют землю?– внезапно спросил Сашка.– Или мохнатые звери, которые живут под водой?

– Что?– переспросил Заячья Маска.

– Ну, типа, если есть летающие рыбы, то должно быть и что-нибудь еще интересное.

– Нет, ничего подобного больше нет,– задумчиво ответил Заячья Маска, оглядываясь по сторонам.

Он знал, что в час, когда в небо поднимаются Белые рыбы, из своей крошечной землянки в березовом лесу выходит Рыбак. Это забавный, безобидный старичок, от которого можно узнать много полезного про Реку. Заячьей Маске нужна была информация о небольших образованиях на поверхности Реки, которые про себя он называл Водоворотиками. Это были своеобразные двери на путь, который приведет их в Туманную Долину. Водоворотики возникают в любое время и в любом месте Реки, а Рыбак внимательно следит за водой, не упуская своей мечты.

– Идем туда, где поднимается из воды вон та рыбина,– Посланник повернул вправо и зашагал вдоль берега.

И не ошибся. Вскоре со стороны леса послышался торопливый, но аккуратный шаг, шорох и легкий звон рыболовных снастей. Скоро из густого подлеска показался старик, увешанный всевозможными удочками, спиннингами, сачка-

ми и прочими принадлежностями для ловли рыбы. Глаза его возбужденно сверкали и беспрестанно перебегали от неба к поверхности Реки. По едва заметным колебаниям седой бороды можно было догадаться, что он бормочет себе что-то под нос. Он едва ли заметил двух молодых людей.

– Доброй ночи, Рыбак, – вежливо промолвил Заячья Маска.

Старик вздрогнул и перевел на него мутные глаза. Какое-то время он молчал, будто бы силясь вспомнить, кто же перед ним.

– Здравствуй, внучок, – хриплым, дребезжащим голосом старого пьяницы сказал он, наконец. – Чудесная ночь. Ты уже видел ее, ту самую?

– Нет, она еще не показалась.

– Вот стерва-то белобрысая! – зашипел старик. – Ну я ее-то..!

Заячья Маска заметил замешательство своего спутника, однако не стал ничего объяснять.

– Рыбак... – начал было он, но старик уже побрел мимо. – Рыбак! – тряхнул его за плечо.

– Ась?! – рявкнул Рыбак.

– Ты видел сегодня водовороты на Реке? Те, что маленькие совсем.

Но старик снова уже позабыл его. Он с надеждой вглядывался в небо, в горизонт, освещенный множеством белесых хвостов, и в темную поверхность Реки.

– Рыбак!– рывкнул еще раз Заячья Маска.

Тот прошел мимо него.

Посланник недовольно вздохнул. Придавать истинный облик Рыбаку – его излюбленный прием, чтобы делать лесных жителей более покладистыми – не имело смысла. В истинном облике он даже слушать не станет.

– Пойдем отсюда,– вздохнул Заячья Маска.– Переночуем в лесу, а днем найдем его, когда не будет этих проклятых рыб!

– А с ним что было?– поинтересовался Сашка, засеменя следом за ним по лесной траве.

–Рыбак много лет трудился инженером на крупном заводе,– вздохнув, начал Заячья Маска.– Получил квартиру от предприятия в советское время, женился, завел ребенка и продолжал работать дальше. После смерти старухи-жены, уже на пенсии, к нему явился сын с невесткой и затребовал поселить их в его квартиру, мол, не могут же они рожать третьего ребенка в съемной однокомнатной квартире. Старик любил сына и внуков и послушался. Родился третий внук, на радостях да с подачи хитрой невестки Рыбак переписал на детей свою квартиру – дескать, все добро с собой в могилу не унесешь, а молодым нужнее. В итоге через пару лет умер сын, а невестка выгнала старика в деревню, в старый трухлявый дом, где когда-то выросла еще ее покойная мать. В деревне ему было хорошо, свободно, он засадил огород картошкой, завел с десяток куриц. С города привез свой старый

маленький телевизор, да поначалу в свободное время смотрел его. Увлёкся передачами о рыболовстве, потом познакомился с местными дедками да повадился ходить вместе с ними на рыбалку. Так старик жил счастливо примерно год, пока снова не объявилась невестка. Вместо любимых внуков она привезла с собой мужчину кавказской наружности и заявила, что продает деревенский дом ему и что дед должен в течение недели найти себе жильё и выселиться «хоть в лес под елку». Вот так когда-то высококвалифицированный специалист и примерный семьянин превратился в живущего в лесу бездомного,— Заячья Маска пожал плечами.— Но рыбалку не бросил, и вскоре поймал на крючок шанс жить в Лесу.

Было слышно, как Сашка всхлипнул в темноте.

— А...— он снова шмыгнул носом.— О чем спрашивал у тебя Рыбак?

— Про ту, что зовет Царь-рыбой. Это огромная белая щука, что плавает по небу среди обычных Белых рыб и роняет со своих плавников алмазы.

— Она правда существует?

— Нет,— безжалостно покачал головой Заячья Маска.— Она лишь плод его больного воображения, которое он принес с собой в Лес.

Женя вяло листала свой дневник. Решетки его страниц заключали все ее мысли за последние три года. На первых

страницах она нашла начало их семейной трагедии. Запись от третьего октября: «В школе сегодня была какая-то жесьть. На математике принесли пробники к ОГЭ и заставили решать, почти все получили двойки. Я почти смогла разобраться с системой уравнений из второй части, ура. Мама сегодня очень нервничала, папа вернулся поздно и сразу лег спать, даже не ужинал, а она приготовила такую вкусную запеканку с курочкой. Перед сном он успел, что наорать на меня, когда я взяла его телефон, чтобы раздать интернет на ноутбук». Потом увидела запись, которую делала на пару месяцев позже: «Мама плохо себя чувствовала после диализа, папа уговорил ее остаться дома и не ходить с ним на новогодний корпоратив. В итоге весь вечер смотрели сериал и пили сладкий кофе с молоком». Еще одна запись, с прошедшего лета: «Встретила маму после приема у нефролога, на обратном пути заходили в парк. Пока гуляли, решили, что хочется съездить в лес, поискать грибы. Папа пообещал свозить на следующих выходных, на этих он занят – вроде бы хочет подработать. Но мать Даши, которая тоже где-то там работает, говорила, что лесопилка закрыта на выходных. Куда он собрался, не понимаю».

Женя откинула в сторону тетрадь. Вспоминать об отце не хотелось. Да и о матери, если честно, тоже.

Солнечный свет, пробивающийся через вход пещеры, дразнил, манил выйти наружу и размяться. Но больше хотелось спать. Девушка пролистнула еще пару страниц своего

дневника и зевнула. Она устала нервничать и переживать. Сон быстро сморил ее, и она заснула, растянувшись на земляном полу пещеры.

Во сне она увидела Иллюзорные Луга, залитые ярким светом. Они были точь-в-точь такими же, как в момент, когда она увидела их впервые. Женя закрыла глаза и попросила показать ей дом, но магия Лугов не сработала. Вокруг нее все также был Лес. Она села на землю и принялась ждать. Если это сон, то она скоро проснется, если же это видение, то оно само настигнет ее.

И скоро все вокруг вполне ожидаемо начало изменяться. Залитые солнцем луга окутались тьмою, Реку вдали перестало быть видно. Кривые камни, разбросанные по лугам, засветились неприятным ядовито-зеленым цветом.

Долгое время Женя смотрела на эти камни, не желая прикасаться к ним и снова видеть жуткие видения. Но камни были настойчивы, они сами хотели показать ей то, что скрывали. Они приподнялись над землей буквально на десяток сантиметров и начали собираться вокруг Жени, окружив ее.

– Ну что еще?! – раздраженно воскликнула она, вскакивая на ноги. – Я не хочу видеть вас!

Камни поднялись выше, не давая ей уйти. Они закрутились быстрее, загорая своим зеленым мельтешением местность вокруг.

На этот раз Лес показал Жене ее саму. В зеленом ярком мельтешении она угадала свой бледный силуэт, скрючив-

шийся на кровати перед экраном ноутбука. Потом увидела себя же, но уже стоящую за школой все в той же скрюченной позе с вейпом в руках. «Я всегда была такая?»— мелькнула мысль.

Затем была еще одна сцена. Из начала седьмого класса, когда она вернулась в школу после летних каникул, изрядно располневшая. Тогда одноклассники начали называть ее «толстым гномом». Жене это сильно не нравилось. И вот однажды на очередное обзывательство она со всей силы швырнула учебник физики в прыщавого одноклассника. Острые углы книги ударили прямо в лицо. Прыщавый разревелся, а ее назвали бешеной и уволокли в кабинет директрисы.

И вот камни показали крупным планом ее разъяренное лицо в момент, когда Женя кидала учебник.

– Это не я,— прошептала девушка.

Женя вспомнила, что именно в тот день, за завтраком мать сказала ей, что ложится в больницу на удаление левой почки.

Девушка расплакалась. Она закрыла лицо руками, чтобы не видеть больше тех ужасов, что показывали ей камни.

Но они уже сменили показываемые кадры. Послышался смех, ее собственный. Женя отняла руки от лица.

Яркими хлопьями калейдоскопа мелькали картины ее жизни в Лесу. Купания и чаепития с Сердечницей, чудесный хрустальный сад Слепца, смешные и поучительные истории Курильщицы, дурачества на Иллюзорных Лугах – и многое

другое. То прекрасное, что она видела в Лесу.

«Оно хочет заставить меня поверить, что только в Лесу я могу быть счастлива», – Женя затрясла головой и попробовала перевернуть ситуацию с ног на голову. Вспомнила ужасы, что пережила за последние дни, а затем перекрыла воспоминаниями о теплом майском солнышке, что ласкало кожу по пути домой со школы, о забавных посиделках всем классом, о любимых книгах и играх и, наконец, о Сашке. О его добрых глазах, торчащих немного вперед зубах и нелепых, жестких, как мочалка, кудрявых волосах. Это придало сил и помогло покинуть круг камней. Они тут же попадали на землю, недовольно бурча. Сон прекратился.

На ночь устроились совсем недалеко от Реки. Заячья Маска завел Сашку обратно в лес, провел мимо прибрежных кустарников и велел сесть в корнях высокой лиственницы. Молодой человек послушался, удобно устроившись на мягких прелых иголках в окружении очаровательных крошечных лиственничных шишек. «А ведь лес грибной», – не смог не отметить он.

– Эй, – окликнул его Заячья Маска. – Иди помогай.

За то время, пока Сашка сидел в думах, он успел принести откуда-то кучу лапника.

– Раскладывай себе спальное место, – велел Посланник.

– А ты?

– Мне это не нужно.

Сашка фыркнул, разложил лапник по земле толстым слоем и улегся сверху. Заячья Маска остался стоять, разглядывая сквозь стволы деревьев отблески на темной поверхности Реки.

– Ты можешь ложиться спать, – промолвил он, – а я отойду кое-куда.

Саша не ответил, лишь отвернулся. Когда Заячья Маска ушел куда-то в сторону реки, он попытался заснуть. Долгое время лежал недвижно в темноте, ощущая невероятную тяжесть и усталость во всем теле, и мечтал погрузиться в спасительное забытие. В какой-то момент тьма сгустилась вокруг него, Белые рыбы исчезли, и молодой человек решил, что наконец-то заснул.

Послышались чьи-то шаги. Они были тяжелые, веские, претензионные, совершенно непохожие на мягкую бережливую поступь Заячьей Маски. Саша приподнялся на локте и посмотрел во тьму. На него двигался огромный силуэт, широкий, тяжелый, слегка подсвеченный двумя фиолетовыми грибами на плече этого создания. Очертания белого лошадиного черепа явственно проступали во тьме.

Почему-то Сашка сразу понял, что это и есть тот самый Хозяин Леса.

Он вскочил на ноги и развернулся в другую сторону, чтобы бежать. Но с той стороны тоже кто-то шел. Небольшой шупленький силуэт, аккуратно ступающий по темной лесной земле.

Сашка приготовился бежать в третью сторону, но тут с ним заговорили:

– Ты пришел в Лес чужаком,– от этого звенящего, глубокого голоса молодой человек содрогнулся,– но можешь стать одним из нас. Либо умереть.

Он не собирался разговаривать с этим существом. Зачем? Если оно захочет убить, то убьет. И нет смысла выторговывать себе пару лишних минут.

– Твоя подруга скоро пройдет обряд Наречения и станет одной из нас,– продолжало увещевать это чудище.– Ты можешь присоединиться к ней. И тогда вы сможете быть вместе.

Саша молчал и осторожно пятился прочь. Он не забывал поглядывать на второго человека, который теперь замер и никуда не двигался.

– Лес многое может тебе дать.

– Глупую иллюзию под видом исполнения мечты?!– Сашка уже не сдержался.– Зачем это нужно?

– Ты сможешь жить без сожалений, рядом с теми, кто тебе дорог.

Последние слова Хозяин Леса произнес тихо и внезапно исчез, рассыпавшись черной пылью.

– Саша,– это заговорил уже второй человек, второй силуэт.

Он не слышал этот голос целую вечность. Это был голос деда – высокий, слегка хриловатый, а местами даже скри-

пучий, особенно когда он вдруг начинал поучать его.

Саша не хотел вглядываться в темноту, в этот маленький силуэт. «Это лишь обман этого места», – твердил он себе. Но сердце все равно отчаянно заняло в груди.

– Саша, – продолжала тень, медленно придвигаясь к нему, – мы так давно не виделись с тобой. И встретились снова в таком чудесном лесу.

Ноги отказывались нести его прочь. Молодой человек отчаянно пытался сбежать. «Что за проклятое место!», – думал он.

– Уйди прочь! – воскликнул Сашка и побежал наконец-то прочь.

– Куда ты? – отчаянно закричало нечто, притворяющееся его дедом.

Лес не желал выпускать его из оков своей иллюзии. Стоило только Сашке отбежать на достаточное расстояние от своего псевдо-деда, как впереди замаячили огни какого-то селения. Едва только взглянув на расположение домов, молодой человек узнал в этом селении деревню, в которой жил его дед. Сашка побежал прочь, но Лес неумолимо бросил его прямо в дом, в котором он вырос.

Этот дом ни капли не изменился. Приземистое деревянное строение, ухоженное снаружи и слегка захламленное внутри из-за отсутствия женской руки. Большая комната с печью сразу после сеней, а за ней – совсем крошечная комнатка, отгороженная от основной узким дверным проемом,

занавешенным белой шторой с люрексом. В большой комнате стоит большой диван, крепкий обеденный стол, одинокое кресло под старомодным торшером, пара комодов и застекленный книжный шкаф. На стенах развешены старые черно-белые фотографии счастливой улыбающейся семьи, детские рисунки и несколько познавательных плакатов по биологии.

Саша с жадностью вглядывался в окружающую обстановку, впитывал ее каждой клеточкой своего тела. Здесь все до боли знакомо. После смерти деда его дом не смогли продать даже за пару сотен тысяч рублей. Родители забрали оттуда все ценное, заперли дом и оставили гнить вместе со всеми воспоминаниями. Саша же так и не решился туда наведаться.

Из-за печи вышел дед. Он с нежностью смотрел на своего внука и улыбался ему.

– Привет, – тихо проговорил он.

– Привет, – еще тише поздоровался Саша, с жадностью рассматривая это морщинистое лицо. Каждая складочка, каждое пятнышко – точь-в-точь как тогда.

– У тебя все хорошо? В школе не обижают? – это были точно такие же слова, которыми он каждый раз приветствовал Сашу после их разлуки.

– Все хорошо, – прошептал он.

– Друзей нашел?

– Нашел.

– Наверно, веселитесь там до упаду, в городе-то. А я тут вот силков на зайцев наставил, да карасей утром наловил. Сейчас схожу к Петровне за сметаной, да как нажарю с картошечкой на ужин. Вкусно будет, как у твоей бабки,– лицо старика приобрело мечтательное выражение.– Ты проходи, внучок, а я скоро вернусь. После ужина сбегает, проверим ближайшие силки, может, какой глупый ушастый да попался уже.

Старик зашаркал наружу, что-то бормоча себе под нос. Сашка подался за ним, желая схватиться за руку или хотя бы за край старой фланелевой рубашки в клетку. Едва пальцы ухватили этот несчастный кусок ткани, как окружающий мир разбился.

Саша снова оказался в лесу. Он узнал это место – густая сосновая роща за соседним от деревни холмом. Дед говорил, что в этом месте водится много зайцев и чаще всего именно сюда ходил ставить силки. «Это дурачье ушастое не видит под снегом собственной смерти»,– говаривал он.

С макушки юной маленькой елочки рядышком упал снег. Сашка обернулся и едва не упал, сбитый с ног пролетевшим мимо ребенком. Росточком чуть больше метра, закутанный, затянутый тысячей одежек, что только нос и торчал, ребенок нес в руках моток плотной пеньковой веревки – то будет будущий силок. За ним, неуклюже ступая по земле самодельными снегоступами, поспешал дед.

– Не топчи тропу, гаденыш!– корил он его.– Встань на ме-

сте и жди меня.

– Ну деда!– в этом мальце Саша узнал себя, шестилетнего.– Я зайчика хочу посмотреть!

– Посмотришь-посмотришь,– старик остановился, снял с плеч рюкзак, тот самый, с которым Сашка до сих пор ходит в школу, забрал у внука из рук веревку.– Вот теперь смотри. Мы с тобой нашли заячью тропу, она совсем свежая. По-хорошему мы не должны были по ней так топтаться, чтобы не спугнуть зайцев...

– Ну дедааа!

– Ладно, слушай дальше. Сейчас мы с тобой сделаем петлю, закрепим вон на той тощей сосенке, притянем чуток к земле...

Старик и ребенок недолго возились с силком. Ловкие руки деда быстро выполняли привычную работу. А глаза ребенка сияли: его впервые взяли так глубоко в лес, да еще и на такую серьезную работу. Саша вспомнил, что в тот силок зайца так и не поймали. Дед потом долго еще ворчал, мол, «тропу затоптали, зверя спугнули». Маленькому Сашке было очень стыдно, и он долго еще ходил по лесу на цыпочках.

Невинная картина детства начала растворяться, и вскоре молодой человек вновь увидел дом, в котором вырос. На этот раз он стоял во дворе, разглядывая покосившийся домик. Он был уже слегка запущен, потому что с каждым годом сил у деда становилось все меньше и меньше. Вон, на крыше даже шифер в нескольких местах откололся и упал вниз.

Долгое время Сашка разглядывал эту дырку в кровле крыши, зиявшую под хмурым весенним небом. Слишком хорошо была знакома ему эта картина.

Саша позвал деда, но никто не отозвался. Тогда он начал медленно обходить дом, всей душой мечтая просто броситься прочь. Он увидел старую железную лестницу. Она лежала на земле.

А за углом дома, Саша увидел своего деда. Он распластался на изрядно подтаявшем весеннем снегу. Ни единого движения, но зато слышно слабые стоны.

И, прекрасно зная, что это лишь навет проклятого Леса, Саша все-таки бросился к этой извращенной иллюзии.

– Дедушка!

Старик снова застонал и раскрыл глаза. Мутная пелена уже покрыла их.

– Ох, паренек... – пробормотал он, – что-то оскользнулся я... глупо так... глупо.

Сашка хотел помочь старику сесть, но вспомнил, что в каком-то ролике по оказанию первой помощи говори, что делать так нельзя.

– Внучок бы меня сейчас заругал, – продолжал бормотать дед. – Ой, заругал бы. Он у меня уже такой взрослый, внучок-то. Красивый парень стал. А я... развалюха.

– Эй-эй, все хорошо. Твой внук любит тебя, – Сашка осторожно погладил морщинистый лоб.

– Знаю, – из груди старика вырвался хриплый смешок. –

Он всегда ходил за мной хвостиком. Мой внучок... А я ведь, старый дурак, еще столько ему не показал...

На этом моменте глаза старика навсегда сомкнулись. Саша какое-то время разглядывал столь родное и любимое лицо, ушедшее от него навсегда. Наконец, он не вытерпел и закричал.

А лес всё сгущался, скручивался вокруг него своей жестокостью. Тёмная спираль проросла в самое сердце и закрыла глаза. Чёрные тени прошлого подступили к Саше и вернули былое чувство вины.

С того самого момента, как весной два года назад он узнал о смерти деда, Саша винил себя в его смерти. Быть может, дед не умер сразу, быть может, он долго лежал там, на холодной земле, и ждал помощи? Молодой человек всегда старался звонить своему деда хотя бы раз в пару дней, спрашивать как у того дела, на каких тропях нынче ходят звери, не ушла ли рыба из узенькой лесной речушки. А тут как-то всё под конец года закрутилось: экзамены, друзья, да и девчонка новая появилась, глазастая такая Кристина из параллельного класса – словом, молодому пареньку было совсем не до дряхлого старика в глухой деревне. За целую неделю Саша не сделал ни единого звонка.

Вина грызла его постоянно, плотной колючкой слившись около его сердца.

Если бы он позвонил, если бы заинтересовался...

После смерти деда жизнь покатилась по наклонной. Ста-

ло не до друзей, не до экзаменов, девчонка нашла более интересного и весёлого парня, подготовка к экзаменам больше не занимала мысли. Единственное, что успокаивало – сигаретный дым в лёгких. Ну хоть с Женькой подружились в это время.

– Ты можешь стать одним из нас,– это грохотала тьма вокруг него.

– Отвали!– закричал в ответ Сашка.– Мне это не нужно!

– Это всем нужно,– зашептали ему в самые уши темные щупальца.– Подумай о дедушке. О своем любимом дедушке.

Сашка начал задыхаться. Он пытался отмахиваться от тьмы, что забиралась ему по одежду, путалась в волосах, целовала в губы. Затем в ней мелькнул Хозяин Леса, держащий своей жуткой костлявой рукой Сашкиного дедушку – безмятежного, спокойно улыбающегося, как в свои лучшие дни. С другой стороны от Лесоцаря стояла Женька. Она тоже улыбалась, одетая в свою школьную форму.

– Ну ты чего стоишь?!– задорно крикнула она.– Пойдем уже, я долго ждать не буду.

Это было так в ее манере.

– Я приду к тебе,– прошептал Сашка.– Но не так.

– Внучок, там караси доходят на сковороде уже...

– Мы должны выбраться отсюда,– молодой человек изо всех сил зажмурил глаза и ущипнул себя за локоть, чтобы проснуться.

– Эй!

Сашка содрогнулся от легкого пинка под ребра. Это вырвало его из жуткого сна-видения-воспоминания, в котором он находился.

Над ним нависал Заячья Маска. Длинные уши бутафорской маски отражали свет рассветного солнца. Белые рыбы исчезли, уступив место пушистым облакам в бесстыже голубом небе.

Глава шестая

Узкими тропами

В ту ночь она вновь оказалась на болоте. Женя в этот раз была одна. Болото под мостками казалось светлее, даже в просветах сизого неба показывались голубые лоскутки. Женя огляделась по сторонам в поисках молодого человека в маске зайца, однако его нигде не было. Тогда она решила все-таки попробовать выйти за пределы болота и его жутковатых мостков.

Женя побежала, и старые деревянные мостки затряслись под ее ногами. Однако болото все не кончалось. Оно было бесконечным.

Женя остановилась, устало отдышалась и взгляделась в гладкую поверхность болотной воды. Это ведь сон, так? Так что почему бы и нет...

Она прыгнула в болото и вместо того, чтобы начать тонуть, полетела. Женя парила в небе над огромным лесом. Он раскинулся во все стороны, изменчивый и прекрасный. Блестела в лунном свете широкая лента реки, глядело вверх голубое око озера, щерились острыми зубами горы. Невероятное место! Женя рассмеялась и попыталась спуститься вниз, прикоснуться к листьям на верхушках деревьев, но растворилась в свете звезд.

Так и закончился этот сон. Утром после него осталось

сладкое чувство неги и расслабления, будто Женю укутали мягким пуховым одеялом. Она трепетно отнеслась к этому ощущению, ведь оно было таким редким. Все время, пока завтракала под тихое шуршание матери в комнате, пока шла по серому грязному городу, пока сидела за партой в школе, Женя старалась сберечь это ощущение. Но оно рухнуло в тот миг, когда прозвенел звонок с урока, и она вышла на школьное крыльцо.

У школьных ворот стояла отцовская машина. Старенькая, побитая «Тойота», замызганная грязью тающего городского снега и с ржавыми порогами, что свешивались вниз кривыми рыжими ошметками. Женя всегда боялась задеть их, будто они могут заразить ее какой-то скверной.

Отца нигде не было видно – возможно, он отошел в ближайший магазин за сигаретами или минералкой. Но от этого легче не становилось, ведь выход со школьной территории был только один, и Жене все равно придется пройти мимо машины, а там отец точно ее настигнет. Сжав руки в кулаки, она приняла единственно верное решение – натянув на голову капюшон от куртки, быстро побежала за школу.

Школа находилась все на том же возвышении, что и городской парк. Только за ней еще на пригорке располагался гаражный кооператив, очень нелюбимый городскими автомобилистами. Мало того, что он был по факту единственным на все многоэтажки вокруг, чем оправдывал свою большую цену, так еще и добираться на автомобиле до него нужно

было сначала через лес, потом подниматься в гору по самому кооперативу, оставлять там машину и пускаться в обратный путь пешком либо опять же через лес, либо пролазить через дырки в заборе.

Школьников от пагубного влияния гаражного кооператива был призван оградить высокий чугунный забор с этими дурацкими фигурными навершиями в виде кольев. И именно через этот забор нужно было перелезть Жене, если она хотела избежать встречи с отцом.

Женя была весьма решительна в своём желании сбежать от отца. Приблизившись к забору, она начала стаскивать к нему всякий мусор с округи. Таким образом, выстроив его пирамидкой, она хотела подсобить себе и скрыть недостаток роста.

Когда кучка мусора из старых коробок, обломков мебели и мусорных мешков была готова, Жены ступила на нее. Куча опасно закачалась под её весом.

-Женька! – этот голос заставил её вздрогнуть.

С бешено колотящимся сердцем Женя соскочила с кучи и яростно обернулась.

-Какого хрена?!

-Сбегаешь к алкашам за гаражи? – её встретила ехидная ухмылка на худом прыщавом лице.

Ну конечно же, это был Саня, которому вечно нечем заняться! Женя хмуро на него посмотрела. В последние дни из её головы даже как-то испарилась мысль о том, что у неё

есть друзья, которые могут помочь, подсобрать. "Если, конечно, у них будет на это время"— поправила она сама себя.

Саня, как всегда, был в распахнутой куртке, под которой виднелась небрежная, мятая рубашка и ворот футболки, выглядывающий из-под нее. Старый охотничий рюкзак некрасивым мешком болтался за спиной.

— Что надо? Я думала, ты с пацанами ушел, — Женя зыркнула на него исподлобья.

— Это было до того, как я увидел, как ты с испуганным лицом убегаешь за школу, — улыбка Сани чуть померкла. — Я подумал, что у тебя проблемы.

— Там мой отец перед школой.

— И что, он, может, хочет подвезти тебя до дома. Не думаю, что Валентиновна нажаловалась на нас...

— Да нет, не в этом дело, — Женя с досадой тряхнула головой.

Внезапно она осознала, что так никому и не сказала о том, что произошло в их семье. Эти дни она упорно делала вид, что все как обычно, что она все та же. Но ведь это было совсем не так. «Сане можно рассказать, — внезапно мелькнула мысль. — Он трепать не будет».

— Мой отец ушел от нас, — проговорила Женя, глядя прямо в карие глаза Сани. — Я... думаю, что ему что-то нужно... вещи какие-то принести или стрясти деньги, не знаю. Но приехал он не ради меня, — она отвернулась. — Поэтому я уйду здесь.

– Да не глупи, давай я выйду и скажу ему, что ты уже ушла.

– Нет! – Женя снова полезла на кучу хлама.

Послышалось недовольное бурчание.

– Ну смотри... одной я тебе этой фигней страдать не дам.

Внезапно сильные руки подхватили ее и ссадили вниз. А потом начали стягивать с плеч рюкзак.

– Я подсажу тебя, а потом перекину рюкзак.

– Спасибо, – тихо прошептала Женя.

– Ну все, готова? Иди сюда. Повернись ко мне спиной.

Несмотря на свое телосложение Слендермена, Саня был довольно сильным. Он наклонился, ухватил Женю под коленями и, слегка крикнув, поднял ее высоко над собой. Голова девушки оказалась как раз на уровне верхушки забора, перед глазами даже мелькнули его угрожающие «пики». Женя ухватилась за самую верхнюю горизонтальную перекладину и подтянулась. Тут же под ногой оказалось услужливое плечо Сани, не пожалевшего испачкать куртку об ее кроссовки. Еще миг – и Женя соскочила вниз на другой стороне, чудом не зацепившись курткой об острое наверху забора.

– Спа... – она обернулась, чтобы поблагодарить, и остолбенела.

Саня с двумя рюкзаками за спиной лез на кучу хлама под забором!

– Ты че творишь?!

Он не ответил, лишь посмотрел на нее с бесшабашной улыбкой.

Мусор качался под ним особенно сильно и опасно. Казалось, еще чуть-чуть и тот обломанный стул, который, Женя была уверена, сломал один ее одноклассник еще в начальной школе, сверзится вниз, а следом за ним и весь остальной хлам. Но Саня был ловок как обезьяна. И в тот самый миг, когда мусор все-таки поехал вниз, он успел прыгнуть и схватиться за верхушку забора.

И вот он уже с тяжелым пыхтением приземлился к ногам Жени.

– Совсем дурак, что ли?! – она поборолла желание хорошенько пнуть его в бок.

– Да ладно тебе, – Саня выпрямился и вручил ей рюкзак. – Считай, мне просто скучно.

– Перед Катькой так выделываться будешь!

– Ага, обязательно, – одноклассник ткнул ее локтем. – И с тебя теперь постирать мне куртку. И непременно руками. Я же старался.

– Ты сам полез помогать, – фыркнула Женя. – Сам и стирай.

Она продела руки в обе лямки рюкзака и зашагала по гаражному кооперативу. В это время дня здесь было тихо, ни души, если не считать пары бездомных собак, поселившихся здесь давным-давно и ставшими чем-то вроде местных

сторожей. Они лишь покосились на двух подростков, про-
шмыгнувших вдалеке, и продолжили нежиться на теплом
весеннем солнышке, согревая кости после долгой таежной
зимы.

Женя весьма смутно помнила, где находится заветная
лазейка в заборе. Последний раз она была в гаражном ко-
оперативе еще в детстве, когда они с друзьями-приятеля-
ми шастали по крышам гаражей, наслаждаясь беззаботно-
стью и видами. Но все-таки территория была не слишком
большой, да и зрение девушку никогда не подводило и вско-
ре они с Саней остановились перед забором. Та самая дырка
представляла из себя два прута, сильно выгнутых в проти-
воположные стороны.

– Опять куртку марать? – Саня страдальчески закатил
глаза.

– Просто ты слишком толстый, – Женя присела на кор-
точки и единым движением ловко перелезла на другую сто-
рону, не задев прутьев.

– Я?!

– Ты. Ну либо слишком неаккуратный, – настроение де-
вушки улучшилось за время прогулки, и она даже нашла в
себе силы отпустить ехидные замечания.

– Ну я тебе сейчас задам трепку! Сама напросилась!

Распалившись, Саня в мгновение ока оказался рядом с ней
и попытался схватить. Женя расхохоталась, оттолкнула
его в сторону и побежала прочь.

Ей казалось, она летела быстрее ветра, быстрее самой этой жизни. Смех лился из нее рекой. Позади слышался такой же смех и иногда возгласы вроде: «Стой! Сейчас поймаю!». Пару раз друг (друг?..) был близок к тому, чтобы схватить ее за рюкзак или капюшон куртки, но каждый раз Женя ловко уворачивалась, и его пальцы хватали лишь пустоту.

А потом все резко оборвалось. Резкий оглушающий хлопок, пришедший то ли изнутри, то ли снаружи, а потом – зернистая звенящая тьма. Где-то на самой периферии сознания смазано промелькнул образ серого зайчишки, бегущего в сторону темного леса.

Реальный мир возвращался с головной болью и свистом в ушах. Ее пытались шевелить, но тело сопротивлялось, не желая даже преобразовывать неясный наружный шум в нормальные слова.

-... я... чт.... Авай...!

Лишь спустя несколько минут этого странного, бредового ада, Женя наконец-то осознала, что происходит.

Она лежала на земле. Рюкзак отлетел куда-то в сторону. Куртка неряшливо распахнулась и разметалась по окружающей грязи. Саня склонился над ней с взволнованным, испуганным до крайности лицом. Из-за его спины виднелись любопытные лица случайных прохожих.

Становилось очевидно, что в самый разгул беззаботного веселья Женя умудрилась поскользнуться на апрельской

грязи и упасть, хорошо, до потери сознания, ударившись головой.

Мимо промчался велосипедист, брызнув на них еще одной порцией грязи.

– Ты как?– Санька ухватился за ее плечи.– Встать можешь?

Все тело нещадно болело. Но больше всего пострадала голова. Создавалось впечатление, будто она упала в коробку гвоздей и все до единого вонзились в ее череп.

– Ща...

При поддержке Саши Женя осторожно села, а затем и встала, тяжело привалившись к нему. Голова ответила вспышкой боли и накатил резкий приступ тошноты, будто все внутренности скрутило в узел.

– Оо..х...– она тяжело вздохнула.

– Может, скорую?– совсем тихий голос Саши показался грохотом тысячи кубометров воды во время шторма.

– Не, я коньки отброшу раньше, чем она приедет... Пошли в «травму».

Под сочувственные, жалостливые и осуждающие взгляды прохожих Саня осторожно повел ее в травматологию в нескольких кварталах от места, где Женя упала. По пути он ничего не говорил, но пару раз спросил как она себя чувствует и не нужно ли позвонить ее матери. Женя лишь отмалчивалась и продолжала идти вперед, борясь с дикой болью и тошнотой. Ей казалось очень странным то, что

вместе со вспышками боли также, вспышками, в ее сознании появлялись различные лесные сценки, вроде бегущих зайцев, поющих на ветках птиц и прочего. Но эти картины, бесспорно, успокаивали.

В травматологии молодой врач восточной наружности после осмотра и сбора анамнеза вынес неутешительный вердикт: сотрясение головного мозга, несколько дней постельного режима и вот еще целый список лекарств. Тут же пожилая медсестра поставила пару каких-то преболюющих уколов в плечо и отправила домой, пробурчав что-то вроде: «Совсем молодежь хлипкая пошла».

После уколов стало определенно легче. Вспышки головной боли постепенно сошли на нет, также как и странные видения лесных зверей. В свой двор Женя зашла уже прямой походкой, не опираясь на Санино плечо.

Они неловко попрощались у подъезда. По лицу Сани было видно, что он чувствует себя виноватым в том, что Женя упала.

– Эй, да ты не парься, – она слегка толкнула его в плечо. – Упала да упала, что такого.

– Да все равно, – он нахмурился и отвернулся. – Мог бы и не бежать за тобой, как сумасшедший.

– Забей, скоро в норме буду.

Она кривовато улыбнулась и заглянула ему в глаза. Он быстро отвел свой взгляд.

– Спасибо за сегодня, – Женя тоже отвернулась. – Скоро

увидимся.

– Ага. Поправляйся. Пока.

– Пока.

Она быстро скрылась в подъезде. Сердце немного болезненно екнуло от последних, как будто бы совсем равнодушных слов Сани, но Женя старалась об этом не думать.

Дома, сразу при входе в квартиру, на нее накинулся заботливый мамомонстр.

– Почему так поздно?! Ой, а... Почему ты такая грязная?! Что случилось?! Боже, да ты на ногах едва стоишь! Что слу...

Женя ощутила, как снова начинает болеть ее голова. Она вяло отмахивалась от матери, но та никак не желала успокаиваться и в итоге получила в руки выписку из травмпункта, где черным по белому был написан анамнез: «со слов пациентки, шла по улице, поскользнулась, упала, потеряла сознание, после головная боль, головокружение, тошнота», диагноз и все рекомендации. Пока мать вчитывалась в написанное, Женя успела проскользнуть в ванную, где с удовольствием сняла грязную одежду и смыла с себя городские следы.

После ванной ее уже не заваливали вопросами, а лишь заботливо, с выражением какой-то гротескной жалости на лице провели в комнату и уложили в уже расстеленную постель. На подоконнике у кровати дымился горячий чай и лежали на блюдечке два кривоватых бутерброда.

– Лежи, отдыхай, – очень тихо произнесла мама. – Я напишу твоей классной, что тебя в школе не будет несколько дней.

Она улыбнулась. Мать Жени была женщиной с той самой кроткой нежной красотой, что так ценили поэты и писатели. И вот такая заботливая улыбка очень ее красила. Женя всегда ждала, что ей достались грубые черты лица от отца. Быть может, будь она симпатичной и миловидной девчонкой, жить было бы проще?

Когда мать ушла, Женя попыталась съесть бутерброд, но от одного его запаха снова накатила жуткая тошнота. Она выпила пару глотков чая и очень быстро заснула.

Когда Лесоцарь пришел к Жене в следующий раз он уже не разводил долгих, скучных бесед. Он швырнул на пол пещеры сверток с одеждой и велел переодеться.

– На тебе одежда не из Леса, – добавил он, указав костлявым пальцем на школьную форму Жени. – И она вся грязная.

– Мы куда-то идем? – спросила она, разглядывая стену, из которой Хозяин Леса снова появился.

– Перед ритуалом Начерения я должен показать тебе, что есть Лес и кто я такой.

– Кажется, я знаю уже достаточно.

– Ты ничего не знаешь! – глаза Лесоцаря полыхнули красными огоньками. – Переодевайся и иди за мной.

Он развернулся и покинул пещеру, выйдя под закатные

золотые лучи, заливавшие лес снаружи.

Женя передернула плечами. Ничего другого не оставалось, и она развернула принесенную ей одежду. Это оказалось длинное зеленое платье с вышивкой и завязкой на груди и плетеные сандалии. Она ненавидела зеленый цвет, который всегда ассоциировала со слабостью и подчинением. Как в детском саду, во времена которого она спала на зеленом постельном белье.

Как только она переоделась, ее школьная форма исчезла. Лес и его Владыка обрывали все тонкие ниточки, что хоть как-то связывали ее с домом.

Женя отправилась на выход и одновременно с этим увидела, как из лесной чащи выходит высокая девушка в белом платье. Она старалась казаться спокойной, но любопытные, а иногда и нервные взгляды по сторонам выдавали ее.

– Владыка,– молвила она, склонившись перед Хозяином Леса.– Я благодарна, что вы пригласили меня сюда.

– Я давно думал о том, что ты достойна большего, Сердечница,– он величаво кивнул и сказал уже Жене:– Она будет сопровождать нас сегодня. Обычно это делает Заячья Маска.

Бывшая подруга даже не взглянула на нее.

– Заячья Маска ведет к вам чужака.

– Что-то он не спешит,– Лесоцарь нетерпеливо пристукнул посохом по земле.– И даже не сообщил, что поймал его и идет ко мне.

– Возможно, он счел, что...

– Не защищай его. Заячья Маска – слабак и изжил свое. Скоро придет его конец.

После этих слов Женя содрогнулась. Ей нравилась спокойная уверенность Заячьей Маски. Нравилось, как он чувствует все вокруг себя. Он ни разу не повысил на нее голос, ни разу косо не взглянул. Временами девушке даже нравилось думать о том, что он может стать ее другом.

Лесоцарь бросил на нее взгляд из-за плеча.

– Она готова, теперь можем идти. Женя, встань позади меня рядом с Сердечницей.

Они выстроились своеобразной процессией и двинулись вперед. Женя догадалась, что пещера, в которой ее заточили, была совсем недалеко от того страшного болота – между деревьев справа виднелась обширная прогалина с редкими тощими березками. Девушка поежилась и старалась не смотреть в ту сторону. Они шли через тот пустой лес, где ничто не жило, в сторону того самого озера, где проводился Карнавал.

Сердечница шла совсем рядом и молчала. Женя уже смирилась с предательством Леса и его обитателей, но ей все же хотелось услышать пару дружеских слов.

– У тебя было также? – негромко спросила Женя, хотя знала, что Лесоцарь все равно услышит их разговор. Он не может не услышать.

– Все проходят через Наречение, – Сердечница пожала плечами. – Без него мы бы не стали полноценной частью Ле-

са.

– Тебя провожал Заячья Маска?

– Нет, он пришел после меня.

– Но вы же были знакомы до Леса? Ты вроде говорила об этом...

– Да, были знакомы, – Сердечница пожала плечами. – Но это уже не важно.

– Почему не важно? Тебе плевать на свое прошлое? – Женя на какой-то миг задумалась. – А Заячья Маска не за тобой сюда пришел? Или у него тоже были какие-то проблемы?

Сердечница начала раздражаться. Она бросила на Женю возмущенный взгляд.

– Не все ли равно? Это осталось в другой жизни. Сейчас я – Сердечница. И мне без разницы уже, что привело меня сюда.

– И ты совсем не помнишь, какой ты была до Леса?

– Нет.

Тут в их разговор вмешался Хозяин Леса. Он обернулся так, что лисья голова на подоле его меховой мантии неприятно ударила Женю по ногам, и качнул своим черепом-головой.

– Сердечница говорит абсолютно верные слова, – молвил он. – Не важно, кем ты была до Леса. Важно лишь то, что ты сейчас здесь, что ты часть его.

– А то, что привело меня сюда? Это разве не важно?

Задав этот вопрос Женя задумалась. А ведь, действитель-

но, что ее сюда привело? Ссора родителей? Измена отца? Обида на одноклассников? Или усталость от обыденности жизни? Все это казалось сейчас сущими мелочами, не достойными даже упоминания.

Дальше шли молча. В прошлый раз, когда Женя пробиралась через этот лес, голодная, напуганная, она обратила внимание, что он необычно пустой и тихий. Сейчас же, в более спокойной обстановке, она смогла рассмотреть его внимательнее и ужаснулась.

Здесь не было ни единой живой души. Ни птички в ветвях, ни трусливого бурундука где-нибудь на земле. Даже насекомые не жужжали надоедливо над ухом. Приглядевшись повнимательнее, Женя поняла, что даже растительность здесь необычная. Ни головки редких цветов, ни ветви деревьев не качались под порывами ветра и были нечеткими. «Как дешевая компьютерная графика», – подумала Женя. Казалось, прикоснешься к этим нечетким ветвям – и они опадут на землю множеством разноцветных квадратиков.

Тут Женя поймала на себе взгляд Владыки Леса. Он, видимо, повернул вправо, заметил каким долгим взглядом она смотрит на ближайшее дерево, да так и замер полубоком, вперив в нее красные огоньки глаз.

– Мы находимся в Туманной Долине, – промолвил голос из лошадиного черепа. – Это особое место в Лесу. Здесь сосредоточено все то, что приводит людей сюда. И здесь же проходят все наши праздники. Только я и мой ближайший

помощник можем находиться здесь в любое время.

– Почему это место столь... важно?– спросила Женя.–
Здесь вы храните души лесных жителей?

Сердечница, которая знала явно больше, чем показывала, слабо улыбнулась.

– Ты права,– Лесоцарь кивнул.– То, что здесь хранится, можно назвать душами лесных жителей. Это самые заветные их желания.

– И мои желания хранятся здесь?

– Нет, они будут здесь лишь после Наречения.

– И что происходит с желаниями после того, как я отдаю их Лесу?

– Они становятся реальностью,– Лесоцарь пожал плечами, будто бы это было очень очевидно.– Они оживают и начинают радовать тебя. И напитывать Лес силой.

– Что такое вообще этот ваш Лес?

– Наш Лес,– вставила Сердечница недовольным тоном.

Лесоцарь помедлил прежде чем дать ответ на этот вопрос. Он повел своим рябиновым посохом, и зернистость местности вокруг исчезла – видимо, он счел, что Женя слишком отвлекается на этот малозначительный факт.

– Когда-то давно я был одинок и сильно напуган. Я был в плену у своего страха, меня преследовали, я не знал, что делать дальше,– у Жени по рукам пробежали мурашки.– В то время мое жильё находилось возле леса, густого такого, на отшибе. В этот лес я ходил с отцом на охоту, а с матерью

– по грибы и по ягоду. Они научили меня стрелять и выживать. Я знал, что могу укрыться там, но не решался – с тех пор, как не стало моих родителей, лес перестал принимать меня. Он путал дорожки, уводил от меня зверей, прятал самые вкусные ягоды. Лес не любил меня, потому что знал кто я такой на самом деле. Не скрою, мне нравилось, что что-то знает меня гораздо лучше, чем я сам. В конце концов, мое укрытие отыскали, устроили засаду, и мне пришлось бежать прочь, совершенно неготовым. Внезапно лес помог мне, дал одежду, – костлявыми пальцами он провел по своей меховой мантии, – скрыл мое лицо и подарил истинное чудо спасения от всех моих бед. И тогда я понял, что могу дарить спасение и другим. Тем, кто, как и я когда-то, хочет скрыться.

У Жени на языке вертелся вопрос о том, от кого же скрывался Лесоцарь, но почему-то ей совершенно не хотелось знать ответ.

За время, что они говорили, деревья вокруг изменились, превратившись в высокие, стройные березы без листьев. Земля потемнела, и казалось, что в одно мгновение наступил промозглый ноябрь. Но холодно не было, только сердце тревожно леденело в груди.

Заячья Маска не собирался сидеть сложа руки, дожидаясь утра и когда Рыбак более-менее придет в себя. Уложив пленника спать, он вернулся к Реке. В полутьме, освещаемой Белыми рыбами, он бродил вдоль берега. Где-то вдале-

ке слышались возбужденные и возмущенные крики Рыбака, вблизи же едва слышно журчала вода. Хотелось спать.

Дневные рассказы о судьбах лесных жителей нагнали на Заячью Маску тоску. Он не мог не думать об этих поломанных жизнях и не мог не вспомнить себя самого. Заячья Маска не жалел себя, но если бы была возможность вернуться назад, он сделал бы что угодно, чтобы никогда не приходить в это место. Потом он подумал о Жене, об этой резкой, острой на язык девчонке и искренне любящем ее, отважном до безумия пареньке. Ему было жалко их. Лес спокойно поглотит и эти души.

Отыскать Водоворотик самостоятельно оказалось не такой уж и большой проблемой. Заячья Маска прошелся несколько раз вдоль достаточно ограниченного участка берега, и наконец заметил вдалеке, почти у самого противоположного берега, подрагивающую поверхность воды. Вскоре послышался плеск, и вот новый Водоворотик закрутился на Реке.

К этому времени начало светать, и Заячья Маска решил, что медлить больше не стоит. Он вернулся назад к своему пленнику и разбудил его. К этому моменту Белые рыбы успели совсем исчезнуть. Рыбак сейчас отправится спать и вряд ли вспомнит о них.

Взгляд Сашки был туманным и одновременно испуганным. По легкому запаху лесной сырости Заячья Маска догадался, что его посещал Лесоцарь. Не было никаких сомне-

ний в том, зачем он приходил.

– Похоже, и тебе есть что предложить Лесу,– ядовито заметил Заячья Маска, еще раз толкая Сашку.

– Отвали,– рыкнул он.

– Лес всё равно получит от тебя, что хочет,– Заячья Маска пожал плечами.– Сам Владыка к тебе приходил, а он умеет убеждать

– Не нужен мне ваш Лес, и его лживые образы. Ладно... куда мы идём? Искать того сумасшедшего старика?

– В этом нет необходимости.

Заячья Маска повёл его за собой обратно к Реке, вручив перед этим очередной бутерброд.

На берегу Саша внимательно взгляделся в водную гладь перед собой и указал на водоворот, который к этому моменту успел увеличиться а диаметре.

– Нам это нужно?

Заячья Маска кивнул.

– Как мы туда доберемся?

Заячья Маска схватился за его локоть и просто шагнул вперёд.

Он видел как испугался этот глупый, наивный мальчишка, как он зажмурил глаза и вскинул свободную руку. Но они не упали в воду. Она встретила их жёсткой поверхностью, слегка покрытой водой – это очень похоже на мокрый асфальт после хорошего ливня. Заячья Маска привычно зашагал вперёд, прекрасно зная, что Лес не позвонит ему утонуть.

– Как это вообще работает?! – воскликнул Сашка.

– Это сила Леса, – по правде сказать, Заячья Маска не знал, что ответить на этот вопрос.

Его спутник ступал осторожно, боязливо, однако ближе к середине Реки вырвал свою руку и зашагал уже самостоятельно. Сашка внимательно смотрел под ноги, вглубь Реки. Заячья Маска в своей голове четко предсказал момент, когда он удивленно воскликнет. Саша увидел, как сквозь матовое стекло, лежбище Белых рыб. Огромные белесые туши зависли во тьме глубокой Реки. Зрелище жуткое, но одновременно прекрасное.

Наконец, оказавшись около водоворотика, они встали по обеим его сторонам. Воронка была небольшая, всего шаг в диаметре, но крутилась с устрашающей силой.

– Нам туда надо прыгнуть?– с кривой улыбкой спросил Сашка.

Заячья Маска кивнул.

– Это было предсказуемо,– молодой человек качнул головой и первым сиганул вниз.

В который раз Заячья Маска не смог не восхититься храбростью этого паренька. Стыдно признать, но в первый раз он здорово струхнул, когда понял необходимость прыгнуть в эту прорву воды, которая еще и быстро, как электрическая мясорубка, вращалась.

Он последовал за своим пленником. Вода объяла его цепкими, холодными пальцами и повлекла вниз. Она пропитала

его одежду и неприятно лизнула тело. Заячья Маска не любил это ощущение, он в принципе не любил плавать.

Когда-то в детстве, Заячья Маска вместе с друзьями как обычно отправился бродить по берегу Волги. Ребята веселились целый день, бегая по прибрежным лугам и заглядывая в давно заброшенные старые кирпичные здания, вроде никому не нужных старых церквей и усадеб. И был там на берегу старый деревянный причал, вроде тех, с которых в старые времена женщины стирали бельё. Причал был прогнивший и шаткий и тот, кто удержится на нём больше пяти минут, облагался особым почётом среди детворы. Вот и Заячья Маска, подстрекаемый приятелями, забрался на старые сырые доски. Он никак не мог выпрямить дрожащие колени, а мальчишки всё кричали, улюлюкали. И в тот момент, когда Заячья Маска решил признать себя трусом и сделал осторожный шаг назад, причал рухнул. Он упал в холодную воду, запаниковал и начал тонуть. Мальчишки, благо, почти все умели плавать и быстро вытащили его наружу. Звание храбреца Заячья Маска в итоге получил, однако получил и страх перед холодной пучиной. Возможно, он ещё и по этой причине не слишком любил ходить в Туманную Долину.

С обратной стороны водоворота тоже была Река, однако совершенно другого толка. Сашка, а затем и Заячья Маска выпали из воды на что-то мягкое и рыхлое, вроде подготовленной к посадкам грядки. Заячья Маска приземлился на ноги уже привычным движением, а его спутник нелепо рас-

тянулся на земле.

– Где мы теперь? – спросил молодой человек.

– Это путь в Туманную Долину под и над Рекой.

– Спасибо, понял, – фыркнул Сашка, поднялся на ноги и ахнул.

"Под и над" прекрасно отражали суть этого пути. В этом тёмном месте, что не имел названия, Река, точной копия той Реки с "поверхности" причудливой змеёй извивалась над землёй, резко ныряла под неё, а затем снова выпрыгивала вверх. Путник двигался по чёрной, мягкой земле и то и дело, река, сверкающая как десятки алмазов и служащая здесь единственным источником света, оказывалась либо над головой, либо под ногами.

Сашка восторженно вздохнул рядом.

– Это так красиво, – прошептал он.

– Очень, – искренне согласился Заячья Маска. – Земля здесь местами топкая, так что будь осторожнее.

-Сердечница, а как ты оказалась в Лесу?

Они продолжали идти в сторону озера, и оно стремительно приближалось. Местность вокруг тоже быстро сменилась, что было самым обычным делом для Леса. Если поначалу они шли через березовую рощу, то затем она быстра перешла в хвойный лес, а он теперь обратился обширным лугом с редкими перелесками. Трава мягко ложилась под ноги, ластилась к ступням и щекотала лодыжки. Но не было слыш-

но ни единого обитателя луга – ни трудолюбивой пчелы, ни громогласного кузнечика, ни скучающей божьей коровки.

Сердечница не ответила на вопрос, даже не взглянула на Женю.

Ответил ей Лесоцарь своим жутким, замогильным голосом.

– Истории, что привели сюда своих соседей, всегда очень личные, интимные, можно сказать. Тебе стоит быть более осторожной, когда спрашиваешь о таком.

Женя закатила глаза.

– Извини, – промолвила она.

– То, что привело нас под крыло Леса – это единственное, что мы храним в своей памяти из той, прежней жизни.

Сердечница говорила своим привычным негромким голосом, немного будто боязливым и усталым.

– Я всегда была слабой, все детство провела в больницах, – эти слова больно кольнули Женю, которая часто бывала в больницах, сопровождая мать. – Однако жизнь продолжала идти своим чередом. Прошла школа, наступили студенческие годы, я встретила человека, который полюбил меня и был готов заботиться не смотря ни на что. Мы поженились, хоть его мать и была против, и вскоре моё состояние сильно ухудшилось. Он всё искал способы помочь мне, спасти, поддержать, а я... Просто устала от всего. И я решила уйти в Лес, где мне так спокойно, – Сердечница мечтательно улыбнулась.

– Твоим... мужем был Заячья Маска?

Девушка кивнула.

– И он оказался здесь, потому что пошёл за тобой?

– История Заячьей Маски сложнее,– вмешался Хозяин Леса.– Тебе не стоит расспрашивать об этом.

– Почему?

– Заячья Маска, как и все, прячет свой истинный облик,– Женя заметила, как при этих словах, обнажённые плечи Сердечницы покрылись множеством мурашек.

Женя уже не первый раз замечала, что лесные жители отчего-то боятся Заячью Маску. Странно, ей он всегда казался очень спокойным и уравновешенным молодым человеком. Необщительным, но и не замкнутым. Мрачным, но не пугающим.

Озеро с островком в центре все приближалось. Буквально пару дней назад, во время и после Карнавала Женя думала, что озеро окружено густым хвойным лесом, однако сейчас она видела его голые, поросшие грубыми луговыми травами берега. И горы стали будто бы ближе, выше и темнее. Они немилосердно давили на психику своей громадой.

– Зачем мы идем к озеру?– спросила она.

– Я покажу тебе истинную силу Леса,– прогрехотал Лесочарь.– Ты поймешь, почему не можешь покинуть нас.

– Мы идем к камням на острове?

– Именно так.

Весь оставшийся путь до берега Женя вытягивала голову,

внимательно вглядывалась в остров, в каменные столбы на нем. Ей было невдомек, что же в них такого особенного. А в памяти были еще живы те жуткие видения, которые подарили ей ее сны.

Лесоцарь продолжал упорно идти до самой кромки воды. Высокая трава скребла по его меховому плащу и даже слегка распахивала его, таким образом, становилось видно, что под плащом ничего нет, только тьма. Не прекращая своего жесткого, повелительного шага, Владыка Леса взмахнул рябиновым посохом. Трава вокруг возопила, оторвалась от своих корней и взмыла в воздух. Затем она сплелась в тугие, толстые косы, а из них в свою очередь появился узкий травяной мост над водами озера. Он слегка покачивался, но выглядел надежным и очень плотным.

«Я думала, что мы повторим подвиг христианского героя,— отвлеченно подумала Женя, ступая на мост.— А тут вон какой мост».

Мост совсем не качался. По ощущениям он походил на широкую толстую доску, положенную на землю. Женя уверенно шла по нему вперед следом за Лесоцарем, а Сердечница замыкала их шествие.

Стоял ясный, солнечный день, однако очертания огромной луны висели в небе бледным призраком.

– Почему здесь луна такая огромная?– спросила Женя.

Ее вопрос оставили без ответа.

– Сейчас ты притронешься к Алтарям, а затем я пока-

жу тебе Нутро Леса,— промолвил Лесоцарь, ступая на землю острова с моста.— Ты увидишь его и заблагоговеешь перед величием Леса.

Женя содрогнулась.

— А если я не хочу прикасаться к этим камням?

— Ты должна,— сказала Сердечница.— Мы все это делали.

— Зачем мне трогать эти камни?

— Они покажут кто ты есть и какое место можешь занять в Лесу.

— Я не хочу ничего занимать здесь! Я хочу домой.

— Ты уже часть Леса,— Владыка махнул посохом.— И ты будешь подчиняться его правилам, хочешь ты того или нет.

Женя зло посмотрела на него. Она прекрасно понимала, что не может ему сопротивляться. Пока не может. Но обязательно настанет день, когда она покинет этот Лес навсегда и вернется домой.

После Карнавала остров успел преобразиться. Отсюда исчезли скамейки и столы, факелы и гилянды из листьев. Однако нагромождения камней в центре придавали ему теперь вид колдовской, языческий. Здесь, как и во всей Туманной Долине, не было слышно ни единого животного или насекомого. Только очертания огромной луны и яркое белесое солнце неумолимо взирали вниз с мертвенно-голубого неба.

Женя не хотела даже смотреть на камни, что уже успели подарить ей массу неприятных ощущений. Лесоцарь встал между двумя нагромождениями из камней, а Сердечница

подтолкнула ее сзади. Женя заглянула в ее холодные чужие глаза и поняла, что эта девушка никогда не была ей подругой по-настоящему. Это было очередной иллюзией Леса.

– Иди сюда,– велел Лесоцарь.– Встань рядом со мной. Сердечница толкнула ее еще раз, но уже настойчивее.

Женя вздохнула и встала рядом с Владыкой Леса. Кожей она чувствовала, как от каменных колонн исходит какая-то странная вибрация и веет холодом тонко, ненавязчиво. Ее руки покрылись мурашками, а волосы на голове зашевелились в предвкушении чего-то жуткого.

– Клади одну руку на один камень, а другую – на другой.

Во сне она так не делала. Эта мысль несколько успокоила Женю. Быть может, камни как-нибудь уравновесят друг друга, и видения не будут такими жуткими? Или, быть может, они станут еще хуже?

Как бы то ни было, а выбора все равно нет. Лесоцарь уже успел ухватить ее за одно из запястий. Костлявые пальцы больно впились в нежную кожу.

– Я и сама смогу найти камни,– Женя вырвала свою руку.– Мне ведь все равно некуда бежать?

Лесоцарь довольно склонил свою голову-череп и отступил на шаг назад. А Женя набрала полную грудь воздуха и на выдохе приложила руки к камням так, как ей велели.

И ничего не произошло. Не последовало вспышки боли, которой она так боялась, падения в темную безнадежность – совершенно ничего жуткого.

Затем кожу залило мягким солнечным светом. Ласковые теплые лучики пригрели лицо, пробежались по волосам и заиграли на ресницах. Женя как будто бы одним махом оказалась в теплом солнечном лете, где-нибудь у бабушки на даче, готовясь выйти в огород собирать клубнику. Девушка открыла глаза и в самом деле увидела перед собой залитый солнцем луг и небольшой домик вдаль с разбитым вокруг небольшим огородиком. Женя улыбнулась. Этот домик выглядел так уютно, так мило и так дорого сердцу, что хотелось остаться в нем навсегда.

Она попыталась сделать шаг вперед, но ничего не получилось. Тогда Женя осталась стоять на месте, с жадностью разглядывая то, что так манило к себе.

А домик отнюдь не пустовал. Вскоре на крыльце появилась девушка. Она была одета в простое домашнее платье. Слегка отросшие ниже плеч волосы откинута назад, а руки держат грузный посудой и всякими сладостями поднос. Девушка, в которой Женя с удивлением узнала саму себя, осторожно спустилась с крыльца и начала обходить дом. Вскоре она исчезла из виду, однако с другой стороны дома появились другие действующие лица.

Целая вереница лесных жителей – почти все они были на Карнавале, вышла из-под молоденьких деревьев и, негромко переговариваясь, отправилась к домику. Та, другая Женя, вышла им навстречу и, широко улыбаясь, повела следом за собой. Нынешняя Женя с нескрываемым удивлением смот-

рела на эту картину и не находила слов. Это не она! Она никогда не была такой! Чтобы вот так, с широкой улыбкой и печеньем встречать такую прорву народу? Да ни в жизнь!

Затем камни показали ей сцену очередного Карнавала. Женя в ярких развевающихся на ветру одеждах выплясывает в центре хоровода, затягивает в него сидящих за столами лесных жителей и смеется, смеется.

«Это не я»,— подумала она, мечтая покинуть эти лживые видения.

Но камни еще не закончили, они планируют показать что-то еще. Сцена с Карнавалом скручивается, затемняется. Женя замирает в предвкушении новых видений...

Костлявая рука отдернула ее от камней. Она не стала ее поддерживать, просто безжалостно уронила на землю. Женя хватанула ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, и распахнула глаза.

Все то же странно яркое солнце светило на выбелено-голубом небе. Перед внутренним взором стремительно пронесли картины прошлого, калейдоскоп последних событий. Почему-то вдруг посетило чувство ирреальности происходящего.

— То, что...— начала она, но снова задохнулась.— То, что там было... это не я.

— Это та ты, что будет жить в Лесу после Наречения,— промолвил Лесоцарь.

— Да это даже не то, чего я хочу!

– Ты хотела покоя ото всех, чтобы можно было жить и просто радоваться жизни?

– Да.

– Лес тебе это и дарует.

Женя вздохнула. «Никому нельзя верить, это уж точно», – подумала она, поднимаясь с земли. Ее длинное зеленое платье было безнадежно испачкано в земле.

– А сейчас самое важное – ты узришь Нутро Леса!

Лесоцарь снова взмахнул своим посохом, причем выглядело это так, будто он хочет ударить им Женю со всего маху. Но конец толстой рябиновой ветви, почти никак не обработанной, аккуратно опускается обратно на землю. Одновременно с этим все каменные столбы на острове вспыхнули ярким изумрудным светом, заглушив даже сияние солнца. Женя снова ощутила мощную вибрацию, которая гуляла как будто бы по самому ее телу. Грибы на плече Лесоцаря засияли просто ослепительно. Девушка зажмурила глаза, и уже в полной темноте услышала, как все прекратилось. Миг тишины – и все вокруг залила тонкая, нежная музыка.

Место, где они оказались, напоминало Сашке сон. Та же странная темная и нечеткая по краям локация, а прямо перед глазами – нечто из ряда вон выходящее. Эта огромная река, переливающаяся и сверкающая как грани драгоценных камней, приковывала к себе взгляд, в какой-то момент молодой человек понял, что даже под ноги не смотрит, потому

что не может отвести взгляда от водных переливов, от стремительных темных силуэтов рыб в воде. Это так великолепно, так сказочно.

Заячья Маска то и дело окликал его, напоминал об осторожности, но, похоже, и сам иногда засматривался на огромную ленту реки в небе – были слышны его короткие вскрики, очевидно, когда он спотыкался об необычайно мягкую, как подтаявшее мороженое, землю.

– Слушай, – осторожно начал Сашка, – я знаю, что тебе надоели мои вопросы, но можно я все же спрошу?

– Почему это место такое странное?

– Ну да, – Сашка осторожно обошел место, где ревушая масса воды внезапно сверзалась вниз, к ним под ноги.

Заячья Маска немного помедлил прежде, чем ответить.

– Это дорога в Туманную Долину. А Долина... это странное место в странном месте, – он слегка дернул костлявым плечом.

– И поэтому туда ведет странная дорога?

– Дело не в этом. В Лесу есть три пути: по земле – это Тропа, – но им пользуются все и никакой особой силы Тропа не имеет, по воздуху, но это путь лишь для коренных жителей Леса, даже Владыка не всегда может им пользоваться. И последний путь – это Река. Мало кому из лесных жителей позволено по ней передвигаться и мало кто знает ее пути. Меж тем она пронизывает весь Лес, хоть ты этого можешь и не видеть. Именно Река несет в себе множество сил Леса из

самого его сердца к периферии, где живем мы.

– Я ничего не понял, – честно признался Сашка. – Но, кажется... а, ладно, потом пойму.

– Просто запомни, что в этой Реке очень много сил Леса и поэтому она такая, как ты говоришь, странная.

– Спасибо.

Про себя же Сашка подумал, что эта короткая лекция очень сильно походила на то, как он однажды в восьмом классе вместо своего класса зашел на урок физики к одиннадцатиклассникам, сел за заднюю парту, и, то ли шутки ради, то ли его действительно с кем-то перепутали, но ребята не стали его выгонять. Уже через пять минут после начала урока он понял, что что-то не так. Но вставать и уходить было уже поздно – ведь старшеклассники засмеются и покроют его несмываемым позором на всю жизнь – по крайней мере, тогда именно так и казалось. В итоге так и пришлось просидеть до самого конца урока, старательно пряча глаза от учителя и усердно делая вид, что он что-то решает в тетради. Да ему даже пришлось сдать свою тетрадь в конце урока! Сашка с друзьями потом долго смеялся, представляя лицо учителя физики, когда она откроет тетрадь и вместо задач увидит там рисунки по анатомии человека и непонятные каракули на полях.

– Слушай, а ты сам как относишься этому вашему Лесу? – Саша задумчиво почесал шею сзади. – Ну, типа, я понимаю, что ты здесь какая-то шишка, супер важный человек и всё

такое, но ведь у тебя же должно быть мнение о том, что здесь творится. У тебя именно, а не у твоего начальства или у этой вот маски на твоём лице. Что ты думаешь про Лес?

Заячья Маска долгое время молчал. Он обогнал Сашку, проследил взглядом за течением Реки вперед, а затем встал на месте, дождался, когда спутник подойдет к нему. И только лишь тогда ответил тихим, почти неслышным из-за маски голосом:

– Я очень давно в Лесу и, должен признаться, здесь для меня уже давно стерлись грани плохого и хорошего. Какая разница, черное или белое? Оно просто есть, – он вздохнул, – и с этим в любом случае придется жить.

– Но ты же помнишь свою прошлую жизнь? Может, ты скучаешь по ней и хочешь вернуться назад?

– Все скучают по прошлому в той или иной степени. Кто-то хочет вернуться назад в беззаботное время, кто-то скучает об ушедших людях и чувствах, что они дарили. Все вспоминают былое, это естественная часть жизни, ведь все откуда-то пришли. И все куда-то пойдут, а потому думают не только о прошлом, но и мечтают о будущем.

– Это уже какая-то философия началась, – Сашка усмехнулся. – Кем ты был до... этого места?

Заячья Маска снова долго не отвечал, будто мечтая о том, что собеседник уйдет вперед или сам переведет разговор на другую тему.

– Я был аспирантом в университете, – наконец ответил

он.— Учился, помогал преподавателям на кафедре, проводил некоторые занятия для студентов, подрабатывал вечерами и ночами в курьерской службе. Я просто жил.

— И тебе нравилась твоя жизнь? Интересная работа, отдых, девушка... тебя это все устраивало?

— Вполне себе.

— Так и зачем тогда ты полез в этот Лес? Что тебе мешало просто жить дальше и радоваться жизни?

Заячья Маска моментально захлопнулся в себе как устрица. Даже его плечи как будто опустились вниз. Он развернулся и зашагал вперед еще быстрее, чем до этого, бросив небрежно через плечо:

— Скоро нам придется пройти через Хрустальные Поля, будь готов.

Саша никогда не был особо эмпатичным человеком, однако в этот раз догадался, что его расспросы сильно задели Заячью Маску. «Можно подумать, его тайны прямо настолько важные,— хмыкнул про себя молодой человек.— У всех есть свои тайны и больные точки, и это совершенно не значит, что нужно чуть что, сразу надуть губы и отворачиваться от людей».

Пространство «под и над Рекой» было темным, как затянутая черным бархатом комната. Не было видно ни единого источника света, но пространство было достаточно освещено, чтобы не спотыкаться. После некоторого размышления Сашка пришел к выводу, что это сама Река издает мягкий,

рассеянный свет.

Вскоре впереди и немного справа показался еще один источник света. Сначала это было похоже на сияющую полоску на земле, переливающуюся всеми цветами радуги, однако по мере приближения полоска разбивалась на множество точечных источников света различных оттенков. Оказавшись ближе, Саша понял, что источником света служат цветы. Самые обычные луговые, а также самые скромные из обитателей цветочных магазинов – ромашки, фиалки, нарциссы, тюльпаны, луговые герани и многое другое. По форме цветы были самыми обычными, однако их стволы, листочки и цветки были полупрозрачные, будто сделанные из хрусталя. Незвестный материал этих цветов издавал мягкое, полупрозрачное свечение. Саше даже показалось, что свечение это обдало его лицо потоком теплого воздуха, слегка пахнущего цитрусовой свежестью.

В этом сказочном саду кто-то был. Сашка еще издалека разглядел темный маленький силуэт, что стоял среди цветов и периодически наклонялся к ним. Сначала он подумал, что это миниатюрная девушка, однако затем разглядел тонкие руки и угловатую фигуру и понял, что это мальчик. Движения его были странными. Где-то резкими, а где-то осторожными и неуверенными.

– Это Слепец, – сказал Заячья Маска, когда до цветов оставалось всего несколько шагов.

– Он тоже здесь кто-то важный?

– Нет.

– Тогда почему он здесь?– удивился Саша.– Ты говорил, что только избранные могут сюда ходить.

– Я такого не говорил. Слепец приходит сюда за этими цветами, сам Лесоцарь позволил ему это.

– Зачем ему эти цветы?

– Из них он выращивает чувства.

Уже в который раз Саша вскинул на Заячью Маску удивленный, вопросительный взгляд.

– Эти цветы, мы зовем их хрустальными, не просто так растут под Рекой. Они впитывают все эмоции, что она несет с собой, собирая их там, на поверхности. Эмоции появляются из снов жителей Леса, которые они отдают, чтобы днем жилось спокойнее. Слепец потом приходит, собирает те из цветов, что наиболее сильно пропитались чувствами и выращивает их у себя дома. Когда в Лесу появляется новый житель, он дарит ему один из цветов, который, по его мнению, содержит наиболее подходящие этому человеку эмоции.

– То есть вы внушаете человеку необходимые эмоции?– Саша вскинул брови.– «Мы хотим, чтобы ты был всегда радостным и улыбчивым, поэтому держи эту ромашку», так получается?

Собеседник долго молчал, разглядывая его блестящими глазами из-под своей маски.

– Ромашка дарит чувство влюбленности, а не радости,– Заячья Маска отвернулся и окликнул мальчика среди цве-

тов.— Слепец, это я!

К удивлению Саши, мальчик ответил весьма раздраженно.

— Ну и что тебе опять нужно? Не видишь, я делом занят!

От такого тона Сашка даже вздрогнул. Подобное можно ожидать от потрепанного жизнью человека, не обладающего вдобавок высоким интеллектом, но точно не от ребенка. Он заметил также, что выражение худого лица мальчика было на редкость злобным, угрюмым. Лицо было расцвечено свежими синяками и царапинами. А еще его глаза имели абсолютно пустое, бессмысленное выражение. «Слепой»,— сразу догадался молодой человек.

— Мы шли мимо,— показалось ли, но в голосе Заячьей Маски мелькнула сталь.— Мы направляемся в Туманную Долину.

— Здесь больше некуда идти, так что я догадался,— мальчик поджал губы. Тон, которым он разговаривал, был поистине странным.— А зачем мне мешать?

— Со знакомыми людьми, которых встречаешь по дороге, обычно принято здороваться,— вмешался Саша.

Мальчик слегка повернул голову в его сторону.

— Тебя вообще не спрашивали, чужак!

— Как ты...

— Ты не должен так разговаривать с людьми!— вмешался Заячья Маска.

— А то что?— огрызнулся мальчик.— Я разговариваю как

хочу, потому что живу как хочу.

– Везде есть свои правила, в том числе и в Лесу.

– Да плевать мне на правила! Ты сам мне в свое время обещал, что здесь мне никто не будет указывать. А что в итоге, ходишь следом, изображаешь старшего братца. Заботиться пытаешься? Да засунь ты свою заботу...

– Хватит, – жестко сказал Заячья Маска. – Слепец, твое поведение выходит за рамки дозволенного.

Тот даже слушать не стал. Отвернулся, зашел вглубь хрустального поля и, наклонившись, принялся выкапывать цветок. Его полупрозрачный стебель источал багрово-красное свечение, и это была лобелия. По мере того, как проворно двигались руки Слепца, цветок издавал все более громкий звон бьющейся посуды. Этот звук сильно раздражал.

– Идем дальше? – осторожно спросил Саша.

Заячья Маска стоял неподвижно и разглядывал Слепца.

– Эй... – окликнул Сашка.

И тут заметил, как руки его спутника сжались в кулаки. Алая лобелия почти показалась из земли. Слепец напевал какую-то песенку.

– Пора преподать урок этому мальчишке, – голос Заячьей Маски звенел, как хрустальная лобелия в руках Слепца.

Он сделал шаг вперед и окликнул мальчика. Сашка был прекрасно знаком с тем, как начинаются драки. Сначала все шутят, смеются, потом кто-то что-то не так говорит. Кто напрягается, злится, а оппонент все продолжает балагурить. И

в итоге на него налетают с кулаками. А такое безобразие терпеть невозможно и, ясное дело, за первым ударом следует сдача. Завязывается драка.

Слепец уже даже отвечать не хотел. Он сделал вид, что не слышал оклика Заячьей Маски и продолжил выкапывать свой цветок.

А Заячья Маска закипал все сильнее.

– Слепец, ты слишком много себе позволяешь,– звенящим от злости голосом начал он.– Ты выполняешь в Лесу важную функцию, но не забывайся. Любого можно заменить...

Дальнейшую тираду Саша не слушал. Его внимание внезапно привлекла Река. Он уже привык к тому, что она причудливой змеей изгибается прямо над головой. Рыбешки, мелькающие в ее прозрачном брюхе, уже тоже не удивляли. Однако сейчас Река неуловимо изменилась. Блики ее поверхности как будто немного потускнели, а сама вода – потемнела. И еще, показалось ли, но теперь и Река издавала какой-то странный звук. Тихий, настойчивый стук.

– Я тебя понял,– голос Слепца острым саморезом вкрутился в уши, и Сашка наконец отвел глаза от водной поверхности.

Но Заячью Маску было уже не остановить. Он сделал шаг вперед, безжалостно растоптав ярко-голубую луговую герань.

Лицо Слепца быстро изменило свое выражение. По от-

крытому в испуге рту и вскинутым бровям, Саша догадался, что сейчас грядет что-то страшное.

Глава седьмая

Истина

И вот уже третий раз она оказалась на паутине мостков над старым болотом. Над местностью снова царили странные серые сумерки, пахнувшие сыростью и затхлостью.

На этот раз ее уже ждали. Совсем недалеко от того места, где оказалась Женя, стоял Заячья Маска и, спрятав руки в карманах, смотрел по сторонам, слегка запрокинув голову вверх. Можно было видеть острые очертания его подбородка и сильно выступающий, как будто гипертрофированный, кадык.

Во сне голова не болела и не тошнило. И это придавало такой несказанной легкости, что даже окрылило Женю.

– Привет, – она крикнула это как можно громче, радуясь тому, что каждая буква слова не отдавалась жуткой болью в мозгу.

– Привет, – Заячья Маска вытащил руку из кармана и махнул ей.

– Почему я снова здесь? – она подошла к нему.

– Я хочу показать тебе кое-что. Пойдешь?

Она неопределенно пожала плечами. Раз уж снова оказалась здесь, да еще и голова не раскалывалась, то почему бы не растянуть удовольствие? Уже становилось интересно,

что такого может таить в себе это загадочное место.

На этот раз болото закончилось как-то неожиданно быстро. И местность оказалась за ним очень интересной. Здесь было не так серо как на болоте, но темно-зеленые луговые травы и скромные цветы были укрыты густым туманом. Местность была холмистая и сплошь укрытая травами, да кое-где выглядывали голые камни, подобно крошечным стражам этого места.

Где-то вдали за холмами виднелся пышный лес с незнакомыми и непривычными глазу деревьями.

– Что ты здесь хочешь мне показать?– Женя иронично изогнула бровь.– Уж чего-чего, а природы я точно насмотрелась. Недаром живу в Сибири.

– Здесь может быть не только природа. Это место может быть любим. Каким только ты пожелаешь. Сейчас я тебе покажу.

Они взобрались на вершину самого высокого холма и остановились.

Холм был совсем невысоким, но почему-то казалось, будто они взобрались на вершину мира. Бескрайние пространства расстилались вокруг. Сначала луга, по которым они шли, затем причудливый лес, за ним березовая рощица, которая постепенно переходила в густой хвойный лес, а на самом горизонте – высокие-высокие скалистые горы, очерченные широкой рекой.

– Почему так странно все выглядит?– Женя нахмури-

лась.— Виды местности слишком быстро переходят друг в друга, да и такое ощущение, будто мы видим больше чем надо. Смотрим с холма, а ощущение будто из окна самолета.

— Потому что это не обычное место,— Заячья Маска негромко рассмеялся. У него был очень мягкий смех.— Здесь может быть что угодно. Что захочешь. Закрой глаза.

В ее ушах все еще звучали отголоски его смеха. Внезапно она поняла, что и его голос крайне приятен и будто бы напоминает о чем-то бесконечно родном.

А потому она просто повиновалась.

— Что дальше?

— Теперь просто представь место, которое тебе хотелось бы увидеть прямо здесь и сейчас.

Женя задумалась. Она никогда не была из тех, что мечтал путешествовать по миру или жить в огромном красивом мегаполисе. Ей просто хотелось жить по-своему и неважно где. Поэтому не было конкретного места, где ей хотелось бы оказаться.

Но почему-то вспомнилась поездка с мамой в областной центр пару лет назад. Тогда ей нужно было пройти очередную медицинскую комиссию для подтверждения инвалидности, а Жене купить форму к школе. И вот перед ее внутренним сознанием появились образы улочек, по которым они гуляли после завершения медкомиссии, какие-то мелкие магазинчики с канцелярией, торговый центр, по которому они ходили в поисках формы и маленькая дешевая кофейня с ужас-

ным кофе, но безумно вкусными десертами.

Женя открыла глаза, чувствуя как щемит сердце.

И вместо леса перед ней расстилался тот самый город, где они бродили с мамой! В точности те же самые улочки и дома. Спустись – и снова окажешься в том моменте.

Женя пораженно выдохнула, разглядывая мир под собой.

– Видишь?– Заячья Маска слегка толкнул ее локтем.– Это не просто мрачный лес с болотом. Это место твоих фантазий. Попробуй еще раз.

Она снова закрыла глаза и на этот раз воскресила в своей памяти локацию любимой игры. Мгновение – и с холма видно уже фэнтезийные замки, поля, расселины и мрачные руины.

– О, недурно, – оценил Заячья Маска. – Третья часть?

– Ага, – теперь Женя широко улыбнулась. – Моя любимая. А... это все не исчезнет?

– Нет. Мы можем спуститься вниз.

– Ух ты!

Женя первой побежала вперед. Она всегда мечтала побывать на любимых локациях лично. Рассмотреть все красоты не в пиксельном качестве, а самом натуральном, чтобы можно было притронуться рукой.

И все оказалось действительно как настоящее! Женя долго бегала по сменяющимся локациям и ландшафтам, смотрела на знакомые деревья, скалы, гуляла по коридорам замков и дворцов. Все было прекрасно... вот только людей не было. Лишь Заячья Маска неотступно следовал за ней

по пятам.

– Почему так пусто?– она остановилась посреди просторного полуразрушенного коридора дворца.– Почему кроме нас никого здесь нет?

– А тебе нужны люди?– голос Заячьей Маски прозвучал несколько... пренебрежительно?

– Да в общем-то нет,– не покривила душой Женя.– Просто... странно это. Вокруг ни души, хотя в игре на этих локациях была куча персонажей.

– Если пожелаешь, ты можешь добавить их сюда. Только они будут недвижимыми куклами. Без души.

– Почему?

– В Лесу живо только то, что имеет душу. И даже Иллюзорные луга не могут создать живое подобие человека.

Эти слова показались Жене странными, но она не хотела над ними задумываться, не хотела накручивать себя попусту. А потому лишь тряхнула головой, закрыла глаза и живо нарисовала себе в голове другую картину. На этот раз она представила себе бескрайние космические просторы, а затем переместилась на одну определенную планету. То снова была локация одной из ее любимых игр.

Открыв глаза и рассмеявшись, она бросилась исследовать новый мир.

Жене начинало нравиться это место. Тихая лесная чаща из жестколистных деревьев – дуба, оливы, земляничного де-

рева, – окутанных густым сизым туманом. Несмотря на темноту, здесь не было страшно. Эта тьма мягко окутывала, как мать прикрывает дитя своей теплой пуховой шалью.

Жесткая трава плетеным ковром ложилась под ногами, мох на стволах деревьев мягко щекотал руки, когда те случайно касались его. Над этим местом царила вечная звездная ночь, и Женя сразу вспомнила то место, где когда-то перед Карнавалом принимал ее Лесоцарь. Только это место было иным... не таким властным.

Она снова оказалась одна наедине со странными видениями этого места. И со своими мыслями

На этот раз Жене нужно увидеть Нутро. Именно так сказал Лесоцарь, посылая ее сюда. «Ну и где же ты?» – рассеянно подумала девушка.

Туман сгустился, превратившись в молочную реку, струящуюся между толстых искривленных стволов. Девушка решила, что стоит последовать за этой рекой. В этом месте никогда не бывает ничего просто так.

Дорогой она размышляла о предыдущем своем видении. Лес видел ее гостеприимной хозяйкой маленького домика, привечающей множество гостей домашним печеньем. Что за бред! Это не она.

Туманный поток, что нес ее вперед, все больше сгущался. И наконец скрутился в огромное туманное озеро.

Деревья здесь приобрели странный вид. Плотным строем они обступили небольшую полянку, согнулись в поклоне и

переплели свои кроны, образуя большой, плотный ком ветвей в самом центре небольшого пятка земли. А туман вихрился вокруг этого кокона.

Это могло быть только Нутром. Женя слышала ту негромкую музыку, что издавало это существо.

«Подойди к нему!»— прогрохотал голос Лесоцаря прямо в ее ушах.

Женя вздрогнула. Она успела позабыть об этом чудовище, которое, казалось, выглядывало из-за ее плеча.

Она сделала осторожный шаг в сторону огромного кокона из ветвей. Туман услужливо расступился перед ней, уступая дорогу. А Нутро – показалось ли? – как будто бы напряглось.

«Быстрее!»— возопил Лесоцарь.

Женя прикусила губу и ускорила. Оказавшись около кокона, она почувствовала исходящее от него тепло и слабый, освежающий запах. Отчего-то Нутро казалось девушке самым настоящим, что было в Лесу. И самым добрым.

Касаться его казалось кощунством, но вместе с тем это было необходимо. Она чувствовала это. Рука неуверенно поднялась в воздух, застыла на миг в неподвижности, а затем смело устремилась вперед.

Корни злобными кошками устремились ей навстречу. Женя испуганно одернула руку.

«Нутро можно трогать только сердцем»,— прогрохотал в голове голос Владыки Леса.

– Сама разберусь,— огрызнулась вслух Женя.

Местные выкрутасы уже не удивляли. Раз это – Нутро Леса, а Лес пожирает эмоции и воспоминания, то нужно лишь направить к нему все свои сокровенные мысли и переживания.

И Женя сделала это. Буднично вызвала в голове образ матери, воскресила в ушах крики отца, вновь увидела насмешливые лица одноклассников. Ее это уже ни капли не трогало, сказать по правде.

Нутро в переплетении древесных ветвей, однако, все равно отозвалось на печаль в ее сердце. Древесные оковы постепенно расплетались, спадая на землю. Женя видела размеренно бьющуюся желеобразную плоть Нутра глубокого темно-бирюзового цвета.

Постепенно ее мысли начали бледнеть, будто стираемые ластиком карандашные наброски. Теперь ее еще меньше трогали собственные воспоминания. Пришло умиротворение, захотелось прикрыть глаза, заснуть, а проснуться уже в том самом домике на окраине обширного луга...

Женя резко сжала кулаки.

Именно Нутро должно было ее одурманить и вселить необходимый Лесу образ!

Подсознательно решив, что стоит делать дальше, она продолжала думать о том, что оставила дома, вспомнила все свои обиды, даже самые мелкие, вроде полученной в подарок игрушки другого цвета. Нутро жадно питалось ею А потом – резко! – выкинутый вперед кулак и неистовое желание

вернуться домой в голове.

Нутро, раненое, возопило. В голове вторил ему рев Лесоцаря.

Голова Жени взорвалась болью, но мысли, навязываемые ей Нутром, исчезли в один миг. Она отпрыгнула в сторону от огромного кокона ветвей, прекрасно понимая, что сейчас может последовать ответная атака. Однако этого показалось мало, и пока желеобразная туша переливалась всеми оттенками алого в переплетении скрюченных древесных пальцев, девушка бросилась прочь.

Существовало две угрозы: реальная, что осталась позади, и Лесоцарь, который своими силами может достать ее гораздо раньше. Женья буквально чувствовала присутствие Владыки Леса за своим плечом.

Теперь все, что приветило ее раньше, восстало теперь против. Туман сгустился, сделав все вокруг непроглядным, — приходилось бежать ощупью. Деревья девушка старалась не трогать — слишком живо представлялись гибкие ветви, окружающие само Нутро. Такие запросто могут схватить в свои оковы.

Убежать далеко не удалось. Спустя буквально несколько минут в лицо Жени ударил рой насекомых. Эти мерзкие мелкие создания с тонкими крылышками и липкими лапками облепили лицо, стараясь залезть в рот, нос и уши. Она закричала, замахала руками, начала бить себя ими по лицу. Тщетно. Насекомых было столь много, что от них так просто не

избавиться. В это же время деревянные щупальца подобрались к ее лодыжкам и обвили их, будто желая облобызать.

– Ты жестоко заплатишься за все это!– перед ней из густого молочного тумана соткался Лесоцарь.

Женя, лежа на земле, молчала. В этот миг ей казалось, что ничего хуже быть уже не может. Она лишь постаралась подумать о чем-то более светлом. Например, о карих глазах, что с добротой смотрят на нее, а в их глубине играют рыжие солнечные лучи. Или о серьезном взгляде усталых серых глаз из-под дурацкой маски... Интересно, каково лицо под этой маской?

Лесоцарь горой звериных шкур возвышался над ней. Красные огоньки в глубинах его глазниц сделались больше обычного и теперь жутким светом освещали лошадиный череп. Рябиновый посох в костлявой руке был высоко вздет в воздух.

– Я хотел видеть тебя одной из нас,– из раскрытой пасти черепа повалил пар.– Но ты упорно продолжаешь отказываться от даров Леса. А значит, ты будешь предана Поглощению... как и твой друг.

Сердце больно кольнуло. Неужели, это в самом деле конец? Такой глупый и бессмысленный. Ну, по крайней мере, теперь она знает, что не одна.

Женя закрыла глаза в ожидании своей судьбы.

Однако ничего не последовало. Она услышала странные недовольные звуки со стороны Лесоцаря, а затем он просто

исчез вместе с легким порывом ветра.

Путы на ногах ослабли, а насекомые свободно взвились в темное небо. Наступила оглушающая тишина.

Женя поднялась не сразу, ожидая, что ее мучитель скоро вернется, однако этого не последовало. Темный туманный лес был точно таким же, как она пришла в него.

Лесоцарь ушел, а Нутро, судя по всему, не собиралось ее преследовать. Это единственная возможность сбежать. Но куда? Как выбраться из этого места?

Не зная, куда двигаться дальше, она встала и побрела наугад.

В глубине леса продолжало бушевать ярко-алое Нутро. Оно было бессильно отомстить беглянке, но в его власти было наказать виновных в ее появлении здесь.

Эта песня снова настигла его. Она врывается в уши, вгрызалась в мозг и рвала когтями саму душу. С тех самых пор, как Лесу стали известны самые сокровенные его тайны, с тех пор, как он заглянул на самое дно своей души, эта песня то и дело настигала его.

Лютый, лютый зверь

Приходит в гости к нам теперь,

Лютый, лютый зверь...

Это невозможно слушать! Эта песенка, которая каждый раз в голове озвучивается мерзким визгливым детским голосом, доводит до безумия.

Он чувствует, что истинный облик рвется наружу. А это может значить только одно: Нутро Леса пробудилось и было очень зло. И Река! Она звенела... и алая лобелия в руках Слепца...

Лютый, лютый зверь

Срывает дверь с петель...

Заячья Маска хватается за голову, его пальцы вцепляются в волосы и буквально вырывают их. Хочется сорвать с лица эту дрянь, что вечно мешает дышать и есть... но тогда истинный облик покажет себя во всей красе. И никакие чары не смогут спасти.

Он помнит, что где-то совсем рядом Слепец – этот наглый мальчишка наверняка сейчас в ужасе – и нелепый, безрассудно храбрый чужак.

– Уходите... – прохрипел сквозь жуткую головную боль Заячья Маска. – В... в Долину...

– Что? – глупо переспросил Саша.

– Прочь! – зарычал Посланник, чувствуя, что маска на лице треснула.

– Эй...

– Ты дурной совсем?! – это уже пришел в себя Слепец. – Сказали же уходить! Возьми меня за руку и бежим. Здесь не далеко.

Заячья Маска слышал, как противно зазвенели хрустальные цветы под ногами двух мальчишек – если один старался ступать бережно, то другой совершенно не беспокоился о ценных растениях. Затем звуки их шагов и короткие слова

стихли вдали.

Лютый, лютый зверь...

Нужно дать ему свободу. Тонкие пальцы сдернули с лица глупую бутафорскую маску зайца.

Волк пришел.

В худенькой мальчишечьей руке было невероятно много сил. Сане было даже больно в тех местах, где пальцы цеплялись за его ладонь. У мальчика были нестриженные ногти, и от этого было еще больнее.

Слепец бежал вперед, уверенно, ловко обходя все изгибы Реки, будто был зрячим. Саша же то и дело спотыкался, отвлекался на боль в руке и желал обернуться, взглянуть хоть одним глазком на то, что творится за спиной. Ему хотелось знать, почему лесные жители так страшатся внешне спокойного и замкнутого Заячью Маску. «Ну говорят же, что в тихом омуте черти водятся,— подумал он.— Такие молчуны часто оказываются теми еще... ой!»

Он снова споткнулся и на этот раз упал, завалившись вперед. Слепец остался твердо стоять на ногах.

– Как можно быть таким кривоногим!– раздраженно воскликнул он.

– Прости,— сконфуженно пробормотал Сашка.

– Только не смотри назад!

– Почему?

Слепец скривился. И промолчал. Лишь дернул его за ру-

ку, как недовольная мать дергает расшалившегося ребенка.

– Просто не смотри.

Даже спиной Саша чувствовал, что там происходит нечто необычное, страшное и... пугающее. Инстинкты кричали ему, что действительно не стоит оборачиваться.

И все же он посмотрел. Там, за спиной алым цветом клубилось нечто огромное. Хрустального поля прекрасных цветов уже не было. Там, где были красивые соцветия, выросло огромное существо, прячущееся в багровых облаках дыма. Очертаний его было не видно, однако явственно очерчивалась огромная волчья пасть и безумные глаза. Этого... существа не было слышно, но безмолвие делало его еще более ужасающим.

– Я же говорил не смотреть!– Слепец пнул его в бок.

– Это он?– совершенно не заметив боли, выдохнул Сашка.

– Его истинное обличье.

– Что такого нужно натворить, чтобы стать таким?

– Я не знаю,– честно признался мальчишка, снова дергая его за руку.– Но Заячья Маска не просто так много лет был ближайшим помощником Владыки.

– И ты не знаешь... из-за чего он оказался здесь?

– Это не мое дело,– фыркнул Слепец.– Вставай и идем дальше. Туманная Долина близко.

– Он говорил, что простым лесным жителям туда нельзя.

– И? Хочешь вернуться назад и идти мимо этого чудовища?

Саша покачал головой, хоть его собеседник и не мог этого видеть. Поднимаясь на ноги, он не смог удержаться, и снова посмотрел назад. У людей вообще есть странная тяга смотреть на все ужасное и смертельное. Казалось бы, вот жуткий монстр, который хочет сожрать тебя, нужно бежать как можно быстрее прочь, но нет, ты стоишь и замороженно разглядываешь черную бездну пасти и острые штыки зубов. Быть может, это древний инстинкт жертвы перед хищником, а может, просто глупость – неизвестно.

Страшное месиво из шерсти и зубов было все еще там, на разрушенном хрустальном лугу. Оно бушевало. Но в какой-то момент рядом с ним появился еще кто-то. Высокая большая фигура. Сашка заметил блеск белого черепа, а под ним – меховую мантию.

Хозяин Леса. Владыка.

Сашка уже видел его тогда, рядом со своим дедом..

– Там... этот появился, – прошептал он.

Слепец уже и сам это понял.

– Владыка пришел утихомирить Заячью Маску. Нам нужно идти дальше, пока он нас не заметил.

Они снова пустились в путь. Сашка больше не оглядывался, боясь, что Лесоцарь может увидеть его и тогда точно наступит конец. И он не сможет спасти Женю.

Мир начал будто бы крошиться, расслаиваться. Река рассыпалась на множество мелких кристалликов. А в матовой черноте, что заполняла пространство вокруг, начали появ-

ляться проплешины.

– Кажется, мы скоро выберемся отсюда,– сказал Сашка.

– Почему ты так решил?

Молодой человек описал все, что видел вокруг.

– Действительно похоже на выход,– фыркнул Слепец.

– А что там, по другую сторону?– он говорил тихо, будто боясь, что два чудовища за их спинами могут услышать этот незамысловатый разговор.– Типа Туманная Долина... и что дальше?

– Да не знаю я! Не донимай глупыми вопросами. Я сам впервые окажусь там не на лесном празднике.

– Тебя разве не накажут? Туманная Долина вроде запретное место.

Слепой мальчик вздохнул и еще долго после этого медлил с ответом.

– Заячья Маска хоть и засранец, но все-таки мой друг,– проговорил он неожиданно спокойным и тихим голосом.– Он много сделал для этого места, пусть с первого взгляда так не кажется. Да и со второго тоже... В общем, он попросил – я помог. Больше не о чем разговаривать.

Сашка потупился и как-то сник. Мир вокруг продолжал рассыпаться, становясь все бледнее с каждым шагом.

– Сейчас вопрос в том, что *ты* собираешься делать в Туманной Долине. Я доведу тебя до туда, а потом спрячусь неподалеку, пережду какое-то время и вернусь назад. Надеюсь, что от Хрустального Поля хоть что-нибудь осталось.

– Мне нужно найти Женю и вернуться домой,– молодой человек ни на минуту не задумался о своих целях.

– Не думаю, что у тебя что-то получится.

Ну и пусть. Нужно хотя бы попытаться.

К этому времени мир совсем побелел. Вернее, стал бесцветным, как существа, много лет прожившие под землей. Еще пара шагов и причудливое место исчезло. Глаза обожгло солнцем, а голову сдавила невероятная тяжесть. Саша отпустил руку Слепца и схватился за виски.

Это место давило и вселяло негативные эмоции. Их окружали унылые, слегка пожелтевшие лиственницы, укрытые застиранным небом с блеклой вышивкой круглого солнца. Холм, на котором они оказались, спускался вниз темными соснами, и низина, в дальней части которой виднелось озеро с островком, казалась еще более темной и депрессивной.

Сашке вспомнилась его первая осень в городе. Когда ему приходилось вставать в обветшалой квартире, есть скудный завтрак и выходить в городское уныние. Двигаться в школу, которая казалась пастью жуткого монстра, а ученики – зубами в ней. Единственным ярким пятном были вечерние звонки дедушки из деревни, да его старенький, латанный-перелатанный рюкзак.

– Что это вообще такое?– помнился Сашка сквозь головную боль и противную, тягучую тоску.

– Она туманит твой разум,– судя по голосу, на Слепца это место никак не действовало.– Забирает все плохое, что у те-

бя есть. Она так питается.

– Ты тогда почему нормальный?– простонал Сашка.

– Я житель Леса, я отдаю ему свои дары. Лес получает от меня все, что ему нужно.

– А мне-то что делать сейчас?

– Не знаю

– Ну спасибо!

Сашка повалился на землю. Туманная Долина вгрызалась в его мозг, жадно присасываясь к малейшему неприятному воспоминанию и вытягивая его все больше на поверхность.

Вот мама, которая встречает его после школы с улыбкой и предлагает пообедать – и она же, с красным злым лицом, швыряющая в него поварешкой и кричащая: «Как же меня все достало!». Отец, который предлагает подвезти его до школы – и он же, дающий ему звонкую пощечину за полученное замечание в дневник. Дедушка, ведущий его под руку в первый класс в деревенской школе – и его бездыханное тело с разбитой головой под стеной дома. Приятели, протягивающие ему первую баночку пива с широкими улыбками – и их гогот, когда они показывают фотографии пьяного Сашки, склонившегося над уличной урной. И Женька, такая теплая, звонко смеющаяся совсем рядом – и ее безразличные глаза, когда она смотрела на него после первой встречи здесь, в Лесу.

Туманная Долина должна быть счастлива, ведь она получила столько пищи.

Но Слепцу надоело смотреть на страдания Сашки и находиться в его компании. Он ткнул его под ребра, приводя в чувства, а потом еще и шлепнул слегка по затылку.

– Да хватит уже,– раздраженно проговорил он.– Сопrotивляйся этому.

Сашка в ответ что-то неопределенно простонал.

Слепец снова ткнул его под ребра.

– Лес не любит, когда ты счастлив без его участия. Слышишь? Сопrotивляйся.

Сквозь сильную головную боль до Сашки все же донеслись эти слова. И он решил попробовать. Сперва ничего не получилось – Лес все равно выводил его на негатив и жрал все сильнее, перетряхнув, наверно, уже всю его жизнь. А потом он отыскал нужный ритм. Его швыряют к очередному образу, выворачивают его черную сторону наружу – а Сашка, тем временем, старается изо всех сил вспомнить все то хорошее, что связано с этим образом, и даже приукрасить его своими мечтами. Он нарисовал рядом с матерью ее безумно вкусный рыбный пирог и ее полные руки, что ловили его в детстве, когда он падал. Отец рассказывал ему множество интересных историй своей юности, дедушка водил на охоту, а Женя... Сгорая от стыда и волнения, Саня представил, как целует ее, тогда за школой, когда помогал перебраться через забор и сбежать от отца.

Именно последний образ его и спас. Что-то в глубине Леса возмущенно запыхтело, попыталось укусить по сильнее, да в

другом месте. Но молодой человек уже весь был поглощен своей фантазией.

Возмущенно храпя, Лес и самая жестокая, голодная его часть – Туманная Долина – отступили. А головная боль скрутилась и засела где-то в глубине мозга тонкой пульсирующей точкой.

Сашка не сразу пришел в себя. Постепенно в него начало просачиваться окружение. Сначала он услышал, как шуршат деревья на довольно сильном ветру. Затем до него донесся запах влажной земли и собственного пота. И только потом Саша смог раскрыть глаза и снова оглядеться. Только теперь он увидел, что темная долина окружена плотным кольцом гор. Вокруг не было ни единого намека на переход к той странной дороге «под и над Рекой».

Слепец стоял неподалеку. Его пустые неподвижные глаза смотрели куда-то в пустоту, а лицо было повернуто в сторону озера.

– Спасибо, – негромко сказал Саша, в горле у него пересохло.

Мальчик пожал плечами.

– Теперь ты можешь идти дальше и оставить меня в покое.

Саня кивнул, едва удержавшись от порыва снова поблагодарить.

– Ну, я пошел тогда...

Поднявшись на ноги, он неуверенно пошел вниз с холма.

Женя не знала, где теперь искать выход. Темный туманный лес, окружающий Нутро, оказался совсем небольшим – около пятидесяти шагов в одну сторону и в другую столько же. Дальше пройти было невозможно, ибо туман настолько сгустился, что превращался в подтаявшее сливочное масло, обжигающее лютым холодом при каждой попытке прикоснуться к нему. Поскитавшись некоторое время по сырому лесу, Женя в конце концов вернулась на поляну с Нутром и села прямо на землю, привалившись спиной к одному из деревьев.

Нутро уже перестало бушевать к этому моменту. Алая пульсация постепенно стихла, перейдя в слабое мерцание. На Женю оно и вовсе не обращало внимания, будто бы напрочь позабыв нанесенную ею обиду. «Похоже, оно не может влиять на меня без участия Лесоцаря, потому что я еще не полностью принадлежу Лесу», – решила Женя.

Чем дольше она смотрела на сплетение ветвей, что окружало Нутро, тем сильнее оно напоминало ей о том времени, когда мама пыталась заниматься макраме. Вернее, как, она сначала плела ловцы снов, а потом перебралась к браслетам и к полноценным большим настенным растяжкам – Женя не знала, как еще можно назвать эти огромные ажурные гобелены на стенах. Мама хотела их продавать, чтобы хоть как-то зарабатывать свои собственные деньги, однако в маленьком городке посреди тайги люди были практичными – суровая жизнь так приучила – никто не хотел платить за безде-

лицы. Получить даром, в подарок – с радостью, а за кровные деньги – нет уж, увольте. Шло время, и квартира начала тонуть во множестве хлопчатобумажных нитей всех цветов и радуги и готовых изделий. Еще хуже вышло с вязаными игрушками – большинство женщин старшего поколения умели вязать и могли соорудить нечто подобное самостоятельно, а молодежь просто смеялась над грубыми игрушками кустарной работы.

При виде матери Женя всегда удивлялась, насколько же сильно может захламлять жизнь хобби, именно такое, спокойное домашнее хобби, вроде вязания или раскрашивания картин по номерам. Ты занимаешься чем-то увлеченно, приобретаешь для этого необходимые материалы, делаешь еще больше и еще качественнее, количество готовых продуктов в доме растет, все знакомые уже устали от твоих подарков ручной работы – и вот ты в какой-то момент осознаешь, что окончательно потонул в своем хобби. Во всех смыслах.

Между тем, заниматься матери всегда было нужно чем-то. Она не могла просто так сидеть целыми днями дома у окна, попивая чай. Дочь уже выросла и не требовала много внимания. И вот Женина мать скакала от одного хобби другого, а углы квартиры заполнялись различными поделками, картинками и книжками. Однако в последнее время мама обычно просто читала какие-нибудь незамысловатые, глупые романы, потому что другие занятия ее сильно утомляли.

Ее болезнь прогрессировала, и это было сильно заметно.

Активная, творческая женщина давно ушла, оставив бледную моль на диване с потрепанной книжкой в руках.

Женя слабо улыбнулась. Однажды она увидела фотографии матери в молодости, и они сильно ее удивили. На них была изображена красивая, жизнерадостная девушка, идущая по горам с большим рюкзаком за спиной, или стоящая в летящем платье посреди парка. Когда Женя была маленькой, а отец был все еще влюблен, он рассказывал ей как встретил свою будущую жену. Они учились в одном университете на разных факультетах. В университете проходило какое-то спортивное мероприятие в преддверии летних каникул. Было жарко, все разгоряченные лежали на траве стадиона, в том числе и отец с друзьями. Тут их благостное уединение прервали. «Вы чего разлеглись?!» – воскликнула какая-то девушка, толкая отца носком кроссовка в бок. – Там еще эстафета сейчас будет!» Отец открыл глаза и в тот момент понял, что влюбился.

Какой-то низкий протяжный звук отвлек ее от мыслей. Женя внимательно взглянула на Нутро. Оно было почти полностью скрыто ветвями деревьев и, казалось, дремало. Звук исходил откуда-то из глубины леса.

Женя поднялась на ноги, чтобы проверить, что же там такое. Суставы ног ныли от долгого сидения в неудобной позе.

Звук не прекращался, продолжал гудеть на одной низкой ноте. Женя осторожно кралась по лесу, двигаясь в его сторону. Но после каждого шага казалось, что источник его ме-

няет свое местоположение. И в конце концов в какой-то момент она поняла, что обошла небольшую рощицу кругом и вернулась обратно к Нутру. Оно уже успело почти полностью скрыться под ветвями деревьев.

– Выпусти меня!– встав напротив, потребовала она, а затем тихо добавила, как-то совсем уж жалобно:– Пожалуйста. Сердце оставалось безучастным.

– Выпусти!– повторила Женя.– Я очень хочу домой... к маме.

В последние пару лет у них с матерью были плохие отношения. Женя считала ее отвратительно слабой, сдавшейся, сломленной. А Ирина не хотела вмешиваться в жизнь повзрослевшей дочери, давая ей пространство для свободного дыхания.

Однако так было не всегда. С самого рождения Женя была сильно привязана к матери. Родилась она у своих родителей немногим позднее того времени, когда они оба окончили университет в районном центре, мать была в декрете, а отец в то время хватался за любую работу, и вот на одной из них ему предложили перебраться на север, мол, есть хорошее место на лесопилке. И родители быстро собрали вещи, покинули родной город, собственных родителей и отправились в неизвестное захолустье. И жизнь потекла дальше своим чередом.

Отец много работал, стараясь обеспечить им достойную жизнь, мать же, не отыскав в этом городке работы по про-

фессии, научилась делать маникюр и принимала по паре человек в день в салоне красоты неподалеку от дома. Свою маленькую дочку она всегда брала с собой, ведь все бабушки и дедушки остались в нескольких сотнях километров. Потом они часто гуляли, даже в лютые северные морозы, мама закутывала ее в несколько кофт, милый фиолетовый комбинезон и катала на санках по городским дворам, рассказывая всяческие небылицы или истории из жизни.

А когда Женя пошла в первый класс, мать начала плохо себя чувствовать. Сначала это проявилось едва ощутимыми тянущими болями в районе поясницы, затем началась тошнота по утрам, головокружение, слабость, бледность кожи. Именно тогда Ирина поняла, что нужно идти к врачу. Женя хорошо помнила тот декабрьский день, когда мать забрала ее с уроков и отправилась с ней в поликлинику узнавать результаты анализов. Даже будучи малышкой, Женя заметила, каким печальным стало лицо терапевта, и прозвучали страшные непонятные слова: «нефролог», «онколог» и «госпитализация». В тот вечер мать долго плакала, утешаемая отцом.

После этого матери не было дома почти полгода. Сначала она лежала в местной больнице, потом ее перевели в областную больницу. Вернулась она летом, бледная, худая и без волос. Какое-то время все шло довольно неплохо, мать пила таблетки и время от времени ходила к местным докторам. А затем – резкое ухудшение, и мать вертолетом санавиации увезли обратно в областную онкологию. Врачи качали голо-

вами и сокрушали: «Быстрый рост... зло...».

И потом начался ад. Матери удалили одну из почек, и она очень долго восстанавливалась. Снова долгий курс химии, снова потеря едва отросших волос. К выпуску Жени из начальной школы в ее доме вместо жизнерадостной женщины поселилась блеклая тень.

Самое ужасное было не в самой болезни. А в том, что мать быстро сдалась. Поначалу, осознав, что не может вернуться к своему прежнему занятию, она, как и говорилось ранее, пыталась заниматься творчеством и продавать почти за бесценок свои поделки. Когда же ничего не получилось, Ирина быстро опустила руки и предпочла скрыться в мире фантазий. Она с жадностью поглощала однотипные глупые фэнтези-романы о большой любви, мало участвовала в жизни во-круг, даже на себя ей стало абсолютно плевать. Все, на что хватало ее воли – это ходить раз в несколько дней на гемодиализ и консультации у врачей, с трудом поддерживать порядок в квартире и состригать свои сальные волосы в парикмахерской неподалеку.

Именно за эту слабость и безвольность Женя презирала свою мать. С колокольни своего юношеского максимализма она считала, что любую проблему можно пережить, можно преодолеть... Но ведь мать даже ни разу не попросила помощи! Только продолжала заживо разлагаться в своей скорби. А их дом насквозь провонял болезнью.

Странный глухой звук в глубине леса стал громче и сно-

ва отвлек Женю от ее мыслей. Она снова глянула на Нутро, но то спокойно блаженствовало в своем коконе. Нехотя Женя снова отправилась на обход территории, но в лесу ничего не изменилось, даже туман оставался все таким же плотным. Она внимательно смотрела по сторонам, вглядывалась в каждую мелкую деталь на земле под ногами.

Однако стоило смотреть наверх. Беззвездное небо над ней скручивалось в густые узоры из тумана и мрака. Они вихрились в причудливом танце, аккомпанируя мыслям Жени, и тем самым издавали тот самый странный звук. И именно тогда, когда она вернулась обратно к Нутру, а ее мысли о матери достигли своего пика, нарисовав в голове сцену их первой ссоры, жуткие спирали устремились с неба вниз.

Женя не сразу поняла, что же происходит. Лишь когда туманный вихрь захватил ее целиком, а Сердце рядом снова раскрылось, налившись насыщенным синим цветом, она решила, что сопротивляться нет смысла. Пожалуй, это единственный оставшийся вариант сменить опостылевшую обстановку вокруг.

Звук быстро исчез, а вместе с ним и чувство полета. Женя шлепнулась на мягкую, слегка влажную землю.

И в следующий миг она услышала такой знакомый и такой желанный голос:

– Женя?!

Это чудовище безжалостно пожирает плоть, выворачива-

ет суставы и дробит кости. Заячья Маска ненавидел свое истинное обличье. И большую часть времени ему удавалось держать его на цепи. Очень немногие вещи могли заставить его потерять контроль. И Нутро Леса было главной из этих вещей. В его власти было уничтожить лесного жителя или подарить ему невероятное наслаждение. А Заячья Маска слишком долго прожил в Лесу.

Сгорая от собственной ярости, он надеялся, что Слепец успел увести чужака прочь.

Появление Лесоцаря он почувствовал сразу. Собака ведь всегда знает, когда хозяин приходит домой.

– Довольно, Заячья Маска,– это не просто слова, а властный приказ.

Зверь, разбуженный Нутром Леса и Рекой, полной ярости, и не подумал затихать. Он еще выше поднял свою голову и зарычал. Голова Заячьей Маски отозвалась вспышкой боли.

– Заячья Маска...– теперь уже в голосе Владыки Леса слышалась угроза.

Зверь сжался в комочек, как испуганный щенок. Он жалобно заскулил, припав на задние лапы. Лесоцарь произнес еще пару слов, и зверь ушел совсем, спрятавшись в самой глубине его существа.

Заячья Маска упал на острые осколки хрустальных цветов и, безжалостно раздирая свои ладони, принялся искать свою маску. Она должна быть где-то здесь... ее необходимо найти!

Первый удар рябинового посоха пришелся как раз на ру-

ки. Хлесткий удар, очень болезненный, заставивший Заячью Маску, еще не вернувшего себе самообладание, вскрикнуть от боли.

– Ты меня разочаровал,– слова острой щебенкой засыпались в уши.

Вот, вот она, маска! Совсем рядом оказалась.

Еще один удар посохом по рукам, на этот раз пониже, по самым пальцам.

– Ты должен был первым найти эту паршивку,– Лесоцарь сделал угрожающий шаг вперед.– Должен был сразу вызвать меня, когда поймал чужака...

Наконец-то удалось схватить слегка треснувшую маску. Он попробовал сесть, чтобы было удобнее надеть ее. Однако сразу же получил жестокий удар посохом по спине.

– Но ты не сделал ровным счетом ничего!– вскричал Лесоцарь, потеряв самообладание.– Ты отправился на прогулку. С чужаком!

Посох еще раз ударил по спине. И еще раз. От боли Заячья Маска снова упал на осколки. Лицом вниз, чтобы хоть как-то скрыть его. Бутафорская маска отлетела далеко в сторону.

– Я начинаю сомневаться в твоей преданности,– прогрохотал Лесоцарь.– И если ты хочешь вернуть мое расположение к себе, то сейчас же отправишься со мной и лично прикончишь этих глупцов.

– Да, Хозяин,– тихо прохрипел Заячья Маска и сплюнул кровь.

Ирине было очень беспокойно. Что может чувствовать мать, потеряв единственного и любимого ребенка? Когда Женя сбежала из школы прямо под носом у полицейских, директора и родителей, мать решила, что она просто ушла домой. Бывший муж, которому оказалось не совсем плевать на собственную дочь, предложил сразу же отправиться на поиски. До дома они домчали в пару минут. Но Жени там не оказалось. В городском парке на горе неподалеку от школы тоже ни следа. Их ребенок будто испарился из города.

А потом, на следующий день оказалось, что пропал еще и ее одноклассник.

По школе и по городу поползли невероятные слухи. Говорили и о маньяке, и о секте в лесу, и о действии загадочных химических отходов где-то на болотах, и даже банально о том, что Женя с Сашей сбежали жить вместе в лесу. Полиция искала их, но безуспешно. Единственными зацепками были пустые банки консервов и обертки от шоколадных батончиков, найденные у небольших кострищ в лесу. Но их мог оставить кто угодно.

Между тем материнское сердце чувствовало, что дело нечисто. Иногда Ирине даже казалось, что она чувствует свою дочь. Вот ей хорошо и радостно, а буквально на следующий день – одиноко и тревожно, а потом и вовсе – до ужаса страшно.

Сны тоже приходили. Иногда она видела Женю бегущей

по темному лесу, иногда бежала по нему сама. Порой и вовсе Ирина оказывалась в полной темноте и чувствовала рядом присутствие чего-то жуткого, дышащего прямо в ухо и вопрошающего: «Хочешь ли ты увидеть свою дочь? Тогда иди за мной!»

Зато бывший муж внезапно осознал свою ошибку. Звонил по несколько раз за день, интересовался новостями, спрашивал о здоровье и предлагал довезти до больницы если нужно. Как-то вечером и вовсе постучался в дверь квартиры с цветами и предложил поужинать вместе. «Мы должны держаться вместе», - твердил он. Ирина лишь отмахивалась, не желая слушать.

С момента пропажи Жени и Саши прошло около двух недель, и полиция уже перестала давать какие-либо надежды на то, что этих подростков можно отыскать.

И в одну их ночей, горько наплакавшись, Ирина забылась липким, болезненным сном. Она ожидала увидеть новый кошмар или то странное существо во тьме. Но в этот раз все было иначе. Да, она оказалась в лесу, но он не был таким мрачным и пугающим как раньше. Просто обычный лес. Что-то взывало к ней из глубины этого Леса. Женщине показалось даже, что она слышит голос своей дочери.

Ирина бросилась сквозь кусты, надеясь отыскать Женю. Но везде было пусто.

– Женя! – окликнула она, выйдя на широкую поляну.

Тишина, и лес стал стремительно темнеть. Деревья осыпа-

лись, сделались черными когтями, обращенными в ее сторону. А потом среди их стволов замелькал человеческий силуэт. Только голова его ярко подсвечивалась белесым мерзким светом. Ирина попятилась назад, однако существо двигалось быстрее, чем она.

Пред ней предстала бледная изуродованная маска зайца. Она была в трещинах, что-то красное сочилось из-под нее. А когда темный силуэт под маской начал изменяться, она закричала и бросилась прочь.

Ирина проснулась в холодном поту, хватаясь за бешено колотящееся сердце.

Этот сон казался самым реальным из всех, что она видела прежде.

Глава восьмая

Купание в озере

После того, как Женя упала, Саня чувствовал себя крайне неловко. С одной стороны он вроде и понимал, что его вины в том особо нет, да и травма не такая уж серьезная, но с другой не мог отделаться от мысли, что это он виноват. Что не успел поймать, что сам ее начал гонять и довел до падения. Молодой человек старался не думать об этом. Но навязчивые мысли все равно лезли в голову.

Женя нравилась ему. Очень. Себе на уме, иногда очень тихая, иногда до ужаса дерзкая, она завораживала его с самого детства. Эта девчонка была неотъемлемой частью его жизни на протяжении многих лет.

Несколько раз он порывался сходить и проведать ее, принести чего-нибудь вкусного. Но потом как-то быстро гнал прочь эту мысль, ограничиваясь кратким сообщением где-нибудь в соцсетях: «Ты как?».

Так прошла неделя. Школа в это время не казалась скучной, но чего-то будто бы сильно не хватало.

Что удивило Саню, так это то, что за неделю про Женю вспомнили лишь пару раз, когда на переключке в классе называли ее фамилию и интересовались куда она запропастилась.

Когда пошел десятый день после Жениной травмы, он сидел на четвертом уроке, на биологии и со скучающим видом ковырял поля тетради. Учителя никто не слушал, все были заняты своими делами. Вон, например, девчонки в заднем углу класса о чем-то стрекотали и посмеивались, а та самая Катька нет-нет да бросала на него пылкие взгляды.

Пиликнул телефон под тетрадью.

«Я в травме» – это пришло сообщение от Жени.

Саня удивился. В эти дни она ни разу не писала ему первой.

«И как?»

«Да никак еще. Жду очереди».

«Ясно. А чувствуешь себя как?»

«Да тоже никак ахах».

Саня поджал губы. Чувство вины снова накатило волной.

«Прости», – нет, это сообщение он стер. Отправил другое: – «Может, встретить тебя? Будет повод свалить с уроков хд».

Какое-то время горел значок того, что она набирает сообщение. А затем исчез. И лишь через пару минут пришло:

«Не надо. У меня дела».

Саня вздохнул и убрал телефон обратно.

Раньше она никогда так не отвечала.

Больничный после сотрясения тянулся долго. Первые пару дней Женя не могла даже подняться с постели – от малейшего движения голова начинала кружиться, а в животе

сворачивался тугой ком тошноты. Эти дни она большей частью лежала и спала, оказываясь снова в Лесу и воображая себе все новые и новые места, от которых дух захватывало. Заячья Маска в те дни не появлялся, Женя была одна, но это ее вполне устраивало.

Потом она еще неделю сидела дома, восстанавливалась и ждала повторного приема в травматологии. Эти дни оставили после себя двойное впечатление. Когда матери не было дома, она в свое удовольствие сидела у себя в комнате, играла, читала, смотрела аниме и изредка сериалы. Иногда она ходила встречать свою мать с больницы, и они немного прогуливались по тающим улочкам в молчании, которое не доставляло дискомфорта им обоим. А иногда, когда они обе оказывались дома, мать отрывалась от своих книг и начинала горестно вздыхать. Это вызывало в Жене нервозность, жалость и раздражение одновременно. Она знала, что мать вспоминает отца и подсчитывает те жалкие копейки, что остались в ее кошельке.

А до первого рабочего дня в магазине была всего пара дней. Это пугало обеих – и мать, которая не работала уже много лет и была откровенно слаба здоровьем, и дочь, которая так не хотела позориться, продавая сигареты местным алкашам.

Наконец настал день повторного приема в травматологии. И первый день их работы в магазине.

Женя изо всех сил мечтала, чтобы приём длился как

можно дольше. Ей не хотелось идти в магазин, пусть там и ждала её мать. Было ли это инфантильностью? Конечно. Но кто из нас не инфантилен в семнадцать лет.

Тем не менее, подошёл приём травматолога и на этот раз совсем другой врач сказал ей, что она может возвращаться в школу.

– Спасибо, – сказала она ему, хотя больше всего на свете хотелось плюнуть ему в лицо.

По пути из кабинета на улицу она написала краткое "меня выписали" и разослала Сашке и нескольким девчонкам. Сразу отозвался только Саня, написав "урааа" и отправив какой-то дурацкий стикер.

Как бы то ни было, а час идти в магазин пробил. Женя шла и ей казалось, что на ногах у неё стальные гири. А потом её взгляд остановился на панельной девятиэтажке, выглядящей как её собственная и возникла внезапная мысль: "А почему, если меня не устраивает что-то вокруг, я не могу представить на этом месте другое место?"

И воображение живо нарисовало ей картины её ночных походов.

Вспомнились обширные луга, что преобразались по одному лишь её желанию. Женя улыбнулась. Как-то внезапно мир стал краше и приятнее

Апрельское солнышко скупо пригревало её непокрытую голову. Пахло дымом, сыростью, людьми. День мог бы быть прекрасным и чарующим, но Женя не видела этого.

Наконец-то показался магазин, где ей предстояло работать. Это был обычный продуктовый киоск, каких очень много кругом. Они безликие, обычные. В них порой заходить с лёгкой смесью отвращения и ностальгии и быстро-быстро уходишь.

– Ромашка, – прочитала его название Женя и поморщилась. Название было вульгарным

Она воровато огляделась по сторонам, боясь увидеть знакомых людей, но никого не было, и Женя, точно ворюшка, проскользнула внутрь.

Внутренняя обстановка магазина не представляла из себя ничего особого. Просто магазин.

– Женя, – ей из-за прилавка улыбнулась мать.

Рядом с мамой стояла женщина классической, что называется магазинной внешности: обесцвеченные, выжженные волосы, тонкие брови, сделанные синюшным татуажем лет десять назад и расплывшаяся фигура под пластиковым синими фартуком.

Стоило только Жене переступить порог, как женщина вперилась в неё цепким взглядом, затем поджала губы. Лицо её приобрело пренебрежительное выражение.

– Это и есть твоя дочка? – спросила она.

Мать кивнула и будто бы вжала голову в плечи.

Женя бросила на неё хмурый взгляд.

– Меня зовут Женя.

– Екатерина Сергеевна, – женщина хмыкнула, будто

сплюнула.— Проходи, будем тебе показывать всё.

Работа продавщицы оказалась совсем простой. Уже через пару часов Женя крепко усвоила, как пробивать позиции в чеке, куда вносить весь проданный товар. Вскоре после этого мать ушла домой. Осталась только хозяйка, внимательно бдящая за каждым её шагом и даже не пытающаяся завести разговор на отвлеченную тему, наладить отношения.

И в самом конце дня она, собираясь идти домой, как бы невзначай спросила:

— Денег в семье нет?

Женя ничего не ответила, лишь хмуро, исподлобья посмотрела на неё. Екатерина фыркнула и ушла.

Магазин работал до девяти часов вечера, но это совсем не значило, что в девять Женя пойдет домой. Нет, в девять она должна была повесить табличку «закррито» и начать прибираться, закрывать кассу и подсчитывать выручку за день. Таким образом, она вышла на улицу лишь в десять. Время было уже позднее. Женька не боялась темноты, но те, кто в ней прятался, те, кто считал ночной город своим местом, немало настораживали ее. Она натянула на голову капюшон и зашагала как можно быстрее, благо до дома было около двадцати минут пешком.

Удивительно, как преобразяется до боли знакомый город ночью. Сразу становится каким-то чужим, опасным.

Она шагала очень быстро, оглядываясь по сторонам, но,

благо, никого не было видно. Понемногу Женя даже расслабилась. И как водится, именно в этот момент и пришла беда.

В соседнем дворе какая-то компания распивала алкоголь под громкую, назойливую музыку, льющуюся из припаркованного рядом ржавого отечественного авто. Они громко хохотали, отпуская премерзейшие шуточки и постоянно вспоминая то одних своих общих знакомых, то других. Женя слишком поздно заметила их, чтобы сдать назад и пойти другим путем.

Девушка опустила голову еще ниже и постаралась прокрасться незамеченной, но, как назло, тут-то ее компания и заприметила.

— Стой! Кто идет?— рявкнул кто-то из них и вся оставшаяся компания оглушительно загоготала.

— Да вы посмотрите на ляхи, это девка!— второй оказался еще более воодушевленным.

— О, иди-ка к нам!

Трое отделились от компании и стали приближаться к ней.

Тут-то Женя и не выдержала. Матюгнулась и припустила со всех сил. Пьяные хохотнули и кто-то побежал за ней следом. Она ускорила, рискуя снова поскользнуться на сырой апрельской земле и снова получить сотрясение мозга. Она бежала и бежала, на ходу доставая ключи от подъезда из кармана, понимая, что только там и сможет спастись.

И вот пулей пронесаясь через два двора, она на ходу приложила магнитную кнопку к домофону и очутилась в подъезде. Сердце колотилось как бешеное. Женя согнулась пополам. В ушах звенело.

«Уроды, — подумала она. — Просто уроды». Накатила неприятная мысль о том, что сейчас она была буквально дичью, за которой гнались хищники. От этого она поежилась. Но быстро нашла утешение в воспоминании о том, как прошедшей ночью по одному мановению ее мысли вокруг появились целые стада диких существ, и она бегала за ними по обширным лугам, играла с ними, смеялась.

«Ненавижу это все!» — а вот эта мысль была важным тревожным звоночком.

Поджав губы, Женя начала подниматься наверх, надеясь, что мать уже спит и не станет допытывать ее расспросами.

Следующим днем была суббота. В школе из уроков была только физическая культура и литература, которая нагоняла на Женю невообразимую тоску. А посему, выйдя вместе с матерью из дому и проводив ее до магазина, девушка пошла в совершенно противоположную от школы сторону. Хотелось развеяться, подышать свежим воздухом.

Женя шла осторожно, дворами — город был совсем не большой и вероятность встретить знакомых на главных улицах была слишком высока. А там недалеко и до доклада учителям или матери, что она шляется непонятно где

вместо уроков.

Дело близилось к маю и кое-где даже появлялись первые намеки на зелень. На земле над теплотрассами уже вылезала скромная зеленая трава. А на деревьях, что стояли на солнце, проклевывались почки. Лето боязливо запускало свои пальцы в город.

Дорогой Женя размышляла. Она силилась понять, что же все-таки это за место такое – Лес, в котором она оказывалась каждую ночь на протяжении уже двух недель. Оно не было похоже на обычный сон, ведь они не снятся так часто и так подробно. Быть может, она сошла с ума и Лес был ее настойчивым видением? Иначе как объяснить то, что там она могла делать что хотела.

Картинка, что называется, совершенно не складывалась. В одном из дворов ее неожиданно окликнули. Вздрогнув, Женя увидела на детской площадке одноклассниц. Они сидели рядышком на скамейке и что-то бурно обсуждали до ее появления. Заводилой была Катька, что сидела посередине в своей любимой серой юбке в складку, что прямо неприлично задралась. Справа от нее была Света – резковатая, но очень предприимчивая девушка, что уже года два неплохо зарабатывала в свободное от школы время, делая наращивание ресниц на дому, и явно не собиралась особо заморачиваться с дальнейшей учебой. А слева притулилась Диана – на первый взгляд вроде бы и скромная отличница, но успешная за последний год перебрать нескольких парней из других

школ.

– Прогуливаешь школу? – спросили девчонки.

Женя подошла к ним и изобразила беззаботную улыбку.

– А вы нет?

– А мы на литре были!

Они рассмеялись. Тут Катя достала из рюкзака сигареты, обычные, крепкие, вроде "Петра I".

– Будешь?

– Не, у меня вейп.

Они закурили, девчонки сидя, а Женя напротив них стоя. Катя внимательно её разглядывала. Даже как-то жадно.

– Ты как себя чувствуешь? Саня сказал, что голову хорошо стряхнула.

– Да нормально уже. Первые пару дней голова сильно кружилась.

– А, понятно. Что-то ты давно с нами не гуляла. Совсем отдалилась.

Женя не нашлась, что ответить. Лишь молча сделала ещё одну затяжку.

– Пошли с нами в тк. Развеемся немного, – сказала вдруг Диана.

И Жене очень хотелось согласиться, пойти с ними, но ее ждала ещё работа в магазине. На душе заскребли кошки.

– Может, завтра? Как раз воскресенье, соберем еще ребят, – она улыбнулась, криво и совсем по-чужому.

Катя фыркнула.

– Мы договорились на сегодня! Если хочешь, можем завтра с тобой только вдвоем сгонять.

Женя радостно закивала, точно китайский болванчик.

– Давай.

– Тогда спишемся вечером, – Катя снова вперила на нее крайне внимательный и даже какой-то колючий взгляд. – А сейчас ты куда собралась?

– Маму с больницы встретить, – заранее выдуманная ложь сама слетела с губ.

– А отец не может? Он же вроде по субботам отдыхает у тебя.

Вот этот вопрос стал как удар под дых. Сердце бросилось вскачь, а к щекам нахлынула волна жара. На миг даже показалось, что Женя задыхается.

– Нет, – выдавила она. – Он сегодня работает. Что-то там у них случилось.

– Оу, ну ладно, – Катя отчего-то поджала губы. А Света при это ехидно улыбнулась

– Я пошла. До встречи, девчонки!

Женя ретировалась так быстро как только могла. Она едва переборола желание припустить бегом прочь.

В магазин Женя влетела с отчаянно колотящимся сердцем. Низ живота колело от пережитого волнения. Она сама не могла объяснить, что такого постыдного было бы в том, чтобы признаться подружкам о работе в магазине. Буд-

то бы мир от этого сразу рухнет. Работа да работа, она же не унитазы чистит в конце концов. И тут же вспомнилась она, буквально месяц назад вещающая о том, что ее баллов по ЕГЭ будет вполне достаточно для поступления в университет областного центра, а быть может, и в город покрупнее да западнее. «Ни за что больше не буду сюда возвращаться!» – в пылу воскликнула она тогда.

Возле прилавка терся неприглядного, помятого вида мужичок, расспрашивая мать Жени о ценах на всякие товары и между делом отпуская ей сальные комплименты.

– Красавица, а ты замужем, а? – спросил он, когда Женя вошла.

Мать потеряла все краски с и без того бледного лица. Она всегда пугалась, когда к ней проявляли такой напор.

Женя сжала кулаки.

– Привет, мам! – преувеличенно громко воскликнула она. – Папа спрашивает, есть ли здесь лимонный «Берн». Что-то его с утра в сон клонит.

Мужик сразу стушевался. Покосился пренебрежительно на Женю, потом на ее мать. Фыркнул и шаткой походкой отправился на выход. Мать же тем временем решила подыграть.

– Да, Женечка, есть, вон в том холодильнике. А почему он сам не зашел?

При этих словах мужчина уже покинул магазин. На лице матери застыла кривая улыбка. Она выдохнула.

– Спасибо, моя хорошая.

Спустя час Женя осталась одна в магазине. Екатерины сегодня не было. Видимо, она решила, что уже достаточно их всему научила и в случае чего все равно сможет покарать рублем за ошибки.

День и покупатели шли своим чередом. Когда людей на-капливалось сразу много, когда полчаса никого не было, и Женя просто смотрела короткие видео на телефоне. Один раз, в районе шести вечера, зашла неприятная престарелая женщина, что мурыжила ее с десятков с лишним минут кряду, рассказами о том, что на соседней улице-то все подешевле на пару рублей. Женя в ответ лишь заказывала глаза и молчала.

И уже под самый конец смены пришла беда, которую она не ждала так скоро.

Женя стояла на табуретке и выкладывала на верхнюю полку товары. Послышался звон дверного колокольчика. В магазин влетела шумная компания подростков, которая перешучивалась между собой. Женя сразу узнала голоса, и ее сердце ухнуло вниз.

– Девушка-а-а! – позвала ее Катька.

Женя сглотнула и на деревянных ногах спустилась с табурета. Медленно обернулась. Катя и ее компания – все те, с кем Женя и сама хорошо общалась, смотрели на нее.

– Добрый вечер, – такие глупые, нелепые слова слетели с ее губ.

Ребята уставились на нее. А у Кати, которая стояла впереди всех, зажглись глаза. Она улыбнулась.

– Так вот куда ты у нас подевалась.

– Хех, ну вот вы меня и раскрыли, сыщики, – Женя широко улыбнулась, но сердце при этом отплясывало дикую четку.

– Ты теперь здесь работаешь? Каждый день после уроков? – Катя не отставивалась. В ней всегда было что-то стержневое.

Женя не захотела отвечать на этот вопрос.

– Что вы хотите купить?

Лицо Кати слегка исказилось.

– Ты не хочешь отвечать на вопросы, которые тебе задают?

– Не хочу, – Женя поджала губы. – Да, я теперь здесь работаю. И что с того? Это мое дело. Покупайте, что хотели и идите дальше.

Никого не удивил подобный выпад со стороны Жени. Она умела себя защищать, когда это нужно. Помнится даже, когда летом после седьмого или восьмого класса, гормоны и половое созревание взяли свое и Женя набрала довольно много веса, оставшись при этом невысокой, она быстро заткнула тех, кто посмел называть ее «Толстым гномом». Подростки жестоки, но даже малейшее проявление силы пугает их и заставляет отступить и идти искать новую жертву.

Катя тем временем поджала покрашенные темным блеском губы и прищурила глаза с идеальными стрелками. И как же раньше Женя не замечала, какая она неприятная?

– Хорошо, как хочешь. Работай тогда, – девушка быстро назвала целую кучу продуктов, в основном газированным напитков и чипсов и добавила в конце с неприятной ухмылкой: – И пошевеливайся, пожалуйста.

Женя на миг прикрыла глаза. Кажется, теперь она нажила большие неприятности на свою голову. Но воспоминание об Иллюзорных Лугах, где все могло быть так, как она хочет, быстро успокоило. Еще пара-тройка часов, и она снова окажется там.

Освещаемый золотыми лучами закатного солнца, перед ней стоял Сашка. И на какой-то миг Жене даже показалось, что он такой же как обычно: слегка растрепанный, нервно теребящий что-то в своем кармане и слабо улыбающийся, будто бы всегда готовый разразиться громким смехом. Но при более внимательном рассмотрении это оказалось совсем не так. Одежда Сашки была грязной и изорванной, на открытых участках тела виднелось множество ссадин и синяков. А на лице рисовалась невероятная усталость.

И все же он улыбался, глядя на Женю.

– Откуда ты вывалилась? – спросил он, порывисто обнимая ее.

– Ты не поверишь... – она крепко обняла в ответ.

Саня отстранился и вздохнул.

– В этом месте уже всему поверишь, – он посмотрел на нее долгим взглядом, от которого Женя почему-то смутилась, и отошел в сторону.

– Я была у Нутра...

Она пустилась в долгий рассказ о том, что произошло с ней за последние дни. В какой-то момент, устав стоять, Женя осторожно опустилась на траву, расправив пошире свое платье. Трава была холодной и сырой, но зато мягкой.

Сашка слушал внимательно и лишь периодически вздыхал. Украдкой они разглядывали друг друга, отмечая каждую новую царапину.

– А где Заячья Маска? – спросила Женя после завершения своего рассказа.

Друг помрачнел.

– Мы были в каком-то странном месте. Там река текла то у нас над головой, то прямо под ногами. Потом мы встретили какого-то противного слепого пацана... и этот, в маске взбежился. Нам с пацаном пришлось сбежать.

– Хочешь сказать, что Заячья Маска принял истинное обличье?

– Да! – Сашка потрянул головой. – Вроде бы это так и называли.

– И... на что был похож? – от волнения у Жени даже губы пересохли. С недавних пор ей очень было интересно какой же он на самом деле.

– Что-то огромное, жуткое. Одновременно похоже и на волка, и на какое-то странное месиво.

– И как вам со Слепцом удалось сбежать от него?

– Когда он начал обращаться, то сам крикнул нам, чтобы мы проваливали оттуда. И... в общем-то и все. Когда мы сбежали, возле него появилась какая-то тварь в меховом плаще. Я так понимаю, это и был ваш Хозяин Леса, который чуть тебя не убил возле Нутра,— по сконфуженному лицу Сашки Женя догадалась насколько странными ему кажутся собственные слова.

Женя еще какое-то время посидела, молча обдумывая услышанное. Лесоцарь сейчас занят, а Нутро оказалось не таким грозным противником, как она ожидала. Сейчас идеальная возможность выбраться отсюда, но....

– Я не знаю, где нам найти дорогу домой,— тихонько призналась она.— Я даже из Долины выбраться не смогла.

– Здесь должен быть какой-нибудь волшебный путь, тропинка, вроде той, по которой мы шли с Заячьей Маской,— Сашка всплеснул руками.

– Нужно еще понимать, как туда попасть,— вздохнула Женя.— В Туманную Долину, как ты видел, путь не был очевидным.

– И что теперь, оставаться здесь и ждать конца?— вспыхнул он.— Неужели ты не хочешь вернуться домой?

– Хочу.

– Может, нам тогда подумать о чем-нибудь хорошем?

Здесь вроде все так и работает.

Женя криво улыбнулась.

– У меня уже хороших мыслей не осталось. Да и тошно постоянно гонять одно и то же в голове.

Сашка хмыкнул и больше ничего говорить не стал.

Женя почему-то вдруг вспомнила о Сердечнице, которая их сопровождала до острова и которая теперь осталась там совсем одна. Что она будет делать дальше: останется на месте или пойдет бродить по Долине в поисках дороги домой? Мысли о бывшей подруге подобно жвачке слепили ее мозги, и девушка не обратила внимания на то, что атмосфера вокруг стала меняться.

– Что-то происходит!– Сашка первым дернул ее плечо, вскакивая на ноги.

Воздух потяжелел и пахнуло на краткий миг гарью, как весной, когда начинается пал травы.

Женя тоже поднялась на ноги и крепко сжала Сашкину руку.

– Это Лесоцарь,– проговорила она.– Ему даже искать нас не нужно. Здесь все принадлежит ему.

Открылась темная воронка портала. Однако первой из нее показалась не огромная фигура в меховом плаще, а высокий худой молодой человек. Одежда его была грязной и изорванной – совсем как у Саши с Женей. Лицо прикрыла треснувшая в нескольких местах маска зайца. Одно ухо от нее отвалилось и теперь некрасивые ошметки торчали наружу.

– Здравствуй, Женя,– у нее дрогнуло сердце при звуках этого надломленного голоса.

– Его что, пришлось избить, чтобы вывести из того состояния?– шепнул Сашка.

Женя покачала головой, продолжая всматриваться в черный зев портала. И вот величавой походной из него показался Владыка Леса. Его фигура была угрожающей, наверху рябинового посоха сочилось алым светом.

– Предательница и чужак,– пророкотал он,– наконец вы оказались вместе и можете принять свое наказание.

– За что нас наказывать?– возмутился Сашка.– Просто отпустите нас домой и дело с концом. Считайте изгнание нашим наказанием.

– Ты даже рот свой открывать не имеешь права в моем Лесу, чужак!– Лесоцарь замахнулся своим посохом, будто бы намереваясь ударить его, но тут же опустил обратно на землю.– Вы должны послужить на пользу Леса, раз явились на его территорию,– продолжал он,– и даже стали его частью. Ваша энергия послужит на благо Леса, напитает жизненной силой его соки. И ваше наказание будет исполнено прямо сейчас.

Затем он подтолкнул вперед Заячью Маску. Тот держал руки в карманах и ни разу не шелохнулся после своего появления из портала. Его серые глаза сверкали из-под маски.

– Искупи и ты свою вину перед Лесом, мой Посланник!

А Посланник по-прежнему не шевелился. Все вокруг за-

стыло в абсолютной неподвижности на несколько бесконечно долгих десятков секунд. Теперь можно было четко различить, что в Туманной Долине действительно не слышно ни единого присущего нормальной природе звука. Только нечеткие деревья, беззвучно раскачивающиеся на сильном ветру.

А затем грянуло.

Заячья Маска лишь едва заметно двинул плечом, и остатки его прикрытия раскололись на куски. И Женя увидела его истинное обличье. Это действительно было похоже на аморфную шевелящуюся массу, в которой угадывались очертания жуткой волчьей морды. Что-то рычало, клекотало, шелкало и завывало.

И оно двинулось прямо на Сашу и Женю!

Лесоцарь возликовал. Его глаза зажглись яркими жёлтыми огнями. Женя до боли сжала Сашкину руку и подалась назад в надежде, что это спасёт их. Тщетно. Заячья Маска двигался слишком быстро и в миг преодолел расстояние, что разделяло их. Ещё один миг и тварь поглотила их в свои клочущие недра.

Женя в панике закричала.

Пребывание в этом существе – в его пасти, брюхе – походило на купание в куче песка. Что-то проникало под одежду и беспощадно кололо кожу. Стало невозможно дышать и двигаться. Тело точно застыло в густой кондитерской патоке.

– Отдай их силу Лесу! – голос Хозяина Леса звучал очень

глухо, как из-под толщи воды.

Заячья маска медлил, а Саша и Женя готовились умереть, находясь внутри него и не имея возможности вымолвить хоть слово.

– Хватит с меня тирании Леса, – внезапно промолвил Заячья Маска. Жене показалось, что его голос звучит прямо в её голове.

Она не слышала реакции Лесоцаря, но ощутила, как Заячья Маска куда-то двинулся.

– Ребята, потерпите немного, – послышался его голос.

По вполне очевидным причинам Женя не смогла ему ничего ответить. Она даже не могла обозначить как-нибудь для самой себя положение, в котором сейчас находилась. Но теперь у них был хотя бы союзник. Причем очень хороший. Кто знает, быть может, именно с его помощью им удастся выбраться из этого жуткого места.

Внутри Заячьей Маски словно плотину прорвало. Он осознал, что ему жутко надоело подчиняться Лесу, делить свою душу надвое, выворачивать ее наружу, служить преданно и молча, как забитая собака. Убить этих двоих подростков, чтобы заслужить одобрение Лесоцаря? Нет! Эти двое не заслуживают такой участи.

Признаться честно, его успел тронуть этот мальчишка, Саша. Его глупая отвага, преданность и любовь к подруге навевали воспоминания о собственной юности, когда весь

огромный мир сжимался и ложился к твоим ногам, буквально протяни руку – и вот он, весь твой. Подростки часто и не осознают, как они прекрасны в своей безрассудной дерзости и смелости побороть весь мир в одиночку.

На территории Туманной Долины Заячья Маска не мог противостоять Лесоцарю, но и тот не мог сильно навредить ему. Туманная Долина – это сакральное место, где правит всем энергия Леса и само Нутро. Никто не может подчинить себе это место.

Податься в Лес, где живут люди, он тоже не мог – это исконная территория Владыки, там его сила достигает максимально расцвета.

И куда бежать?

Остается тогда спуститься на самое дно, погрязнуть в самой темной части Леса. Это шаг отчаянный и никогда бы раньше Заячья Маска не решился на это. Он знает, как сильно его ненавидят *там*.

– Еще немного осталось, ребята, – обратился Заячья Маска к запертым внутри него Саше и Жене.

Его истинное обличье, этот огромный и страшный зверь умел бегать очень быстро. Единым порывом он преодолевал расстояние равное десяти обычным шагам. Но и Лесоцарь летел вперед очень быстро. Он использовал то мелкие порталы, то собственные ноги, и буквально наступал Заячьей Маске на пятки.

Озеро, на острове которого проводились ключевые меро-

приятия Леса, было очень близко. И именно оно было конечной целью беглеца. Если он сможет добраться туда, то на этом этапе они уже спасены.

– Предатель!– вопило это существо.– Ты навсегда останешься в Лесу! Твоя душа будет служить мне!

« Я достаточно отдал Лесу»,– подумал Заячья Маска.

И вот он, наконец, берег озера. Осталась буквально пара рывков, забежать в воду, нырнуть и...

Что-то быстро двигалось под водой, ловко рассекая ее гладь. Крупная рыбина, огромная, с большими белыми плавниками. Нет, это не рыба.

На берег из воды вышла Сердечница.

Заячья Маска остановился. Никогда прежде она не бывала здесь вне лесных праздников.

– Здравствуй, Посланник,– ее сочные губы разомкнулись, изливая тяжелую презрительную интонацию.

– Что ты здесь делаешь?– прогрохотал Заячья Маска.

– Владыка пригласил меня.

Его сердце умерло.

– Ты пытаешься помочь сбежать чужакам?– Сердечница скривилась.

– Эти двое хотят вернуться домой. Мы не можем удерживать их насильно, это противоречит сути Леса,– возопил он.– Это обман. Серде... Лиза, прошу...

В глазах Сердечницы ничего не изменилось.

– Они должны отдать свои души Лесу!– рядом с Заячьей

Маской вырос Лесоцарь.

Он поднял вверх свой посох, готовый сотворить заклинание.

– У тебя есть выбор, Заячья Маска, – грохотал он и, вторя ему, загрохотала местность вокруг. Воды озера заволновались, а небо покрылось густыми облаками. Ветер, и без того сильный, усилился и похолодел. – Ты можешь пытаться спасти их и погибнуть вместе с ними. Можешь отдать их мне сейчас же и принять свое наказание. А можешь убить их сам, и тогда я не только оставлю тебя своим Посланником, но и отдам тебе *ее!*

Заячья Маска взглянул на Сердечницу. Она молча стояла на берегу, вода капала с ее платья, волос, заливала лицо, и она даже не пыталась вытереть его. Только глаза с фанатичной преданностью взирали на Лесоцаря.

– Это уже не моя жена, – прошептал жуткий рот Заячьей Маски.

И вся его масса устремилась в воды озера.

Когда Заячья Маска прыгнул в воду, Женя почувствовала как задыхается. Ледяная вода тёмного озера дала ей под дых, и девушка не сразу вспомнила как дышать. Лишь когда воздуха стало смертельно мало, она вдохнула и успокоила себя мыслью, что не она находится в воде, а то странное существо, кем стал Заячья Маска.

Он же плыл вперёд, ловко и слишком быстро. Женя по-

прежнему не понимала, куда подевался Сашка. Возможно, он тоже был в странном туманном коконе, как и она, а, возможно, Заячья Маска не счёл нужным его забирать.

А потом грянула волна свежего воздуха, и Женя снова захлебнулась, только на этот раз им, таким прекрасным и свежим. До неё донёлся слабый запах затхлой сырости.

– Сейчас я выпущу вас, – сквозь толщу забвения донёлся до неё голос.

Красный туман вокруг начал бледнеть. Он опускался вниз, и Женя чувствовала его скользкие прикосновения. Глаза, до этого будто заклеенные детским пластилином, наткнулись на тьму.

Рядом послышался тяжелый вдох Сашки и какое-то его бормотание. Заячьей Маски слышно не было.

Новая местность оказалась еще страннее предыдущих. Это была обширная пустошь, накрытая сверху серо-зеленым колпаком небес. Почва здесь была жесткая, хрустящая, с редкой жесткой растительностью – нечто сродни Прикаспийским солончакам. Вдалеке, на горизонте виднелись неясные очертания каменных валунов, сваленных друг на друга. С содроганием сердца Женя поняла, что их очертания полностью повторяют камни на озере в Туманной Долине.

Она огляделась в поисках своих спутников. Сашка оказался совсем рядом, он согнулся пополам и старался отдышаться. Чуть позади них был Заячья Маска. Он уже спрятал своего жуткого монстра и теперь выглядел как человек. Сей-

час он тер ладонями свое лицо. Маски не было видно. Похоже она так и осталась, разбитая, на берегу озера.

– Зачем ты это сделал?– спросила Женя.

– Неважно.

– Но ведь теперь тебе...

– Могу вернуть вас назад, если хочешь,– Заячья Маска опустил руки вниз.

На нее смотрело обычное лицо молодого человека лет двадцати пяти. Русые волосы с грязноватым серым оттенком, умные глаза серого цвета, слегка тяжеловатые надбровные дуги с густыми коричневыми бровями и тонкие губы. Зацепившись где-нибудь в толпе взглядом за это лицо, вмиг его забудешь, как только отвернешься.

– Не нужно,– качнула головой Женя.– Спасибо тебе.

– Это место,– предвосхищая любые вопросы, начал Заячья Маска,– оно находится под Лесом.

– Там же, где мы встретили слепого пацана?– поинтересовался Сашка.

– Нет, это действительно самое дно Леса...

– Здесь оказывается все самое темное,– догадалась Женя.– Все то, что вы не используете в Хрустальных цветах.

Посланник кивнул и снова прикоснулся к своему лицу. Отсутствие маски явно доставляло ему дискомфорт.

– А еще здесь находятся те, кого изгнали из Леса.

– Изгнали?– Сашка присвистнул.

– Ты не первый чужак, кто забрел в Лес. А ты, Женя, не

первая, кто усомнился в его чудесных свойствах. Владыка тщательно следит за своими владениями.

– А что же сейчас пошло не так?– спросила она.– Или мы в конце концов все равно будем пойманы и надежды никакой нет?

– Я не могу тебе ничего обещать. Но в этот раз с вами я, а я знаю многое о Лесе.

– Или ты нас обманываешь и на самом деле тайно исполняешь волю своего Владыки?– Сашка скрестил руки на груди.

Заячья Маска пожевал губами, раздумывая над ответом. А потом отвел взгляд в сторону.

– Я не хочу быть больше частью Леса,– глухо проговорил он.– Мне здесь нет места.

Женя догадывалась, о чем он говорил. Она видела в неприкрытых глазах этого человека тоску и усталость. Это были глаза очень старого человека. Кто знает, сколько времени он провел в служении Лесу...

– Ладно,– Заячья Маска вздохнул.– Сейчас я предлагаю вот что: нам необходимо отыскать Изгоев. Многие из них были близки к тому, чтобы покинуть Лес навсегда, кому-то это даже удалось, но они были пойманы в своих снах. Они должны знать путь отсюда.

– Если они знают путь, то почему до сих пор не выбрались?

– Потому что их поместили в эту тюрьму,– Посланник об-

вел рукой местность вокруг.— Они не знают выхода отсюда, а я — знаю, потому что лично провожал многих из них к месту заточения.

Женя внутренне содрогнулась. Их встреча с изгнанниками Леса точно не пройдет без помех. Никто не будет рад видеть причину своего заточения. Плотнo сжатые губы Заячьей Маски говорили том, что в его голове выются точно такие же мысли.

— А это чудище может за нами сюда пойти?— с опаской спросил Сашка, озираясь по сторонам.

— Не знаю. У него здесь нет того могущество, что позволяло ему раньше давить нас, как мух. К тому же Изгой будут рады поквитаться за свою судьбу.

— Может, он будет ждать нас там, снаружи?— сказала девушка.— Он же знает, что ты можешь вывести нас отсюда. А подкараулить под дверью — это самое простое.

— Лесоцарь любит свое величие,— Заячья Маска покачал головой,— а хватать из-за угла — слишком вульгарно и подло.

Послышался непонятный звук со стороны Сашки, а затем сам он встал совсем рядом с Женей. Она почувствовала запах его грязи и пота.

— Да какая разница уже,— с досадой молодой человек махнул рукой.— Если так дальше будем рассуждать, то в итоге выяснится, что нам проще прямо сейчас лечь на землю и ждать смерти. Давайте попробуем хоть что-нибудь сделать.

Заячья Маска кивнул. В его глазах плескалась благодар-

НОСТЬ.

– Тогда сейчас мы пойдем вперед. В этом месте нет смены суток, и небо всегда такое темное, так что внимательнее смотрите под ноги и, самое главное, обходите стороной любые крупные камни, не прикасайтесь к ним и вообще старайтесь даже не смотреть на них. Хорошо?

– Хорошо.

– Вперед.

Заячья Маска пошел первым, а Саша и Женя клинышком пристроились за его спиной. Путь их пролегал в стороне от нагромождений больших камней-близнецов тех, с поверхности, оставляя их темные громады за левым плечом. Дорога была мягкая и ровная, а темное облачное небо периодически вспыхивало над головой мистическими оттенками голубого и фиолетового.

– Заячья Маска... – спустя время позвала Женя.

– Алексей, – неожиданно жестким голосом поправил он ее. – Зови меня так, пожалуйста. Хватит с меня кличек.

– Ээ... хорошо. Алексей, а что не так с камнями? – девушка решила, что пришло время задать так давно мучившие ее вопросы. – Я заметила, что многое в Лесу вращается вокруг камней. Когда я впервые увидела сон про лес, когда ты встретил меня на Переходном болоте... там был огромный валун. Потом ты показал мне Иллюзорные луга, которые сплошь усыпаны мелкими булыжниками. Когда же я решила поселиться в Лесу, мне дали дом в толще горы, и там же я

встречалась с Лесоцарем. И даже лесные праздники проходят на острове, где стоят каменные идолы!

– Камень – твердая порода, и многое может перенести. А еще он многое может сохранить в первозданном виде.

– Что?– не поняла Женя.

– Камни в Лесу – это вехи, которые держат его в порядке. Они стабилизируют энергию Леса. Именно поэтому все лесные праздники проводятся у камней. Когда лесные жители радуются и веселятся, они отдают свои жизненные силы в первую очередь камням, и только потом – Хозяину Леса.

– А если попробовать как-то разрушить эти камни?– подал голос Сашка.– Может, так мы сможем выбраться из этого места?

– Не стоит даже прикасаться к камням,– Алексей метнул на него грозный взгляд из-за плеча.– На их защиту Лес бросит все свои силы.

Сашка протяжно выдохнул. Женя осторожно тронула его за плечо и ободряюще улыбнулась одними уголками губ. Ей было хорошо известно, в какой ступор вгоняет незнающего человека Лес. Здесь свои законы и правила, необъяснимые, перекрывающие друг друга и сжимающие тебя в тиски. Чтобы вынести все это, нужно немало сил. А ее друг вдобавок ко всему всегда прочно стоял на ногах. Даже фэнтезийных книжек не читал.

– А кто вообще в этом Лесу главный?– Сашка неуверенно и немного смущенно взял Женю за руку. Она не стала одер-

гивать ладонь.— Ты всегда говоришь просто про Лес, как будто он сам по себе чем-то распоряжается. При этом за нами гоняется какой-то Лесоцарь, который вроде как тоже главный. И тут же еще Женька рассказала про Нутро.

—Ты можешь считать Лес живой и огромной сущностью. У него есть своя воля и потребности, которые он почти целиком удовлетворяет за счет лесных жителей. Но он не может самостоятельно заманивать их к себе. Для этого ему необходим Лесоцарь. Лес дал ему могущество, силу, а взамен потребовал исполнения своих прихотей. Однако Лес настолько огромен, что даже с помощью Лесоцаря не может держать себя в порядке. Для этого он придумал множество хитростей, вроде камней.

— А что тогда Нутро?— это уже спросила Женья.

— А Нутро — это выдумка Владыки. Он обратился к Лесу, и вместе они создали существо, которое нашептывает лесным жителям их сны, раззадоривает их, чтобы они отдавали больше своих сил Лесу.

Женья припомнила, как в темном уголке Леса рядом с огромной желеобразной массой, видела сны о матери. Выходит, что это не она сама вспомнила о родном человеке, что остался совсем один, а какое-то Нутро навеяло ей эти мысли?

— Это ужасно,— пробормотала девушка.

— Так ты ничего не знала?— Сашка услышал ее бормотание.

– Нет. Он говорил мне, что Лес – это место, где я могу скрыться от своих проблем. Что я могу быть здесь просто счастливой.

– Ты и была бы счастлива, – сказал Алексей, – если бы не пошла против Леса. Лишь по чистой случайности твой друг попал сюда, а ты увидела истинную суть Леса. Не произойди это, ты была счастлива в своих иллюзиях, как и все остальные.

– Что-то ты не особо счастлив, – огрызнулась Женя. – Идешь вместе с нами, добровольно сбежав от своего счастья. А что тебе помешало жить дальше в Лесу?

Он оставил этот вопрос без ответа. А ей вдруг очень захотелось кольнуть его как-нибудь еще. Сказать что-нибудь обидное, наступить на большую мозоль. Разозлить.

– Я до сих пор не понимаю, как смог попасть сюда, – неожиданно сказал Сашка. – Я шел по лесу за городом, не было ничего особого, а потом внезапно оказался здесь, где меня нашла Женя. Как-то все очень странно произошло. Очень быстро и очень вовремя.

– Действительно, очень странно, – после небольшой паузы произнес Алексей. – В Лес очень редко попадают чужаки. Возможно, он почуял в тебе что-то, что его привлекло. Быть может, ты потенциальный лесной житель и мог бы многое дать Лесу, и он решил поглотить тебя. А Женя... просто случайно оказалась рядом.

– А может Лес на самом деле не так хорошо защищен, –

фыркнула Женя.— Саня не первый чужак здесь. В этом месте, судя по твоим словам, мы много таких встретим. И неужели все такие особенные? Скорее всего, Лес просто плохо защищен.

— Либо у Леса на все своя воля.

— Хм, возможно. Но тогда мы уже обречены.

Женя тряхнула головой и стала смотреть по сторонам. Ей больше не хотелось продолжать этот разговор, ей не нравилось, что каждое слово Заячьей Маски вселяло в ней все больше уверенности в своей незначительности. Очень неприятно осознавать себя мошкой в паутине огромного паука.

Большие каменные идолы остались позади. Жесткая солончаковая земля с редкими жесткими кустарничками сменялась мягкой лесной травой, а вокруг стали появляться темные искривленные деревья. Редкие и чахлые, они сбивались кучками, жались друг к другу, пока не рожали густую черную чащу. На первый взгляд она казалась непроходимой. Однако где-то там, между деревьями, мелькали слабые отсветы огоньков. Это были не магические, искусственные огни, коих так много в Лесу, а обычные отсветы костров, вокруг которых сидели люди.

Глава девятая

Чужие и чуждые

В воскресенье они с матерью не работали. Женя весь день провела дома. Не хотелось выходить на улицу и как-то случайно попасться на глаза знакомым. Она понимала, что Катя разнесла новость о Жениной работе, едва выйдя из магазина.

Вряд ли кто-то будет в открытую над ней насмехаться, но, несомненно, последует тысяча вопросов в стиле: «А что такое случилось? Зачем ты там работаешь?»

И посему Женя просто отключила телефон, достала с книжной полки своего любимого Бредбери, который вселял какую-то неведомую радость и жажду жизни, и уплыла в мир фантазий, увлекаемая этой радужной теплой рекой слов.

В понедельник утром матери снова нужно было идти на гемодиализ, а Жене – в школу. И сбежать бы не получилось, потому что мать твердо вознамерилась проводить ее и только потом отправиться в больницу. В последние дни она вела себя странно. Как-то преувеличенно заботливо. Будто пыталась загладить вину отца собственной гиперопекой. Даже начала вставать пораньше и готовить теплый завтрак, чтобы Женя не ела бутерброды. Женя от такого чувствовала себя крайне неловко и оттого еще больше

раздражалась на глупую мать.

Вот и утро понедельника началось с молочной рисовой каши. Рис был дешевый и слипся комками.

– Приятного аппетита, – мать слабо улыбнулась и взялась за мытье посуды.

Женя заглотила кашу, даже не чувствуя ее вкуса.

А после мать действительно проводила ее до самых школьных ворот, по пути то и дело спрашивая, чувствует ли она себя нормально и не болит ли голова. Женя в ответ молчала и понуро смотрела перед собой.

У школьных ворот они с матерью попрощались. Здесь Женя внезапно вспомнила про поджидавшего ее отца. Она так и не сказала об этом матери. Да и он больше не объявлялся, благо Женя очень удачно получила сотрясение мозга и лежала дома две недели. Возможно, он приехал всего один раз, никого не встретил и решил больше не пытаться. Ведь даже не звонил ни разу. И не писал.

Народу в школе как всегда было много. То тут, то там попадались Женины одноклассники. Некоторые из них были вчера с Катей в магазине. Но, что странно, никто не сказал ей ни слова, не посмотрел косо в ее сторону. Все лишь кивали или махали рукой издали.

Начался первый урок. Катя сидела за последней партой, пару раз обернулась в ее сторону и ехидно ухмыльнулась. Женя изо всех сил делала вид, что не замечает ее, хоть к щекам и подступал предательский жар.

Саня из-за второй парты тоже периодически косился на нее. Но в этом взгляде было больше сожаления и беспокойства. Женя даже не знала, который из взглядов – Сашин или Катин – доставляет ей больше дискомфорта.

Так длилось три урока, перемены между которыми она пережидала в кабинке женского туалета.

И вот на четвертом уроке грянуло.

«Прикиньте, Соколова работает в киоске для алкашей у автовокзала», – прилетело сообщение от Кати в общий чат.

Класс сразу зашушукался и стал оборачиваться в ее сторону. Осматривать оценивающе, цепко. Сама же Катя ей задорно подмигнула. А Сашка нахмурился. Раздался краткий смешок Светы.

«А кем она там работает?»

«Алкашку продает? Или может что еще предлагает?»

«По-любому устроилась, чтобы подешевле продавать своим дружкам-алкашам».

Посыпался целый град сообщений в подобном духе. Женя сидела спокойно, с каменным лицом и смотрела на доску, где физичка решала какую-то задачу.

А чат тем временем продолжал бушевать. Кто-то встал на ее защиту.

«А что такого? Работает да работает человек. Прицепились, блин», – это написала Даша, тихая ударница, которая перевелась к ним из другой школы. Она обычно молчала и говорила лишь по делу.

«Вот именно. Отвалите уже от нее», – это уже сообщение Сани.

Послышался смешок Кати, от которого у Жени внутри все похолодело. Как в замедленной съемке она наблюдала, как та тонкими пальцами с красивым длинным маникюром розово-голубого цвета набирает сообщение.

«Так а вы вспомните, как она бахвалилась, что ее ни дня не будет в этой грязи. Мол, она сразу после выпуска уедет в облцентр или даже дальше! Тут явно что-то случилось, раз наша толстозадая принцесса пошла работать в алкашку».

И тут последовал решающий удар, самый жестокий.

Света очень быстро набрала какое-то сообщение, подмигнув Катьке, и оно вызвало настоящий фурор.

«А вы не знали разве? Они с мамашей теперь нищие. Ее папаша бросил семью. Раньше-то она и выкаблучивалась, потому что он неплохо зарабатывал и мог обеспечить ей учебу, как она хотела. Он свалил к моей старшей сеструхе. Она быстро его окрутила, подоит и выкинет. А он полетел как миленький, сразу забыл свою женеушку, что целыми днями на диване лежит и стонет как ей плохо».

Женя вскочила, едва дочитав это сообщение. Не слыша ничего вокруг, она бросилась на Свету и начала молотить ее что было сил везде, куда дотягивалась. Схватила за волосы, приложила лбом об парту, а затем заехала кулаком в нос. Девочка плакала и даже не отбивалась, настолько сильно потерялась из-за резкой боли. А люди вокруг кричали. Хва-

тали Женю и старались оттащить ее. Удалось это только трем парням, которые одновременно уцепились за нее и дернули. В руках у Жени остался клоч Светкиных волос.

– Чтоб ты сдохла, сука! – рявкнула она и плюнула в окровавленное лицо Светы.

Та заилась еще более громким плачем. Попыталась притронуться пальцами с переломанными ногтями к носу, но быстро отдернула руки и зарыдала еще сильнее. Кровь с лица, смешанная со слюной и слезами, капала на юбку и блузку.

Учитель что-то кричал и встряхивал Женю. А она уже ни о чем не думала. В голове возник образ Заячьей Маски, что появился перед ней в мягком сером свете и повел через мостки над болотом в новые неизведанные края чудесного леса. Послышался даже сладковатый запах сырой старой древесины.

Пришла в себя она лишь тогда, когда ее швырнули на мягкий стул в кабинете директора. Лес отступил, да и в нос ударил удушливо тяжелый восточный аромат духов директрисы. Физичка стояла рядом с ней.

В дверях появилась запыхавшаяся завуч.

– Скорая уже едет, – сообщила она. – Девочка в медпункте, медсестра обрабатывает ее.

Директриса величаво ей кивнула и перевела взгляд на Женю.

– А теперь объясни нам, что случилось, – внимательный, цепкий взгляд из-под красных очков.

Женя скрестила руки на груди.

– Она сама виновата.

– У Светланы разбит лоб, сломан нос, – вмешалась учитель физики. – Наверняка, есть сотрясение и другие повреждения. Ты накинулась на нее как дикий зверь прямо посреди урока. Этому должно быть разумное объяснение.

– Пойми, ты попала в серьезные неприятности. На тебя наверняка напишут заявление в полицию, – мягко утешала директриса.

– Она виновата сама, – Женя достала из кармана телефон, открыла классный чат, который уже пестрел обсуждениями произошедшего, и выложила на стол. – Почитайте сами.

Директриса взяла в руки телефон, физичка и завуч встали по бокам. Все трое погрузились в чтение, время от времени покачивая головами. Женя смотрела сквозь окно на унылые березы. По щекам катились слезы.

– Так дело в твоём отце, детка? – завуч сочувственно сложила руки на груди. Всем было известно, что она не так давно сама пережила развод.

Директриса же слегка побледнела. Она кинула взгляд на завуча и вернула телефон Жене.

– Евгения, – начала она. – Мы позвонили обоим твоим родителям. Скоро они будут в школе. Как и родители Светланы. И... полиция. Отложим разговор до тех пор, пока все не соберутся.

Она выглядела немного сконфуженной. Наверняка, если бы знала про отца, то не стала бы звонить ему.

– Сейчас нам с учителями нужно кое-что обсудить. Можешь посидеть в приемной, либо сходить в столовую. Поешь, тебе понадобится много сил. И запомни, – она поправила очки. – С одноклассниками не разговаривай и ни шагу из школы. Запомнила?

– Да, – Женя хмыкнула и встала.

Она быстро покинула кабинет директора и направилась в столовую.

Коридоры школы были непривычно пусты. Здесь всегда царило необыкновенное оживление. Полные детей коридоры, которые смеются, шутят, молчат, разговаривают, ругаются – одним словом, спешат жить. В школе всегда есть какая-то странная энергетика бурной, бьющей ключом жизни. И Жене это всегда нравилось.

Но все быстро померкло, сузилось до старых потресканных плиточек на полу, до облупленной на стенах голубой краски, до противных грязных тюлей на окнах, которые никак не могут заменить на жалюзи.

Женя тихонько добрела до столовой, никем не замеченная. А даже если бы ее кто и заметил и попытался бы что-нибудь сказать, ей было абсолютно наплевать. В какой-то момент ей даже хотелось дойти до медпункта и снова плюнуть Светке в лицо. Из-за нее ее матери придется повстречаться с отцом.

В столовой было тихо. Обед прошел после третьего урока и поварахи расслабились. Грохотали где-то за стенкой посудой и разговаривали, временами взрываясь громким смехом. Только буфетчица сидела у своего почти опустошенного прилавка и уныло листала ленту соцсетей в телефоне. Женя скептически посмотрела на пару мятых пирожков, развалившийся бутерброд и полусухие пирожные. Нащупала в кармане банковскую карту.

– Мне, пожалуйста, пирожок с картошкой и черный чай.

Буфетчица, цокнув языком, не спеша поднялась – эдакая гора – и обслужила ее с недовольным видом.

Пирожок, несмотря на свой потасканный жизнью вид, оказался вкусным. Женя сначала сделала совсем небольшой укус, а, распробовав, заглотила почти целиком. Тепло и тяжесть от пирожка разлились по ее телу, умиротворяя и убаюкивая. Она прикрыла глаза. Сейчас было бы неплохо позвонить матери, сказать хоть что-нибудь, но телефон у нее забрали, да и слова не лезли в голову совсем.

Движение и воздуха и легкое шуршание подсказало, что напротив нее кто-то сел. Женя уже догадывалась, кого увидит перед собой. И в самом деле, теплые карие глаза смотрели на нее из-под взлохмаченной кудрявой челки.

Она молча ответила на этот взгляд, но быстро отвела глаза, понимая, что должна все же что-то сказать.

– Я ни о чем не жалею, – произнесла Женя.

– Я бы тоже врезал за такие слова, – глаза ни на миг не

блеснули холодом и осуждением. – Не мне тебя судить.

– Ну и зачем ты здесь тогда?

– Просто, – Саня пожал плечами. – Показалось, что тебе может захотеться поговорить с кем-нибудь.

Она промолчала. Саня закинул ногу на ногу и отхлебнул чай из ее стакана. Он знал, что Женю это всегда бесило.

– Ты какая-то слишком потерянная в последнее время, – начал он, но запнулся, по всей видимости поняв, что это прозвучало нелепо. – Вернее, ты как будто не здесь. Раньше ты была больше вовлечена во все вокруг. А сейчас будто... даже не в облаках витаешь постоянно, а как будто просто не здесь находишься. Странно это, может, и ребята поступили так именно по этой причине. Они...

– Они просто придурки, – резко бросила Женя. – Они бы поступили точно также, даже если бы я общалась с ними как прежде. Просто нашли слабого, нашли на ком отыграться. Вот и все.

Саня тряхнул головой.

– Да забей на них. Нахрен они тебе сдались вообще, они никогда не были твоими друзьями.

– Мне кажется, у меня никогда не было друзей, – тихонько вставила Женя, вертя в руках пакетик от пирожка. – Вроде бы и общалась всегда со всеми, а в итоге приходила домой и оставалась одна со своими мыслями. Как-то знаешь... мои родители очень давно начали ссориться друг с другом, вплоть до драк, а мне особо не кому было расска-

затянуть об этом, — Саня кривил губы, но она уже не могла остановиться. — Надоело мне это все. Прямо надоело. Свалить бы подальше от этого всего.

— А куда ты свалишь? — длинные костлявые пальцы нервно заерзали по столу. — Некуда же ведь. Да и не на что.

— Я не говорю о том, что надо валить прямо куда-то конкретно. Может... просто свалить в лес? А там будь что будет. Созрел меня медведь, утону в болоте, а может траванусь химикатами — не все ли равно?

Она оборвалась на полуслове, пораженная мелькнувшей внезапно мыслью.

Где-то в коридоре, ведущем в столовую, раздался стук каблучков.

— Мне запретили разговаривать со всеми, — быстро проговорила Женя.

Саня поднял на нее хмурый взгляд.

— Сделаю вид, что пришел стрелкнуть пирожок, — он поднялся, закинул рюкзак за левое плечо и посмотрел на нее. — Женя, не глупи. Ты не одна... Никогда не была. Слышишь?

Но Женя уже не слышала. Она поднялась навстречу звуку каблучков. Она была готова принять свою судьбу и бороться за нее.

Саня в немом отчаянии схватил ее за плечо. Она вырвала его и метнула яростный взгляд. Бедный парень покачал головой и отвернулся. Похоже, сейчас она потеряла последнего своего друга.

В столовую вошла директриса. У нее была прямая осанка и выправка, которую можно назвать военной. Едва она оказалась в помещении и все оно наполнилось атмосферой строгости и дисциплины. Женя приблизилась к ней, словно заключенный к своему тюремщику.

– Ты поела?

– Да, пирожок.

– Ни с кем не разговаривала?– она метнула взгляд на Сашу, стоящего у буфета и с преувеличенным вниманием разглядывающего один-единственный оставшийся бутерброд.

– Нет.

– Хорошо, пойдем. Там пришли твои родители.

– Оба?– Женя вскинула брови и как-то фаталистически поджала губы.

– Да,– директриса величаво кивнула.– Они пришли вместе. Идем.

Они покинули столовую. Шли медленно. Звук каблучков набатом отдавался в ее голове, строящей мятежные планы. Женя сама себе представилась диким зверем, попавшим в западню охотников, но отчаянно пытающимся вырваться из нее.

И вот они оказались в школьном холле. То было обширное пространство с множеством мягких скамеечек и огромных комнатных цветов, расставленных прямо на полу. Совсем рядом находилась приемная директора, из-за приоткрытой двери которой слышался жалостливый голос матери. А в

холле тем временем стояли двое мужчин в полицейской форме.

Пульс Жени ускорился до отчетливого биения в ушах. Она поняла – вот тот самый момент для того, чтобы решить свою судьбу самостоятельно.

Она резко оттолкнула от себя директрису, отчего та едва не упала и вскрикнула что-то неясное. А затем бросилась прочь из школы, в чем была – без куртки, в сменных легких кедах.

Лесоцарь был в ярости. Этот мальчишка все-таки посмел в открытую послушаться его! Посмел высказать свое «я». Пошел против Леса!

– Я его уничтожу!– возопила злобная тварь в меховом плаще, а затем набросилась на Сердечницу.– Что ты стоишь?!

Девушка склонила голову.

– Я жду ваших приказаний, Владыка.

– Немедленно собирай силы Леса!

– Слушаюсь.

Лесоцарь взмахнул посохом, девушка исчезла в клубах дыма.

Воды озера сверкали перед ним. Безмятежная гладь отражала солнечные лучи. Хорошая, тихая картина. И она раздражала все сильнее.

Хозяин Леса одним движением обернул озеро в черную

склизкую лужу и прохрипел, глядя в нее:

– Давно пора уничтожить это гнездо.

Заячья Маска, который теперь предпочитал зваться именем, что дала ему мать при рождении, не ожидал от встречи с Изгоями ничего хорошего. Они ненавидели Леса, и еще больше ненавидели его – преданного пса Леса. В какой-то миг он даже подумывал о том, чтобы отправить этих двух подростков в одиночку встретиться с ними, а самому спрятаться где-нибудь в темноте деревьев. Но это было бы слишком малодушно. Он и сам страстно желал выбраться из Леса, да и двое чужаков могут и не понять туманных намеков или загадочных свойств Леса, которыми можно воспользоваться для побега.

Огни впереди придвигались все ближе, вместе с нелегким разговором. Хозяева этого места их уже заметили: в темноте Алексей увидел несколько стремительно промелькнувших силуэтов. Они оторвались от костров и растворились во тьме.

Саша и Женя подошли к нему поближе.

– Жуть... – прошептал кто-то из них. – Может, они решат, что мы тоже Изгой, и не станут трогать нас?

– Мы не выглядим, как Изгой, – отрезал Алексей. – И они знают, как я выгляжу без маски.

В темноте леса снова что-то двинулось. Вздохнуло.

– Эй! – воскликнула вдруг Женя. – Мы такие же как вы!

Нам нужна помощь.

Алексей зло выдохнул и дернул ее за руку. Он не хотел, чтобы эти двое ненужными, глупыми словами испортили весь его план. Ведь с Изгоями нужно быть осторожными. Это обманутые, обозленные души.

Но было уже поздно. Костры впереди погасли, а после целой вечности непроглядной тьмы зажглись вновь. Прямо у них под ногами. Огонь осветил людей, что обступили их плотным кольцом.

На первый взгляд это были обычные люди, неприметная серая масса. Кто-то повыше, кто-то пониже, кто-то одет со вкусом, в броскую элегантную одежду, а кто-то – в обычные джинсы с толстовкой, у кого-то волосы неприбраны, у кого-то на руке заметна татуировка – словом обычная городская толпа. И только одно в этих людях пугало до ужаса – ни у кого не было лица.

Трое пришлых прижались спинами друг к другу. Алексей почувствовал, как вздрогнула Женя.

– Вы не похожи на нас,– произнесла фигура в женском деловом костюме с юбкой.

– И с вами предатель!– воскликнуло нечто в широких джинсах и большой синей толстовке.

– Это же Заячья Маска!

– Пес Лесоцаря!

– Да! Да!

– Он уничтожил нас!

– Лишил будущего!

– Жизнь украл!

Безликие Изгой зашумели, их огромная масса двинулась вперед, к Алексею. Он почувствовал легкий укол паники и внезапно осознал, насколько это похоже на процесс изгнания жителя из Леса. Ведь Владыка точно также ставит предателя перед соседями, а те попирают его сначала словами, а затем ногами и руками до тех пор, пока Лес не пожрет все его мечты и лицо. Пока от человека не останется одна оболочка.

Алексей сжался и склонил голову. Он был готов перенести это унижение, если оно поможет ему больше никогда не видеть лицемерную ложь Леса.

Он сделал шаг вперед, готовый принять наказание...

– Да вы с ума сошли!– раздался крик Жени, и тут же ее рука схватила его за плечо и с неожиданной силой дернула назад.

Саша аккуратно поймал его и ободряющего хлопнул по спине.

– Мы за помощью пришли, а вы готовы разорвать его на куски!– кричала Женя.

Кто-то из безликих фыркнул, а все та же женщина в костюме произнесла:

– Он привел всех нас сюда. Он загонял нас как зайцев на охоте, а затем отдавал на растерзание Лесу. Из-за него мы потеряли свои лица. Он должен перенести большее унижение, чем перенесли мы.

– Он такой же как вы! Он житель Леса, и как и вы пришел сюда в поисках лучшей жизни.

– Девочка,– крикнул низкий пропитой голос грузной фигуры в спортивном костюме,– верной шавкой Леса не может стать кто попало.

Безликие замолчали. Их головы поворачивались друг к другу, будто они переглядывались между собой, решая, кто нанесет следующий удар, кинет следующий камень.

– Лесоцарь был педофилом, прежде чем, Лес нашел его,– произнесла безликая девушка в легком летнем платьице.– Он караулил своих жертв на детских площадках, когда матери имели неосторожность отвернуться. Много лет он промышлял этим, каждый раз меняя место жительства, когда местная полиция и общественность становились слишком обеспокоенными по поводу маньяка в городе.

– У него был хороший послужной список,– добавил пропитой голос.– Много лет в спорте, а затем – работа детским тренером по боксу. Его ученики многого добивались.

– В конце концов полиция вышла на его след,– продолжила девушка в платье.– В то время он скрывался в старом доме своих родителей. Он находился в глухом поселке среди леса. Когда полиция приехала к его порогу, он выскочил в окно и сбежал. Лес с радостью поглотил его и сделал своим слугой.

– А потом и сам Лесоцарь нашел себе слугу – Заячью Маску!– возопил пьяный голос.– Лесоцарь признал его равным себе. Достойным разделить власть над Лесом.

Вперед выступила женщина в деловом костюме.

– Как думаете, что разглядел Лесоцарь в Заячьей Маске?– спросила она.

– Жестокость притягивает жестокость,– зашелестела безликая толпа.

Алексей заметил, как подался от него в сторону Сашка. Глаза молодого человека сделались настороженными, а движения – напряженными. Женя посмотрела ему прямо в лицо широко распахнутыми глазами под удивленным разлетом бровей.

– Расскажи им!– велел деловой женский костюм.

– Я хочу помочь им выбраться из Леса...– негромко сказал он.

– Им нужно знать, что привело тебя в Лес!

– Расскажи!– возопила толпа безликих.

– Пускай они сами решат, хотят ли твоей помощи.

Еще прыгая в озеро... нет, едва только свернув с привычной тропинки своей жизни, Заячья Маска знал, что ему придется вновь вернуться в свое прошлое, расковырять его толстой палкой и вытащить наружу.

– Я...– голос предательски дрогнул, однако после краткой паузы, прозвучал четко как никогда:– Я убил свою мать.

Время застыло. Даже бесстыжие Изгои замолчали, будто их не было вовсе на поляне. А свет костра продолжал освещать лицо Алексея, пока он рассказывал:

– Она мечтала, что я построю научную карьеру, как ее

отец. С детства она не пускала меня на улицу, пока я не расскажу ей очередной выученный урок. Плохой отметкой в дневнике считалось все, кроме пятерки. Если я получал четыре, меня наказывали – вместо одного урока я должен был выучить три, вместо десяти уравнений решить тридцать. Бывало, что она могла взять учебник на два года старше моей программы, открыть наугад главу и велеть изучить ее к следующему дню, да не просто так, а со своими замечаниями – что понравилось, что надо изучить еще, а о чем автор недорассказал. Учеба давалась мне легко, но я ее ненавидел.

Он перевел дух. Воспоминания о детстве жестким частоколом встали вокруг.

– Я мог бы с легкостью поступить в любое учебное заведение нашей страны и в большую часть зарубежных. Но моя мать желала, чтобы я учился в захолустном университете, где всю жизнь провел мой дед. Мои знания и фамилия моего деда, когда-то бывшего деканом, пугали преподавателей. Моя мать была счастлива. Но считала, что я могу достичь большего. Она хотела дожить до того времени, когда я стану ректором этого университета, – он вспомнил это улыбающееся морщинистое лицо под толстыми очками. – На последнем курсе я встретил Лизу – нежную бледную первокурсницу и мою будущую жену. Почти весь год я искал с ней встреч в коридорах, но ее часто не было на парах. Благодаря знакомствам в деканате, я узнал, что она часто бывала на больничных. И вот когда я уже должен был готовиться к вступитель-

ным экзаменам в аспирантуру, я случайно встретил ее в столовой и наконец-то пригласил на свидание.

Алексей усмехнулся. Он до сих пор помнил, как был одета Лиза на их первом свидании. Н дворе был май, светило яркое солнце, а на ней было шерстяное пальто и теплые колготки. Она всегда была жуткой мерзлячкой.

– Моя мать догадалась о наших отношениях только тогда, когда на вступительных экзаменах я получил четверку по одному из предметов. В аспирантуру я попал, но она была в ярости. Узнала про Лизу и требовала прекратить отношения. А я просто развернулся и ушел из дома. Впервые я пошел гулять, не выучив новый урок.

Я поселился в общежитии, нашел свою первую работу и продолжил встречаться с Лизой. Учебу я хотел бросить, но тогда пришлось бы искать какое-то другое жилье. Под Новый Год я сделал предложение Лизе, и мы поженились. Моей матери не было на свадьбе, она даже не позвонила поздравить. После свадьбы мы поселились у ее родителей, она была всегда дома, потому что бросила университет, а я работал и почему-то продолжал учиться. Прошло совсем немного времени, и Лиза попала в больницу.

Он надолго замолчал. Ему не хотелось рассказывать во всех подробностях, что ему тогда пришлось пережить и сколько сделать, чтобы спасти любимого человека. Алексей решил ограничиться лишь несколькими предложениями, чтобы закончить свой рассказ:

– Моя мать появилась снова лишь тогда, когда сердце Лизы остановилось. Врачи позвонили из больницы, говорили что-то про клиническую смерть, кому и что ее сердце не справилось... Когда я бросил трубку, в дверь квартиры позвонили. Там была моя мать. Ее морщинистое лицо под толстыми очками улыбалось. Я... почему-то решил, что ее сердце сможет спасти мою жену.

Он вспомнил, как его тело бросилось на кухню, рука схватила старый нож из раковины. Помнил, удивленное восклицание матери, сменившееся предсмертным хрипом.

Ее сердце было влажным и липким в его руках.

Теперь становилось понятно, почему истинный облик Заячьей Маски столь ужасен – убийца собственной матери не мог выглядеть иначе.

По мере всего рассказа, Женя внимательно следила за лицом Алексея, стараясь разглядеть каждую его эмоцию. Но о матери он говорил так, будто рассказывал о походе в ближайший магазин – отстранённо и равнодушно. Лишь один раз это лицо треснуло. Когда он упомянул о своей умирающей жене и первой встрече с ней.

Жене не было его жалко. Нельзя убивать людей, это ужасно. Она представить не могла, что могло быть в голове у человека, который решился убить собственную мать.

– Ты вырезал её сердце из груди, – жёстко припечатала безликая в строгом костюме. – И принес в больницу.

– Я был не в себе, – качнул головой Алексей всё с тем же выражением лица.

– Оказавшись в Лесу, ты продолжил творить ужасные вещи, – прошептал очередной Изгой. – Ты ходил везде, где вздумается, искал ее и очень злился, когда не мог попасть к Круглому озеру. А когда Лесоцарь предложил тебе встречи с ней в обмен на преданную службу – согласился, даже не дослушав.

– Я пришел в Лес только ради нее! Что мне еще оставалось делать?

– И ты наказывал нас. По приказу Лесоцаря ты отправлялся карать тех, кто провинился. Ты приносил плохие вести и заставлял всех участвовать в лесных мероприятиях. Ты был полицией и армией Леса. Ты ужасен и теперь хочешь помочь очередным детям, что поддались глупым сказкам Леса. Зачем?

Женя переглянулась с Сашей. Она очень ждала ответа на этот вопрос. Заячья Маска всегда казался ей отстраненно-идеальным, холодным и далеким. Как звезда в небе. Ты знаешь, что всегда увидишь ее над своей головой, любишь ее мерцающим светом, а потом сильно удивляешься, когда узнаешь, что это огромный раскаленный газовый шар, что может закончить свою жизнь невероятной мощности взрывом. Да, Алексей был именно такой звездой – сверхновой, что сейчас готовилась взорваться.

– Если вы не верите тому, что я просто хочу им помочь, я

уйду,— звезда пошла на попятную и пригасила свой блеск.— Но тогда вскоре сюда явится Лесоцарь, и вы попадете под горячую руку.

Безликие испугались, некоторые из них даже отступили назад. Их предводительница в деловом костюме начала колебаться — это было заметно по тому, как она начала нервно переступать с одной ноги на другую.

— Что ты будешь делать, если сможешь покинуть Лес?— спросила она.

Заячья Маска лишь на один миг задумался, а затем сказал совсем тихо:

— Вернусь в университет.

Костры погасли. Мир вокруг наполнили шорохи. Мелкой крошкой просыпанного мака они разбегались вокруг, закатывались под ноги внезапными порывами ледяного ветра и влетали в ноздри запахом гнили. Казалось, будто безликие начали исполнять вокруг них стремительный танец, с каждым мигом закручивающийся все быстрее и быстрее.

Испугавшись, Женя слепо зашарила руками вокруг. Кто-то осторожно взялся за ее правое запястье. А на плечо другой руки, легла чья-то теплая ладонь.

— Что они делают?— прошептала она.

— Не знаю,— в голосе Алексея справа слышалось напряжение.

— Они хоровод вокруг нас водят,— неожиданно громко сказал Сашка.

– Стойте смирно. И молчите. *Вам* они не навредят.

– А как же ты?..

– Тихо!

Хоровод вокруг них сжимался. Безликие танцевали молча, даже дыхания их слышно не было, но шорох ног по мягкой лесной почве выдавал их приближение. Теперь Женя чувствовала, как края их одежд задевают ее руки.

– Мы поможем вам, но Заячья Маска должен будет заплатить!– предводительница изгоев заговорила совсем рядом с Женей.

Между тем ее рук касалась уже не только одежда, но и чужие тела. Они были холодными, как весенний лед.

– Я готов.

И безликие резко прижались к трем путникам в крепком, смертельном объятии. Женя поборола свой испуг, но удивление восклицание все-таки вырвалось из ее рта.

Затем она почувствовала теплое солнце на своей коже и услышала детский смех. Тьма схлынула, и девушка удивленно заозиралась по сторонам.

Они оказались в знакомом многим с детства дворе-коробочке с четырех сторон окруженном панельными пятиэтажками. На стенах домов была выцветшая от времени и облупившаяся местами рыжая краска. Разномастные балконы сверкали то новенькими окнами, то развешенным на веревках бельем, отражая свет яркого летнего солнца, зависшего в запыленном небе над серыми шиферными крышами. В цен-

тре двора на расшатанной детской площадке веселилась детвора под надзором матерей и старушек, собравшихся стайками для важного дневного заседания на тему нравственности современного человека.

Изгои рассеялись вокруг. Большая часть из них будто и вовсе потеряли интерес к происходящему – кто-то наблюдал за детьми, кто-то сел на скамейку среди молодых матерей и стал внимательно слушать их разговор, а кто-то и вовсе направился в сторону подъезда и быстро скрылся в нём.

– Вы создали мир для себя? – Алексей оглядывался по сторонам даже активнее, чем Женя.

– Унизительно жить всегда в темном ничто, – безликая в летнем платье развела руками. – А в нас ещё осталась гордость. И стоков Леса для такой простой магии оказалось достаточно.

– Ты всегда тонко чувствовала Лес, Сумеречница.

Стрела попала прямо в цель. Девушка фыркнула, а её платье быстро смешалось с цветами у дома.

– Благодаря ей мы живём не как дикие животные, – деловой женский костюм был тут как тут.

– Но это же просто иллюзия! – Сашка указал на просвет между домами.

Продлив взгляд в этом направлении, Женя обнаружила, что кроме этих четырёх пятиэтажек здесь нет ничего. Между терракотовыми стенами плескалась та же тьма, из которой они вышли недавно. Даже солнце там не светило, точно за-

крытое в чёрной коробке.

– Вы нам всё-таки поможете?– спросил Саша.

– Если вы готовы принять помощь этого убийцы, то да, – предводительница изгоев указала на Алексея.– Хотите ли вы, чтобы рука, испачканная кровью, вывела вас из Леса?

Женя покосилась вбок. После открытия истинны она испытывала отвращение к Алексею. Ни одна жизнь не достойна того, чтобы её оборвали насильно. Особенно – жизнь матери. Тема ссор с матерью была ей хорошо знакома, но Женя даже представить не могла, чтобы она подняла руку на ту, что произвела её на этот свет.

Но домой всё же хотелось. Хотя бы ради того, чтобы еще одна мать была счастлива рядом со своим ребёнком.

– Да, – негромко сказала Женя. – Что угодно, лишь бы вернуться домой.

А вот Саша заметно колебался. Ещё с самого момента признания он держался в стороне от своего спутника.

– Так почему ты все-таки помогаешь нам? – спросил он.

– Я не хочу, чтобы вы стали такими же...

– Как мы!– безликое лицо вскинуло подбородок.

– И... это всё? Чем мы отличаемся от всех остальных?

Алексей сжал губы. Ему очень не нравился этот разговор.

– Ты, приятель, что-то темнишь, – Сашка прищурился. – Ладно, мы все вернёмся домой. А где гарантии, что ты вернёшься к прежней жизни? У тебя не будет ни документов, ни денег, ни жилья. Кому ты там нужен? А вдруг тебе понравив-

лось убивать, а потом ты вдохновился своей жуткой работой в Лесу и оказавшись в реальном мире с обычными людьми, заделаешься маньяком? Я готов принять твою помощь, но я не хочу, чтобы ты оказался снаружи.

Не хотелось признавать, но рассуждения Саши были неожиданно справедливы. Женя готова была признаться, что всё ещё испытывает симпатию к Заячьей Маске, к его молчаливой загадочности и лёгкому флеру меланхоличности. Но ведь этот человек действительно был убийцей. И неизвестно, сколько прошло времени после его преступления. Но что случилось в реальном мире? Его поймали, отправили в тюрьму, а затем он что? Пропал? Умер физическим телом? Но в любом случае он наверняка давно признан без вести пропавшим. Он будет чужим реальному миру, когда вернется. И ему придётся заново учиться жить в мире. А сможет ли это сделать Алексей, прожив много лет в обличии Заячьей Маски?

Женя напряжённо замерла в ожидании его ответа.

Заговорил внезапно безликий полный мужчина в спортивном костюме.

– Он не сможет покинуть Лес, – его голос звучал не без злорадства.

– Почему? – спросил Сашка.

– Он часть Леса, – догадалась Женя чувствуя болезненную пустоту в животе. – Он уже давно сросся с его корнями.

Она посмотрела на своего спутника.

– Может, мы уже перестанем разговаривать обо мне? – Алексей начинал терять терпение. – Они согласны принять мою помощь, помогите теперь и вы.

Безликая в строгом костюме развернулась и медленно зашагала к детской площадке. Дети и женщины не обращали на нее внимания, будто пришельцев для них вообще не существовало. Приглядевшись к их лицам с нечеткими чертами, Женя догадалась, что они – просто симуляция настоящих людей. Похоже Изгоям, создавшим это место, хотелось, чтобы вокруг были хотя бы далекие напоминания настоящих людей. Но эти резкие углы и нечеткие пятна там, где должны быть живые, блестящие глаза, напоминали Туманную Долину с ее угловатыми листьями на деревьях. Отвратительная подделка.

– Все, кого вы сегодня видели, пытались покинуть Лес различными способами,– безликая расположилась на свободной скамейке, чопорно оправив свою юбку.– Но они были одиночками, редкими зернышками, выпавшими из молотилки. И у всех история была похожа.

– Вы переставали видеть смысл в той мечте, что привела вас сюда,– Алексей кивнул. Он продолжал стоять, причем расположился немного в стороне ото всех.– А потом вы не хотели отдавать Лесу дань. Скрывались в своих жилищах и канючили о том, что хотите домой, что соскучились по семье или друзьям, или по оставленной кошке. Вы становились обычными людьми.

– Да, и переставали быть глупыми мечтательными слепцами. Но разве ты не стал таким же, раз хочешь выбраться?– безликая кольнула его в ответ.

– Так и что бывало дальше?– спросила Женя.– Лес не мог вас отпустить, ему нужно что-то пожирать. А вы... становились скудной пищей. Что было дальше?

– Каждый начинал рыскать по Лесу, выходить за пределы своей территории,– сказал Алексей.– Особо отчаянные выпытывали у соседей тайны, в надежде узнать слабые места. А вот она даже пыталась подольститься ко мне.

– И в итоге я оказалась той, что была ближе всех к полному побегу из Леса,– безликая вскинула подбородок.

Только теперь Женя обратила внимание, что она осталась одна. Остальные Изгой разошлись по домам, и их лица мелькали в окнах и на балконах.

– Правда оказалась печальной,– женщина вздохнула.– Мы попали в ловушку собственного разума в тот момент, когда связали себя с Лесом. Обычным жителям не выбраться отсюда. Мы также связаны с корнями, как и Заячья Маска. Но вы двое можете выбраться отсюда. Лес – просто злой разум, это не место. Физически Лес создаем мы сами, когда мечтаем о лучшей жизни. И жители Леса навсегда связываются с этим разумом после ритуала Наречения.

– Но мы с ним не связаны,– заметил Саша.– Значит, мы можем отсюда выбраться?

– Да. Но у злого разума есть страж. Именно он та физиче-

ская преграда на вашем пути к освобождению.

– Лесоцарь?..– выдохнула Женя.

– Мы должны убить его,– Алексей склонил голову.

Ледяные пальцы отчаяния схватили ее и бросили в огненную бездну ужаса. Убить это существо, эту тварь, что кажется всемогущей? Это абсолютно невозможно. Они просто жалкие букашки, что оказались в чужом доме.

– Мы не сможем... ведь так?– прошептала Женя.

– У вас есть я,– заметил Алексей.

– Твоим разумом владеет Лес,– отрезала безликая.– В любой момент он может обернуть твои мысли против тебя же. Ты верный генерал этой страны. Кто знает, может и сейчас Нутро внушило тебе, что ты хочешь сбежать, а в нужный момент ты просто обернешься против нас?

Молодой человек пожал плечами.

– Значит, нужно сначала уничтожить Нутро, а затем убить Лесоцаря.

– Как вы собираетесь это сделать? – Саша покачал головой. Похоже, он совершенно не верил в происходящее.

– Мы не сможем этого сделать,– Алексей обернулся к нему. – Надо мной и над изгоями Нутро имеет власть, как мы уже говорили.

Женя похолодела. Она вспомнила, как отбивалась от Нутра мыслями о матери, о том, как его желеобразная масса мерзко сокращалась в возмущении.

– Это будем должны сделать мы с Саней?– догадалась она.

– Только он один, – поправил ее Алексей. – Нутро уже казалось твоего разума и мы не можем быть уверены в твоём успехе.

Сашка затряс головой.

– Да я же понятия не имею, что делать! Я даже не верю во всё это!

– Я покажу тебе, – сказала Женя. – Это не сложно.

– Тогда вы должны выдвигаться к Нутру прямо сейчас, – безликая в деловом костюме поднялась на ноги.

Тут в окружающей обстановке что-то неуловимо изменилось. Стены домов мигнули, точно помехи на экране телевизора, небо над головой почернело. Задул сильный ветер, несущий с собой крупные частицы пыли. Между домов в небо взметнулся синий целлофановый пакет. При этом дети на площадке все также смеялись, а их матери – вели неторопливые беседы.

Из домов начали выскакивать безликие. Их предводительница встревожено поднялась со скамейки.

– Что происходит? – выпалила Женя.

Ответил Алексей. Он стоял лицом к ветру, внимательно разглядывая стремительно чернеющий горизонт. Ветер раздувал его волосы во все стороны.

– Лесоцарь пришел за нами.

Глава десятая

Рабы Леса

Каждый новый час в этом месте вселял все больше ужаса в Сашку. Он до сих пор не понимал как Лес мог быть одновременно и воображаемым, и настолько реальным и пугающим. Что это вообще такое? Огромная сущность, которая всех сожрала? Какой-то сверхразум, что проникает в мозги людей? Или просто бредовый сон?

И эти безликие... они ужасны. Кто они такие? Самые несчастные из всех несчастных душ здесь?

Но самое главное Сашка для себя уяснил: он может помочь им с Женей выбраться отсюда.

– Заячья Маска! – крик безликой женщины в деловом костюме вывел Сашу из оцепенения. – Уводи этих двоих отсюда. Мы задержим его!

Алексей не шелохнулся.

– Ты хочешь нам помочь?

– Если у вас получится побороть Лес, мы тоже будем свободны. Мы сможем умереть спокойно.

Огромная птица тьмы неслась на пыльных крыльях вперед. Между пятиэтажками, что все чаще шли волнами по-мех, уже угадывались силуэты движущихся в их сторону существ. И не все они походили на людей. Лесные жители были в своих истинных обликах. С остановившимся сердцем

Сашка различил среди этой темной массы очертания огромного паука с женским телом вместо головы. В их первую и единственную пока что встречу Ткачиха напугала его, и молодому человеку очень не хотелось бы встретиться с ней в качестве врага.

Женя дернула его рукав.

– Сань, нам нужно бежать.

– Куда?– он не мог оторвать взгляд от этого жуткого паучьего силуэта.

– Зая... Алексей попробует вывести нас отсюда. Мы должны добраться до Нутра Леса.

Еще пара шагов жуткой процессии – и Сашка разглядел движущегося во главе Лесоцаря. Он делал широкие шаги, пасть его черепа была угрожающе раскрыта, а глаза сверкали рубинами.

– О боже, там и Сердечница,– это уже выдохнула Женя, а потом, опомнившись, снова дернула Сашку.– Идем же!

К этому времени все Изгои собрались на детской площадке. Они выстроились широкой шеренгой. Похоже, они готовы были идти стенка на стенку с лесными жителями.

– Мы станем вашей армией!– воскликнула предводительница безликих.– Но взамен требуем свободы! Спасите себя и нас!

Алексей, сразу отвернувшийся от шествия жителей Леса, склонил голову.

– Мы сделаем все, что сможем...

– Ты обещал заплатить мне за помощь, Посланник, – рявкнул деловой женский костюм. – И платой будет наша свобода. Обещай мне это!

По лицу Заячьей Маски пробежала тень.

– Я постараюсь... Спасибо вам, – он коротко глянул на Женю с Сашей и двинулся в сторону. Сначала быстрым шагом, а затем бегом.

Саня до ужаса боялся повернуться спиной к шагающему на них воинству. Казалось, едва только потеряешь из виду этих монстров как тут же получишь смертельный удар. Однако Женя неумолимо тянула его вперед. И вот Сашкины ноги поддались, и он уже бежал следом за ней, держа такую горячую и влажную ладонь.

Спиной он ощутил волну горячего воздуха, неземной вопль, а затем... детский смех. На искусственной детской площадке, созданной Изгоями, продолжали играть иллюзорные дети.

Саша боролся с желанием обернуться, взглянуть хотя бы ещё раз уголком глаза на то, что происходит за спиной. Он слышал крики и понимал, что безликие слишком слабы для битвы с армией Леса. Само место давало этим тварям силы.

Между тем Заячья всё бежал и бежал, увлекая их с Женей за собой. Они покинули крошечный пяточек искусственно живой земли и вернулись на чёрный, голый солончак. Чёрные тучи бугрились над ним оспяными корками, а фиолетово-синие всполохи сделались ярче и теперь ещё и гудели рё-

вом разбуженного, злого зверя.

Грянула молния! Она ударила в землю совсем рядом с Заячьей Маской. Он успел увернуться от неё, но тут же, ещё одна вспорола жёсткую землю ещё ближе к нему.

– Будьте внимательны! – прокричал Алексей, и голос его захлебнулся рёвом злых небес. – Мы должны добраться до той тучи.

И он указал на огромного бугристого монстра в небе. Эта туча была плотнее остальных, чернее и висела гораздо ниже.

Прогремел новый небесный взрыв. Сашкино сердце подскочило к самому горлу, но он продолжил бежать.

Слышались последние вопли погибающих Изгоев. Где-то плач прервался хрипом, последовал жесткий приказ и все замолкло. А затем послышались тяжелые шаркающие шаги одного-единственного существа. Оно следовало за ними.

Воздух всё сильнее наполнялся тошнотворным запахом озона. А сзади их догонял Лесоцарь. Уже даже Сашка чувствовал присутствие этого монстра рядом. Он надвигался на них волной, ещё более тёмной, чем та, что зависла в воздухе. Резко захотелось плакать. От ужаса, от детского желания оказаться дома в тепле и безопасности. Но чем старше мы станем, тем сильнее мы должны бороться за это чувство безопасности в себе. Сквозь невзгоды, жизненные перипетии и мелкие неприятности мы должны внести в себе частичку домашнего света, чтобы всегда оставаться самими собой.

Ударила очередная молния, и тут Женина нога просколь-

зила по сухой земле. Девушка упала, болезненно вскрикнув.

– Мы почти на месте!– одновременно с этим прокричал Алексей.

А Лесоцарь был всё ближе.

Сашка бросился к Жене, схватил за плечи, потянул вверх. Он уже чувствовал дыхание Лесоцаря.

– Думали укрыться на Дне Леса? – пророкотал он, становясь прямо за Сашкиной спиной. Он чувствовал дуновение ветра от движения мехового плаща. – Глупые, я могу ходить где захочу.

Алексей встал рядом с подростками.

– Ты здесь ослаблен!– крикнул он прямо в лошадиный череп Хозяина Леса. – Я могу равняться с тобой в силе.

И тут Саня все-таки обернулся.

Картина походила на апокалипсис. Огромные молнии полыхали на гладкой пустынной поверхности. Кривыми рощерками они соединяли черное небо и серую землю. Вместо аккуратных старых пятиэтажек лежали руины. Плиты лежали друг на друге, местами скрашиваясь мелкими обломками. И среди этих руин виднелись черные тени – жители Леса, вышедшие на войну за своим тюремщиком. Тени копошились, издавая странные звуки, которые доносились даже до Сашки. Время от времени вверх от руин устремлялись нечеткие безликие силуэты. Они поднимались в воздух и смешивались с чернотой облаков.

Так пришел бесславный конец Изгоев.

Женя поднялась на ноги, пребольно вцепившись в Сашкину руку.

– Извини,– прошептала она, всмотрелась в то, что было за спиной, и выдохнула:– Заячья Маска...

Он загораживал их собой, широко раскинув руки и слегка пригнувшись. Сашка не видел его лица, но догадывался, что сейчас оно крайне сосредоточено и напряжено. Лесоцарь стоял прямо перед ним, его рябиновый посох светился алым светом, который тонкими щупальцами распространялся вокруг. Провалы глазниц лошадиного черепа отражали эти всполохи.

– Я найду вас, куда бы вы ни пошли,– пророкотал он.– Даже здесь, на Дне, я в силах отыскать вас. Со мной все жители Леса, преданные мне. И они готовы загонять вас как собаки лису на охоте.

– Твои псы когда-нибудь предадут тебя,– резко ответил Алексей.

– Одна шавка не показатель преданности всей стаи. Ты сделал плохой выбор, Заячья Маска. Я не стану уничтожать твою душу, а запру ее в своем посохе. И ты десятилетиями будешь наблюдать, как твоя горячо любимая жена становится новым Посланником.

По едва заметному знаку от Алексея, Сашка поволок сопротивляющуюся Женю в сторону гигантского черного облака, к которому они двигались ранее.

– Мы не можем его оставить!– шипела подруга.

– Мы не сможем ему помочь здесь! Нужно уходить и попробовать завершить начатое.

– Нет, постой...

Саня подхватил ее на руки. Женя оказалась неожиданно тяжелой, и нести ее было тем сложнее, что она размахивала руками, сопротивляясь.

– Это уже не моя жена!– выкрикнул Алексей тем временем, отвечая Лесоцарю.

– В ее памяти все еще остался ты. И ваша совместная жизнь. Эти воспоминания не умерли, они живут в Лесу,– Владыка Леса помедлил, а затем выпалил взволнованно:– Ты подумай, Заячья Маска, я могу сделать так, что она станет Посланником и вспомнит о тебе. Сколько страданий это принесет Сердечнице? А как ожесточит ее? И она будет срывать свою злость на жителях Леса, будет мучить их, загонять и отправлять провинившихся сюда, на Дно. О...

– Перестань!– крикнул Заячья Маска.

Черты его лица начали расплываться, приобретая волчьи очертания, фигуру охватил красный туман. Алексей снова обращался в чудовище. Нужно бежать от него как можно скорее.

– Хочешь помериться со мной силами? Хорошо, но эти никуда не уйдут!– Лесоцарь ударил своим посохом в землю.

Но «этих» уже и не было. За миг до окончательного превращения Алексея Сашка донес Женю до облака и встал под ним в недоумении. Здесь не били молнии, однако черный

материал облака спускался вниз, лизал его голову и плечи. И именно в тот момент, когда Заячья Маска окончательно обратился в свое жуткое истинное обличие и бросился на Владыку Леса, облако целиком окутало Сашу и Женю, и в следующий миг их не стало.

Ярость годами копилась внутри Алексея. Годами он покорно исполнял сумасбродные приказы Хозяина Леса. Следить за тем, чтобы лесные жители не покидали отведенных им территорий? Запросто! Изгонять случайных людей, что забрели к границам Леса? Нет проблем! Туманить рассудки людей в их снах, заманивая в Лес? Это нам во благо! Наказать виновных, лишив их навсегда души? Как прикажете!

Довольно.

Можно годами выполнять работу, не осознавая насколько она ужасна. А потом прозреть и ужаснуться. И бежать прочь, куда глаза глядят.

Алексей хотел отомстить за годы обид. За годы, что был слеп.

Он бросился на Лесоцаря, раскрыв огромную пасть. С клыков капала кровь. Из красной туманной массы, окутывающей его тело, появилась рука, сжимающая обычный кухонный нож – именно таким он убил свою мать и вырезал из ее груди сердце.

Лесоцарь отпрыгнул назад и отразил посохом удар ножа. Молния ударила в землю совсем рядом с ним, подпалив край

мехового плаща, как раз в том месте, где болталась серая заячья голова.

– Хотя бы объясни, что пошло не так,– пророкотал он, и рубин в посохе лесного Владыки заискрился кровавыми переливами.– Ты всегда был моим верным слугой. А тут какие-то два чужака и все закончилось.

– Дело не в них,– прогрохотала волчья пасть.– Они лишь открыли глаза на то, что давно зрело.

– Чем тебя не устраивала твоя жизнь? Ты был здесь всем!– Лесоцарь махнул костлявой рукой, и, загоревшийся было, его плащ потух.

– Я был ничем. Просто чудовищем... как ты.

Черная змея заклинания сорвалась с навершия посоха. Она ударила в Заячью Маску. Он подался в сторону, но еще одна змея нагнала его. Он взбесился и рванулся вперед. Змеи одна за одной устремлялись к нему, жалили, но Алексей несся вперед.

Хрустнуло дерево. Острые зубы с легкостью разгрызли рябину, будто это был карамельный леденец.

– Больше... ты... не... испортишь чужую... ЖИЗНЬ!!!– прорычал сквозь зубы Заячья Маска, вгрызаясь в костлявую плоть Лесоцаря.

Он думал, что сейчас окончательно уничтожит Хозяина Леса, и совершенно позабыл о том, что у того есть поддержка.

Огромная волна воды смела его в сторону. Кладнули зубы, и Заячья Маска повалился на землю.

– Заячья Маска, ты будешь наказан за свои преступления против Леса, – прозвучал железный голос.

Услышав его, Алексей захотел заплакать. А, придав себе человеческий облик, и взглянув на владельца голоса, действительно заплакал.

Сердечница помогала подняться раненому Владыке.

Саша никогда в жизни не был верующим, но в этот раз он буквально молился о том, чтобы все кончилось, чтобы туман рассеялся, и они с Женькой оказались в парке около дома. Пускай это всё окажется бредом, и они просто были пьяны. Да, напились в стельку и заснули. Вот и всё.

Но туман спал, и они снова оказались в лесу. Золотой свет лился сквозь высокие кроны деревьев и подсвечивал землю. На ветках пели птицы, белки скакали вверх-вниз по стволам, старательно делая запасы на холодное время года... Но было ли оно в этом месте?

Саша спустил Женю на землю. Она бросила на него возмущённый взгляд.

– Больше так не делай. Никогда, – злым шёпотом произнесла она.

– Что будем делать дальше? – устало выдавил Саша. – Пойдём к этому Нутру или предложишь вернуться к Алексею?

Девушка вздохнула, устало потерла лоб и опустилась на землю около одного из деревьев, привалившись к нему спиной. За прошедшие приключения её зелёное платье истрепан-

лось, испачкалось и стало похожим на неаккуратную тряпку.

– Я не знаю, как мы сможем попасть к Нутру, в тот раз меня к нему отправлял Лесоцарь- произнесла она.– Заячья Маска знал всё. А я ничего не знаю.

– У тебя нет ощущения, что мы как Алиса в Стране Чудес? – Саня сел рядом и рассмеялся.– Иди туда не знаю куда, поговори с одним безумцем, помоги другому. Кругом одни сумасшедшие.

– А может, это мы сумасшедшие?

– Может. Но тогда у нас одно безумие на двоих.

Женя рассмеялась, привалившись к нему плечом.

– Это очень плохое безумие,– сказала она, а затем после короткой фразы вдруг прошептала:– Лучше бы я никогда сюда не попадала. Это было так глупо.

Саша хотел что-то сказать, возразить, но в итоге лишь ободряюще похлопал её по руке.

– Сань, а ты разве никогда не хотел сбежать от всего? Чтобы всё было спокойно и так, как хочешь только ты.

– Даже если ты сбежишь, твоя дурная голова всё равно останется с тобой, – он пожал плечами.– А ведь все проблемы от неё.

Он, прищурившись, поглядел на скачущую по ветвям дерева некрасивую серую белку, а затем продолжил:

– Не надо думать, что ты одна с проблемами. У всех они есть. Выйди на улицу, прогуляйся по центру города и пойми, что все люди, которые пройдут мимо тебя, имеют какие-то

беды в своей жизни. Поссорились с друзьями, не сдали сессию, уволились с работы, погрязли в долгах, разошлись с любимым человеком – по сути, вся человеческая жизнь это череда мелких и больших неприятностей, через которые нужно пройти. С какими-то придется бороться, какие-то просто перетерпеть, но не нужно опускать руки. Жень, у нас впереди еще столько всего, а ты вот так решила себя похоронить. Глупо это.

– Но ведь твои родители никогда не хотели развестись, – с обидой в голосе промолвила она.

– Хотели, – Сашка фыркнул. – Мать всегда кричит об этом после каждой ссоры с отцом. Как-то она даже пошла писать заявление в ЗАГС о расторжении брака. Пока писала, остыла и побежала домой.

Женя едва слышно усмехнулась.

– Горячая женщина твоя мама.

Саша рассмеялся, вспомнив ее грузную фигуру с руками, упертыми в бока, и рот, способный выдавать до ста ругательств в минуту.

– И не говори, – сказал он. Затем поднялся на ноги и протянул руку вниз: – Так что давай, пойдем искать путь домой.

Не успела Женя принять протянутую ей руку, как в их разговор вторгся какой-то посторонний звук. Это было шуршание множества ног по земле. А потом в уши проникли голоса, что-то невнятно бормочущие.

– О Боже, они пришли! – в диком ужасе закричала Женя,

вскакивая на ноги.

Этого было достаточно, чтобы Сашка бросился бежать со всей мочи. Он представлял как та черная волна, что запросто смела маленький мирок безликий изгоев, надвигается на них, готовая сожрать. Лесные жители устроили на них настоящую охоту.

Ноги легко несли вперед, совершая небывало широкие прыжки, Сашке казалось, что он летит над землей. Коротко стриженные волосы на Жениной голове упруго подпрыгивали вверх в нескольких шагах впереди. Казалось, что она бежит еще быстрее. Но лесное воинство все же их догоняло.

Спустя какое-то время жар солнца начал спадать, день склонился к ночи с робким поцелуем сумерек. Силы начали кончаться, легкие саднило, а ноги задубели. А потом Сашу резко ударили в спину чем-то твердым. Он даже вскрикнуть не успел, когда повалился на землю, прокатился пару метров и врезался в ствол ближайшего дерева. Тихий хрип вырвался из его легких.

Сашка зажмурился, не желая даже смотреть на дальнейшее.

«Это конец»,— мелькнула внутри него мысль.

Нет, конец наступил, когда немного впереди послышался крик Жени:

– Саня!– а потом он почувствовал, как та падает рядом с ним на траву, прикрывая своим телом.

Он открыл глаза и посмотрел на ее взволнованное, рас-

красневшееся лицо с укором. И нежностью. В этот миг она казалась ему прекрасной как никогда ранее, и Саша будет рад, если милое лицо окажется последним, что он увидит в этой жизни.

Лесные жители радостно заулюлюкали. Их мерзкие хари четко вырисовывались в быстро надвигающихся сумерках и Саше таки пришлось на них посмотреть. Это были искаженные, уродливые лица. У кого-то рот до ушей, у кого-то нет глаз, а кто-то и вовсе на человека не похож.

А впереди всех громадой возвышалась паучиха с женским лицом. Она жадно взирала на пойманных ею мошек и больше походила на огромную муху, что вот-вот от удовольствия начнет потирать передние лапки..

– В тот раз ты, малыш, ушел от меня, но теперь награда от Владыки будет моей,– пропела она донельзя довольным и счастливым голосом.

– Это нечестно,– девушка, чье лицо заливали кровавые слезы, поджала губы.– Ты крупнее нас и тебе было легче их поймать.

– Хочешь оспорить мое право на этих двоих?– Ткачиха яростно обернулась к ней.

Саша видел, как плечи Жени задрожали. Она сидела спиной к лесным жителям и содрогалась всем телом. Молодой человек приподнялся, притянул ее к себе и спрятал ее лицо на своем плече. Пальцы зарылись в грязные, спутанные волосы.

– Вы все свободны, дорогие мои,– произнесла Ткачиха, оборачиваясь всей своей громадой к лесным жителям.– Я отведу их к Владыке и заберу награды.

Жители забурчали, загудели, но начали медленно расходиться в разные стороны.

– Увидимся на Судилище и Поглощении,– послышалось несколько голосов.

Лесные жители растворялись в лесной тьме, отходя на несколько шагов в сторону. Деревья с наступлением сумерек будто подступили ближе, протянули к ним свои длинные узловатые пальцы.

Но Ткачиха все равно была ближе. Она стояла над Сашей и Женей, широко расставив лапы и протянув к ним свою голову. Ее лицо почти упиралось в Сашино лицо.

– Мои дорогие, вот мы и остались с вами вместе,– прошептала она, отстранилась, а затем произнесла с плотоядной улыбкой:– И чем же мы с вами займемся?

–... пойдём к Лесоцарю?– негромко предположила Женя, отстраняясь от Сашкиного плеча.

Но Ткачиха как будто бы не обратила на нее внимания. Она отошла от них, побродила вокруг там-сям, пошебаршила немного во тьме, а затем вернулась, довольная донельзя.

– Придумала!– воскликнула она, качнув своей башкой.– Я отведу вас к Нутру!

Ребята опешили. Оба они уже были готовы к наказанию, готовы были встретиться с Хозяином Леса лицом к лицу и

все-таки признать свое поражение, принять наказание. Слова Ткачихи были странными. Зачем ей вести их к Нутру? Быть может, Судилище там и находится? Или...

– Почему туда?– выпалил взволнованный Сашка.

– Вы разве не туда собирались?– лицо Ткачихи стало на редкость серьезным.

Она какое-то время разглядывала их оторопелые лица, а затем усмехнулась:

– Заячья Маска далеко не первый, кто устал от тирании Леса. А я не так смела и сильна, как он, чтобы выступить против. Меня уже наказывали за непослушание. Но сейчас... есть шанс, и я готова рискнуть.

Женя только сейчас отстранилась от Саши. И поднялась на ноги, с подозрением глядя на паучиху.

– Но это все равно не объясняет, как ты узнала о наших планах.

– Я не даром выгляжу столь уродливо,– Ткачиха вздохнула.– Мои сети повсюду, пусть они не так надежны как сосуды Сердечницы. Я знаю, что происходит в Лесу. В том числе знаю, о чем вы разговаривали с Изгоями.

Саша видел, как Женя вся подобралась, превратилась в одно большое ухо. Она даже еще чуточку приблизилась к Ткачихе. Глаза подружки горели огнем, который ему совершенно не понравился. Сердце болезненно стрельнуло.

– Ты знаешь, что с ним случилось? выпалила девушка. – Где сейчас Заячья Маска?–

– Он почти выиграл,– вздохнула Ткачиха.– Однако... потом пришла Сердечница. Заячью Маску заключили в Туманной Долине. Он ждет Судилища и... вряд ли останется в живых.

Глаза Жени распахнулись еще сильнее и увлажнились. Сашка поднялся на ноги.

– Нам нужно не попасться как он. И завершить начатое,– произнес он и кивнул Ткачихе.– Отведи нас к Нутру.

– Путь будет не из приятных.

– А в этом месте было что-то приятное хоть раз?– Сашка пожал плечами.

– Встаньте спина к спине и прижмитесь друг к другу,– велела Ткачиха.– Я опутаю вас своей паутиной и перенесу к Нутру.

– Надеюсь, ей можно верить,– прошептал молодой человек, прижимаясь спиной к Жене, но та оставила его слова без ответа.

Паучиха закрутилась около них. Она снова самым тщательным образом осмотрелась по сторонам, даже очень ловко забралась на ближайшее дерево, с удовлетворенным видом спустилась с него и приступила к своей работе. Она выпустила паутину и начала бегать вокруг Саши с Женей. Сначала белые лохмотья неаккуратными комками падали на землю, потом начали прилипать к их одежде. Почувствовав паутину на своей коже в первый раз, молодой человек поморщился. Она была прохладная, и липкая, как давно остывшая

рисовая каша.

– Мы уничтожим это все,– произнесла вдруг Женя, когда паутина прочно связала их друг с другом. Ее голос звучал зло, отрывисто.

Саша отыскал ее ладонь и робко прикоснулся к ней пальцами.

– Ты еще не решила, чем займешься, когда вернемся домой?– спросил он.

Женя в ответ сжала его руку. К этому моменту паутина не покрыла только их плечи и головы. Ткачиха с бешеной скоростью носилась вокруг и тяжело дышала.

– Хочу поговорить с мамой,– негромко промолвила девушка.– А потом... нужно сдать экзамены. Если мы не опоздали, конечно.

– А... ты пойдешь на выпускной потом?

– Зачем? Не вижу смысла,– хмыкнула Женя.– Лучше займись другими делами. Документы к поступлению приготовлю, предложу маме съездить на озера вместе... В общем, найду занятия намного интереснее.

– Ну ладно,– Саша сник.

– Я почти закончила,– крикнула им Ткачиха.– Будьте готовы.

А потом она резко остановилась. Паутина сдавила двух подростков, выбивая из них весь воздух. Сашка глубоко вдохнул и задержал дыхание, стараясь удержать воздух внутри себя, а в следующий миг осознал, что находится в другом

месте, и что паутины больше нет.

Это было темное место. Обширное неосвещенное пространство, которое душило своей теснотой. Голые деревья тянулись вверх, к солнцу, которого здесь никогда не было. Земля совершенно без травы, но усыпана сухими как пергамент серыми листьями. По воздуху разносилась сильная вибрация, Сашка почувствовал ее тончайшими нервными окончаниями под кожей своего лица и быстро понял, что источником вибрации служит Нутро Леса.

– Это место, как будто квинтэссенция всей той жути, что мы видели до этого, – он передернул плечами.

Однако Женя оглядывалась по сторонам с зачарованным видом и приоткрытым ртом.

– Я этого не вижу, – она перевела взгляд на него. – Для меня здесь все прекрасно.

– Правда? Я с самого прихода в Лес не видел ничего красивого. Одна жуть да гниль.

– Похоже, Лес не имеет на тебя влияния, – произнесла Женя и передернула плечами, – и ты все видишь таким, какое оно на самом деле. Похоже, все прекрасное вокруг – просто иллюзия для всех, кто живет в Лесу. Я никогда не спрашивала соседей, но может оказаться и так, что каждый из нас видит Лес по-своему. Для каждого своя иллюзия.

– Ладно, пошли, – он с отвращением опустил ногу на сухой лист, который отвратительно громко хрустнул. – Расскажи мне, как все-таки бороться с Нутром. Что я должен сей-

час делать?

– Оно будет пытаться бороться с тобой, навязывать посторонние мысли, выдавая за твои собственные. Оно обманывает и припыляет всю твою жизнь. Мне оно пыталось показать, как плохо было в школе, какой злой я была там, и как прекрасно было купаться здесь в озере с Сердечницей,– Женя сжала губы.– Сопrotивляйся ему, покажи, что твои мысли принадлежат только тебе. Только тогда оно отступит.

– А дальше что? Нам же надо его уничтожить.

– Я не знаю,– Женя покачала головой, а потом широко улыбнулась:– Атакуй его ментальными лучами, порази электричеством.

Сашка рассмеялся.

– Типа, йоу, я супермен, ага! Нет, не супермен. Супермаг с ментальной силой! Читаю мысли, двигаю предметы и все такое.

– Да, конечно, и разнесешь здесь все одним движением пальца!

– Ну для такого нужно очень долго прокачивать силу, собирать лут, торговать, сражаться с мобами. Наше возвращение домой сильно затянется, если будем играть по всем правилам.

– Нутро совсем близко,– сказала Женя, прерывая поток его слов.

– Это место какое-то тесное,– поделился Сашка.– Вроде и края не видать, а как будто что-то душит.

– Оно такое есть. Когда я оказалась здесь и попыталась выбраться пешком, то поняла, что здесь можно сделать шагов двадцать в одну сторону в лучшем случае. Это место ограничено.

– И в какой части Леса оно находится?

– Без понятия,– Женя пожала плечами.– Может статься, что оно у нас в голове. Или под Лесом. Примерно там же, где и Дно.

Вибрация усилилась к этому моменту настолько, что Сашка начал ощущать, как земля дрожит под его ногами. Деревья расступились и явили ему Нутро Леса. Это оказалась огромная пульсирующая масса изумрудного цвета, похожая на желе. Саше почудилось, будто оно сразу заглянуло вовнутрь него и увидело все то, что скрывал молодой человек в себе.

– Почувствовал?– негромко спросила Женя.

– Обалдеть...– выдохнул он с бешено заколотившимся сердцем.

– А лесные жители ощущают это во сто крат сильнее.

Сашка перевел дыхание. Он силился вспомнить, зачем они сюда пришли, однако мысли упорно поворачивались в другую сторону. Хотелось отдохнуть, сходить в лес, проверить силки на зайцев, проверить грибные полянки, а затем вернуться к деду...

К деду?

Эта мысль отрезвила. Молодой человек тряхнул головой

и посмотрел перед собой. Нутро сокращалось, в глубине его массы переливалось что-то блестящее, что-то чарующее. Смотря на это, Сашка слышал в голове голоса людей из прошлого. Прошлого, где было тепло, уютно. Эти голоса сулили прекрасное, светлое будущее.

Но все же один голос из всех был громче остальных – голос рассудка. Он напомнил о том, что пора возвращаться домой, жить нормальной жизнью и воспринимать реальность такой, какая она есть.

Нужно убить Нутро? Показать, насколько его лживый шепот ненадежен?

Решение пришло быстро.

– Женя, – Сашка обернулся к подруге. – Ты мне нравишься.

– Что?

До нее не дошел смысл сказанных слов. Они казались настолько абсурдными и неуместными, что Женя даже неловко засмеялась:

– Ты чего это вдруг?

А Саша был серьезен как никогда. Она даже на алгебре никогда не видела его лицо настолько сосредоточенным. Он внимательно разглядывал ее, повернув голову, а переливы склизкого Нутра окрашивали его правое ухо в зеленый цвет.

– Я не шучу, – произнес он. – Ты мне и правда нравишься. Очень давно.

Женя понимала, почему он говорит это именно сейчас и почему он не признавался раньше. Для нее он всегда был просто другом, школьным приятелем, с которым интересно иногда позависать после уроков и... все. А тут он вдруг решил, что своим признанием сможет уничтожить Нутро Леса. Ведь наверняка оно обещало Сане какие-нибудь блага, а он решил, что реальная жизнь с ней, Женей, будет гораздо лучше всякого обмана. Но она не может ответить тем же. А если сейчас скажет это, то Лес вцепится в новую добычу... Но и обманывать себя совсем не правильно.

Женя зажмурила глаза и затрясла головой.

– Прости,– выпалила она, отстраняясь.– Я не чувствую ничего подобного в отношении тебя и... Прости.

Нутро запылало насыщенным синим цветом, увеличилось в размере и стало ярко-алым. Оно ликовало. Оно накинuloсь на свежую добычу. Женя видела это в остекленевших, разочарованных глазах Саши.

Она приготовилась к худшему, а он вдруг рассмеялся.

– Ты прости,– выдавил он сквозь смех.– Очень неловко получилось... М-да... аха-ха-хах.

– И ты...– Женя удивленно на него смотрела, совершенно забыв про Нутро.– И это все? Ты не сердисься?

Сашка перестал смеяться и посмотрел на нее с улыбкой. Однако глаза уже сделались серьезными.

– Ну если я тебе не нравлюсь,– он пожал плечами,– то что уж тут поделать. Нет так нет. Я не первый парень, которого

отшили. Переживу.

С болезненным стуком ее собственного сердца, Нутро Леса взорвалось. Оно лопнуло как мыльный пузырь, облив их липкой, зловонной жижей. Деревья вокруг содрогнулись, с них опали все листья, а стволы мигом почернели. Мир Леса предстал именно таким, какой он есть на самом деле. Черным, мрачным, пугающим.

Слух резанул болезненный стон множества голосов. Выли деревья, выла земля, выл весь Лес. Они смогли нанести Лесу серьезную рану. И оружием стало обычное смирение.

– У нас получилось, – выдохнула Женя, пораженная. – Ты смог!

Сашка озирался по сторонам. Похоже, и для него в облике Леса что-то изменилось.

– Надо продолжить и вернуться домой! – выдохнул молодой человек. – Что будем делать дальше?

– Нам нужно убить Лесоцаря, помнишь?

– Как? Я думал, что это сделает Алексей.

– Я тоже, – честно призналась Женя. – Но мы должны попробовать найти его, помочь освободиться из Туманной Долины... либо сделать это самим. Сейчас в Лесу начнет твориться полная неразбериха. Нутро перестало нашептывать лесным жителям их сны и мечты. Сейчас наверняка многие в панике, еще и вокруг все так поменялось. Мы должны воспользоваться этим.

Остатки Нутра – масса, похожая на кисель, – стекли к их

ногам. Молодые люди начали выбираться прочь. Идти было трудно, ноги вязли, а одежда прилипла к телу. Шли в произвольном направлении, желая просто выбраться.

Женю неприятно поразило то, как выглядит Лес на самом деле. Он всегда рисовал ей картины столь прекрасные, что не увидеть ни на одной фотографии, ни нарисовать ни на одной иллюстрации. А реальность оказалась похожей на кладбищенский лес зимой, только без снега.

Судя по всему, это место все же было частью Леса, просто раньше каким-то образом было отгорожено от него. Женя с Сашей прошли несколько метров осторожно, боясь упереться в эту невидимую стену. Но на их пути ничего не встало, и они ускорились. Местность вокруг оставалась все такой же мрачной. Не было слышно ни одного зверя, но где-то в самой глубине чащи плакало нечто.

– Нам нужно обратиться к камням, – произнесла Женя после некоторых размышлений. – Мы смогли победить Нутро, и Лесоцарь сейчас ослаблен. Он знает это. И будет скрываться, собирать силы. Возможно, он сейчас будет стеречь Алексея, потому что он может одолеть его, если освободится.

– А если Лесоцарь наоборот попытается нас уничтожить? Натравит волну нечисти, как на безликих?

Сердце Жени дрогнуло. Ей было очень жаль Изгоев, и в ее голове крепко застыла картина черной волны, одолевшей их, однако ей совершенно не нравилось, что Саша назвал ее лесных друзей нечистью.

– Лесные жители были под влиянием Нутра,– она покачала головой.– Может быть, что сейчас они стали другими.

– И захотят сожрать нас еще сильнее?– хмыкнул Саша.– Или будут плакать и умолять забрать их с собой?

– Нет, давай пока что забудем о них. Я предлагаю сейчас попробовать добраться до Озера в Туманной Долине, до каменных идолов на нем, а потом... что-нибудь придумаем. Нам нужно делать что-то с камнями, Заячья Маска говорил, что с ними многое связано. Понимаешь?

– – Нам все равно нечего терять. Пойдем.

Местность стала совершенно неузнаваемой для Жени, и она надеялась, что Саше, который и раньше видел Лес таким, какой он сейчас, хоть что-нибудь покажется знакомым. Но он молчал и продолжал просто идти вперед.

Она не знала, что делать, когда они доберутся до каменных идолов на острове. Расшатать их и попробовать развалить, надеясь, что таким образом они чего-нибудь добьются? Или постучать по ним, призвать разгневанного Владыку Леса и кинуться на него с голыми руками? Нет, это совсем уж глупо. Нужен план. Но как его придумать? «Был бы здесь сейчас Заячья Маска...»– с тоской подумала Женья.

Алексей проснулся от крика. Это был громкий тревожный вопль раненого зверя. От него звенело в ушах, а сердце сжималось от какой-то тягучей, неясной тоски. Но вместе с тем разум очистился, освободился от этого отвратительного

навязчивого шепота в ушах.

Он открыл глаза и понял, что наконец-то свободен в своих мыслях. «У них все получилось!» – не без гордости подумал Заячья Маска. Первая часть плана осталась позади. Но впереди самое трудное.

Место, где он оказался, было хорошо знакомым. Это Безлесье, убежище Лесоцаря, самая защищенная и неприступная часть Леса. Это огромная пещера в самой толще гор, которая вовсе не похожа на пещеру. Это огромное пространство с иллюзорной луной в небе, необычайно мягкой травой и причудливой, незнакомой растительностью. Безлесье прочно связано с Туманной Долиной, ибо питается ее энергией, остающейся после лесных ритуалов. Это было личное место Лесоцаря, над которым властвовал он сам, а потому после падения Нутра иллюзия этого места не изменилась.

Алексей лежал на мягкой перине травы. Все его тело болело и кровоточило. Мелкие порезы и ранки по всему телу – результат принятия истинного облика и битвы с Лесоцарем. Но самая глубокая рана – в сердце, безжалостно нанесенная самым любимым человеком на свете.

И он чувствовал, что сейчас она рядом.

– Почему ты так хочешь уничтожить то, что так долго создавал? – голос Сердчицы прозвучал из-за спины.

Алексей не хотел с ней разговаривать. Сейчас любые слова окажутся переливанием из пустого в порожнее. Вместо этого он тяжело поднялся на ноги и оттряхнул одежду. Ло-

коть его черной водолазки оказался порванным, а черные джинсы – безнадежно испачканными зеленою травой.

– Ты не хочешь поговорить со мной?– ноги Сердечницы прошуршали к нему.– Лёша...

Она встала перед ним, и Заячья Маска на миг узнал те растерянные нежные глаза робкой первокурсницы, в которые влюбился много лет назад. Но за ними все еще мелькал холодный, равнодушный взгляд Сердечницы. Он отвел глаза в сторону.

– Нутра больше нет,– проговорил он.

– Да, и это так странно. Я так отчетливо слышу свои мысли и воспоминания... они так близко,– губы девушки дрогнули в нелепой попытке улыбнуться.– Это неправильно. Нутро должно быть. Оно объединяло всех нас. И кто мы теперь?

– Те, кто разрушил множество жизней, придя сюда. Мало того, что загубили собственные жизни, так еще и расстроили всех близких,– пожал плечами он.– Ты разве не вспоминаешь теперь, почему оказалась здесь?

Сердечница склонила голову.

– Да, Лёша. Я так устала страдать, мучиться этими болями, тяжелым дыханием. Сидеть дома, пить таблетки, при любом недомогании бежать в больницу, где перед тобой только руками разведут и скажут: «ну вы же принимаете выпи-санные препараты? Больше ничего не можем сделать, ждите своей очереди на пересадку». Я столько раз лежала по но-

чам в кровати и мечтала просто не проснуться следующим утром, чтобы не пришлось улыбаться и говорить, что все хорошо. В этих ночах было столько отчаяния и одиночества...

Алексей помнил эти ночи. Помнил, как она крутилась с боку на бок на своем месте у стены и вздыхала, а на любой вопрос отвечала, что все в порядке, и отворачивалась. Он слишком хорошо помнил эти ночи, потому что тоже не спал.

– Но ведь ты могла не бросать учебу и продолжать ходить в университет, – сказал Алексей. – Пускай с больничными, пускай с пропусками, но тебя все равно допускали бы к сессиям, я бы мог тебе помочь. Почему ты тогда бросила учебу?

Сердечница... Лиза передернула плечами.

– Я не хотела каждый раз объясняться перед этими брюзгливыми стариками и стервозными бабками и ловить сочувствующие взгляды. У всех жизнь как жизнь... а у меня болячки и муж.

Алексея неприятно кольнуло то, что его поставили в один ряд с болезнями.

– А рисование? – спросил он. – Тебе же так нравилось им заниматься, но ты и его бросила.

– Я бы все равно никогда бы не достигла в нем никаких высот.

– Ну и что?! Тебе же это нравилось, ты так улыбалась, когда покупала новые кисти, – он помнил эту улыбку и восторженные рассуждения вслух о достоинствах каждой выбранной кисти. И пусть каждая из них стоила половины его дня

работы курьером.

Недовольное хмыканье было ему ответом. А на языке еще так много вертелось. Так и хотелось спросить, неужели для нее были ерундой вечерние прогулки, поездки вместе на природу, просмотр фильмов с пиццей, которую она так долго и тщательно выбирала... так много всего, прожитого вместе за столь короткий срок.

– Лиза... тебя съело твое собственное горе,– Алексей покачал головой. Собственные слова уже не ранили. Он просто констатировал факт.

Девушка фыркнула.

– А ты убил собственную мать,– в ее голосе прорезались холодные интонации Сердечницы.

– Ради тебя!

– А я разве не была твоим горем?– Сердечница отчего-то вдруг премерзко улыбнулась.– Сколько ты сил вложил в меня, в наши отношения, а в итоге совершил преступление и все попусту? Разве я не твое горе, которое, как выражаешься, тебя же и съело?

Это уже была не его жена. Лизу изменил не только Лес, но изменилась и она сама. Как будто вся ее суть вывернулась наизнанку.

– Не говори такие вещи,– Алексей склонил голову.– Мы же хорошо начали, а ты снова...

– Снова что?– она вскинула подбородок.

Он больше не хотел смотреть на Сердечницу. Он окинул

взглядом Безлесье.

– Где Лесоцарь?– спросил Заячья Маска.

– Он отправился к лесным жителям,– ответила она.– После уничтожения Нутра в их головах начался полнейший хаос, сам понимаешь. Да еще и тебя нет, чтобы помочь и загнать всех по домам. Вот и начали птички начали разлетаться из клеток.

– А почему он *тебя* не отправил?

– А мне не достанет сил, я ведь всегда была просто наблюдателем, но не воином. Да и к тому же у меня уже есть миссия – стеречь тебя. Ты можешь наделать в Лесу еще больше проблем, если вдруг выберешься наружу.

– Я в любом случае доставлю проблем. Не лучше ли сначала разобраться со мной?

Вот оно! Других идей нет. Лучше сразу пойти в лоб, чтобы помочь ребятам покинуть Лес навсегда. Еще одна схватка. Последняя, решающая.

– В самом деле,– с неожиданным воодушевлением произнес Алексей, уцепившись за эту глупую и безрассудную идею.– Нам с Владыкой давно пора решить этот вопрос. Сразимся с ним еще раз и все кончится. Для меня или для него.

Сердечница посмотрела на него с подозрением.

– Что ты задумал?

– Ничего. Только завершить начатое.

– Думаешь, у него сейчас есть время на тебя?

– Я могу доставить много проблем,– с нажимом повторил

Заячья Маска.— Если он избавится от меня, то сможет спокойно и дальше разгонять лесных жителей по домам. И чуваки от него уже никуда не денутся.

Какое-то время Сердечница колебалась. Затем все же решилась, отступила на шаг назад и спросила:

— Ты точно уверен?

— Передай ему мои слова. Чтобы только мы вдвоем решили этот конфликт.

Сердечница еще раз оглядела его с подозрением, однако медленно развернулась и пошла прочь. Она несколько раз обернулась на него через плечо, будто боясь какого-то необычного выпада со стороны Алексея. Он же постоял какое-то время на месте, а затем и вовсе сел обратно на мягкую траву и прикрыл глаза, точно заснул.

Стоило лишь Сердечнице исчезнуть во тьме где-то на периферии этого темного подлунного мира, как Заячья Маска распахнул глаза и вскочил на ноги.

Если у него еще осталась хоть какая-то сила, то нужно успеть сделать одну вещь, что сможет спасти этих двух подростков, с которых все началось.

Глава одиннадцатая

Те, кто мы есть

Они роптали, возмущались. Лесные жители считали это место своим родным домом, надежной крепостью, что скрывала их от всех забот мира. Но все рухнуло в один момент, когда тот мягкий голос, что всегда так убаюкивал и говорил столько приятных вещей, замолчал. И все иллюзии рухнули, и окружающий мир оказался темной, пугающей дырой.

Лесные жители повысыпали из своих домов, в которые вернулись после уничтожения Изгоев, неловко заглядывались по сторонам, а когда не узнали ничего из того, что их всегда так рутинно окружало, побрели в любую сторону наугад. Тропа исчезла, и многие то и дело застревали в густых кустах, спотыкались об гниющий валежник, падали в грязь. То и дело на пути встречались такие же потерянные лица с пустыми глазами. Все молчали.

Постепенно лесные жители собрались в большую группу в поисках поддержки, уверенности. Но никто не мог ее дать, пока не появилась огромная паучиха. Она всегда была странной. Ходила в своем истинном обликии и не скрывала его.

– Ну и что вы расселись?!– воскликнула Ткачиха, разглядывая их злыми глазами.– Розовый домик треснул? Страх, трагедия?!

Несколько пар пустых глаз обратились к ней. Лесные жи-

тели неуклюже расселись на жухлой траве, понурился плечи.

– Я вспомнила свою дочку,– всхлинула Курильщица,– у нее были такие милые платица. А какие прически в садик я ей делала...

– А мой сын хотел вертолет с радиоуправлением на день рождения,– сказал Горелый.– Я даже начал откладывать деньги на него, ходил по магазинам, выбирал, читал отзывы в Интернете...

– Столько лет не была на своей дачке,– выдохнул женский голос из задних рядов.

И тут словно плотину прорвало. Со стороны лесных жителей посыпалась целая куча жалоб, стенаний и воспоминаний о той, прежней жизни. Как-то неожиданно они осознали, что ссоры с соседями, нехватка денег, потеря работы – это не такие уж и большие проблемы. Не стоило ради них покидать жизнь.

– Эй, ребята,– послышался голос Слепца, грубый и совершенно не детский.– Так хочется домой, да?

– Да...– прокатилась волна опечаленных голосов.

– Мы уже не можем вернуться,– слово снова взяла Ткачиха.– Однако мы можем помочь этим ребятам, что освободили нас из-под гнета Нутро.

– А зачем?– спросил кто-то.– Мы-то домой уже не вернемся. Так пускай остаются с нами.

– Да, точно! Тем более именно из-за них мы сейчас и понятия не имеем, что делать дальше. А так бы жили да жили

дальше.

– Плохой обман лучше горькой правды жизни!– не слишком уверенно воскликнул кто-то и сразу пристыжено притих.

– Да вы только послушайте себя!– возопила Ткачиха.– Вам самим не стыдно?! Они же дети, глупые подростки! Мы должны помочь им, наставить на правильный путь.

– Ну да, уж ты-то любишь подростков,– негромко заметил Слепец, скрестив руки в груди.

По лицу Ткачихи пробежала ярость. Казалось, она готова убить наглого мальчишку прямо на месте, но усилием воли она сдержалась и даже не посмотрела на обидчика, вновь обратившись к остальным.

– Вы можете сколько угодно плакаться о своей жизни и продолжать жить в мире распавшихся иллюзий. А можете сейчас отправиться вместе со мной и помочь им завершить начатое. Свергнем Лесоцаря! Свергнем Лес! Освободим свои души.

Таких слов от себя она сама не ожидала. Всегда была тихой учительницей и боялась голос поднять, даже если вдруг студент или школьник буквально выводил ее из себя, даже если в общественном транспорте ее толкнули. Ткачиха вспоминала свою сестру, громкоголосую, наглуую, которая добилась в жизни гораздо большего. «Пока молчишь – ничего не получишь»,– говорила она. И это истинная правда. В этой жизни нужно кричать, настаивать, рваться напролом, лишь

бы завладеть тем, что хочешь.

– Уничтожим Лес!– прокричала Ткачиха из самых глубин своей души, и голос ее разнесся по туманной мгле вокруг. Никогда в жизни ее голос не был так громок.

Лесные жители смотрели на нее ошарашено, заморожено. Растворенные в сонном течении счастливой жизни, они уже успели позабыть, что такое борьба.

– Она права,– с травы первым поднялся Горелый.– Эти дети не виноваты в наших ошибках, но мы можем помочь им не повторить их.

Ткачиха улыбнулась.

– Замечательно. Со мной пойдут те, кто действительно желает помочь. Остальные могут остаться здесь.

Лесные жители переглянулись и стали неуверенно, по одному вставать и выходить вперед. Затем разулыбались, слышались первые смешки, и вот уже целое воинство стояло на обширной поляне.

– Сделаем это!– воскликнули они.

Но Лес был другого мнения.

Тьма сгустилась, пахнуло горькой сыростью, и воодушевленные лесные жители услышали голос своего Хозяина.

– Именно ты и помогла им победить Нутро!

Лесные жители, собравшиеся плотным кругом на поляне, обернулись во тьму. Там, все такой же величественный и ужасающий, стоял Лесоцарь, опираясь на свой рябиновый посох, собранный из тех частей, на которые разорвал его За-

ячья Маска. Выглядел он уже не так устрашающе, походя больше на мусор, ведь даже наверхние посоха уже не издавало пугающего свечения.

Лесные жители ужаснулись его виду. Теперь это был уже не величественный владыка их душ, но враг, которого они сами провозгласили. Те, что был потрусливее, сразу же отодвинулся от Ткачихи на несколько шагов, кто-то спрятал глаза. Лишь немногие остались стоять неподвижно, с прямой спиной, смело глядя на тирана. И среди них оказалась сама Ткачиха, Горелый, что крепко сжимал свои кулаки, Рыбак со старческими трясущимися коленями, но решимостью во взгляде, и крепко держащиеся за руки Смеюны. А также Курильщица, нервно теребящая свою огромную трубку.

– Нас слишком долго обманывали!– крикнула девочка из Смеюнов и всхлипнула.– Наша мама давно умерла, а вы...

Она заплакала, а брат начал успокаивать, что-то приговаривая.

– Немедленно разойдитесь по своим домам,– в голосе Лесоцаря не мелькнуло ни тени эмоций.– Иначе вы лишитесь всех лесных праздников.

– Каких праздников?!– Ткачиха взвизгнула.– Лес будет уничтожен, и ты вместе с ним! Никаких больше праздников и никакого обмана!

– А ты будешь наказана, как Заячья Маска,– Лесоцарь обратил к ней свой череп со сверкающими огоньками зрачков.– Ты уже давно выказываешь признаки неповиновения.

Огромная паучиха сделала шаг вперед, нависла над лесным тираном, такая огромная и пугающая, способная сама быть подобным ему чудовищем.

– Ты слаб, а притворяешься всемогущим,– пророкотала она ему прямо в морду.– Не пугай нас почем зря. Без тумана в наших головах мы запросто одолеем тебя.

Лесоцарь наотмашь ударил ее по ноге своим посохом. П слышался хруст, и Ткачиха с громким криком упала наземь. Ее сломанная передняя нога пульсировала болью.

А Владыка вдруг сделался невероятно огромным, возвысился над окружающими деревьями и, объятый кроваво-красным туманом, пророкотал:

– Я ВСЕ ТАКЖЕ СИЛЕН КАК ПРЕЖДЕ! ВЫ ВСЕ БУДЕТЕ НАКАЗАНЫ! НЕМЕДЛЕННО РАСХОДИТЕСЬ ПО СВОИМ ДОМАМ!

Лесные жители испугались, попятились, но не побежали прочь. Их внимание привлекло появление Сердечницы. Она вышла из лесной чащи, спокойная, статная и гордая, а затем опустилась на колени.

– Владыка,– глубокий женский голос воззвал к чудовищу.– Заячья Маска желает сразиться с вами.

– СНОВА?!– раздалось сверху.

– Да, он желает решить этот спор раз и навсегда.

Лесным жителям, что всегда боялись Заячью Маску, что брезгливо называли его Посланником, были удивлены. Он был первым, кто решился помочь чужакам и первый посяг-

нул на деспотическую власть Лесоцаря. Именно он показал, что нужно бороться. Множество взоров обратилось на стонущую на земле Ткачиху, что с ненавистью продолжала смотреть вверх. И надежда зажглась в этих тусклых сердцах.

– ХОРОШО,– Лесоцарь вновь стал прежним.– Веди сюда Заячью Маску. Я одолею этого предателя, а затем займусь остальными. Пускай все увидят как страшна судьба предателей.

Сердечница исчезла. Вернулась она мгновенно, ведя перед собой Заячью Маску, что больше не скрывал своего человеческого лица. Лесные жители жадно рассматривали его, ибо никогда прежде не видели лица Посланника.

– Что дальше?– спросил Заячья Маска, становясь напротив Лесоцаря.

– Я уничтожу тебя!– возопил Лесоцарь.

– Что будет дальше с Лесом? Я об этом спрашиваю,– сказал Заячья Маска.– Нутро погибло. Лесные жители начинают вспоминать свою прошлую жизнь. Неужели ты думаешь, что сможешь вернуть все назад? Лес остался без пищи.

– Нутро можно создать заново. Потом найти новых овец и загнать их в загоны. А если старые откажутся пойти туда – их всех ждет Поглощение. Лесу нужно много энергии, чтобы восстановиться.

Никто из лесных жителей не произнес и слова. Их всех напугало холодное спокойствие Лесоцаря. Они не сомневались, что Владыка запросто уничтожит их всех и начнет за-

НОВО.

– А если Лес захочет избавиться и от тебя?– провокационно спросил Заячья Маска.– Ты не справился с его стадом. Плохих пастухов тоже наказывают.

– Молчать!– прорычал Лесоцарь.– Я тебя уничтожу!

– Это мы еще посмотрим...

И не заметил никто, как в черноте Леса растворилось несколько лесных жителей, спешащих на подмогу Саше и Жене.

Ирине не спалось этой ночью. Впрочем как и во многие другие ночи до нее.

Минуло более двух недель с пропажи ее дочери и того мальчика, ее одноклассника. Городские волонтеры все еще отправляли добровольные поисковые отряды в лес, а полиция уже по нескольку раз опросила всех родственников, друзей и знакомых. Но никаких следов Жени и Саши не было найдено.

Надежда в городе угасла. Ирина слышала, что мать Саши увезли в больницу с работы, прямо в поварской одежде... прихватило сердце. У некоторых однако появились сомнения. А действительно эти двое пропали или, быть может, просто сбежали? Даже участковый в один из своих визитов после долгого разглядывания Сашкиной фотографии спросил как бы исподволь: «А вы не ограничивали общение своей дочери с этим мальчиком? Дело ведь молодое».

Но Ирина знала, что ее дочь в беде. И знала, почему она туда угодила. Ее дочь, такая замкнутая и гордая, очень тяжело переживала ссоры родителей.

А Михаил, отец Жени, продолжал звонить и приходить в гости. Пропажа дочери тоже тронула его, и он просил вернуться в семью. Но Ирина впервые в своей жизни сказала ему «нет». В том, что случилось, самой большой виной была его.

Ночи в пустой темной квартире сводили Ирину с ума. Она лежала на кровати в Жениной комнате, слушала беспокойное сопение кота Тишки и бесконечно прокручивала в голове сценарий завтрашнего дня. Сходить в больницу, на работу, а затем – устало бродить по городу в поисках намека на дочь. А затем вновь пустая квартира и одинокая темнота.

Однако эта ночь стала иной. Она заснула почти сразу как легла в постель и вновь увидела во сне это существо в маске зайца. На этот раз оно показало свое настоящее лицо – это оказался молодой человек приятной наружности. Он улыбнулся и повлек ее за собой по лесной тропе. Идя вперед, она слышала смех своей дочери.

И на следующий день Ирина проснулась взволнованной, счастливой и... испуганной. Скоро все должно закончиться.

Они очень быстро встретили лесных жителей. Первым из-за деревьев показался Горелый, он шёл во главе маленького отряда, а за его спиной мелькали Смеюны, Рыбак, Куриль-

щица, Слепец и ещё пара людей, что плохо были знакомы Жене.

К этому времени двое подростков уже выдохлись. Их мучил голод и жуткая усталость. Женя даже начала чувствовать как у неё мелко, ватно трясутся колени.

Лес вокруг был совершенно неузнаваем для неё, и Саша тоже не узнавал ничего. Голые ветви деревьев, как прутья тюремной решётки клонились к земле, где встречались с узловатыми корневищами. Чаще будто пыталась заключить их в свою клетку. Небо над головой чернело и клубилось, будто окуренное множеством сигар. Воздух был наполнен странным сладковато-терпким запахом, чём-то напоминающим аромат свежего смородинового листа. И что-то загадочно стрекотало, шелкало в самой глубине мглистой чащи.

Горелый и остальные лесные жители появились перед ними совершенно неожиданно, Женя даже испуганно ойкнула, когда разглядела перед собой внезапно выросший человеческий силуэт.

Сашка, также в последний момент увидевший лесных жителей, быстро сделал шаг вперёд и заслонил её своим плечом.

– Что вам нужно? – спросила Женя, пытаясь храбриться. Но сил не было, и голос её прозвучал устало и замученно.

– Мы хотим помочь, – также устало и печально проговорил Горелый. – Нутро больше не имеет над нами власти. И мы хотим... Чтобы вы не повторили нашу судьбу.

– Зачем? – Сашка посмотрел на него с сомнением. – Ведь вы всё равно не сможете выбраться.

Слепец хмыкнул. Женя очень удивилась, разглядев его щедушный силуэт между деревьев.

– Зато мы избавимся от Лесоцаря и сможем жить так как этого хочется нам, – произнес мальчик.

Женю такие слова насторожили. Слепец всегда казался ей жёстким, но такой властности она ещё не замечала. Она предвидела, что в будущем когда-нибудь от Слепца будут проблемы... Если конечно, от Леса к тому времени что-нибудь останется.

– Хорошо, – кивнула она. – Ваша помощь будет нам очень нужна.

– Еще бы знать, в чем помогать, – заметил Слепец.

Женя набрала в грудь побольше воздуха.

– Что вы знаете о камнях?

Лесные жители недоуменно переглянулись. Похоже, они никогда не задумывались над тем, что в Лесу подозрительно много странных, причудливых камней. Или же считали их просто частью обстановки.

– При чем здесь камни, дочка? – спросил Рыбак, и Женя подивилась тому, что он может разговаривать... нормально.

Когда она пересказала им слова Алексея о лесных идолах, помощники сильно удивились.

– Никогда бы не подумал, что эти проклятые каменюки столько значат, – Слепец фыркнул.

Женя пожала плечами, оглянулась на Сашку и кратко рассказала им о своем плане. Он был довольно простым, но от каждого требовал определенной стойкости и жесткости. Теперь лесные жители были именно таковы. Они сжали свои кулаки и придали лицам выражение полной решимости. Даже личики Смеюнов были не по-детски серьезными.

– Пора прекратить это издевательство,– едва слышно проговорил Горелый и вздохнул.

– А...– Женя решила задать вопрос, который давно ее волновал.– Вы не знаете, что случилось с Заячьей Маской?

Настал час последней битвы. Час, ради которого они столько боролись, которого ждал он столь долго. Алексей разглядывал Лесоцаря, величаво стоящего перед ним, в то время как лесные жители встали полукругом за спиной Заячьей Маски, будто выдвигая своего бойца на поединок.

– Я избавлюсь от паршивой овцы, а потом остальные разбредутся по своим загонам,– пророкотал Лесоцарь, простирая вперед свои руки-кости.

– Либо овцы загрызут волка,– едва слышно обронил Заячья Маска.

– Не бывать этому! Сердечница!

Она была единственной, кто стоял на стороне Лесоцаря.

– Да, Владыка?

Хозяин Леса взмахнул своим посохом, с его навершия сорвался сноп искр и осыпал Сердечницу с головы до ног. Ее

кожа начала издавать едва заметное глазу сияние, а глаза за-
жглись злым пламенем.

– Я дарю тебе силы Леса, а теперь пойд и разыщи всех
предателей. Чужаков и тех, кто сейчас покинул поляну.

Алексей удивился. Он не ожидал, что кто-то самовольно
убежит из-под носа своего Владыки.

– Можешь уничтожить любого, кто встанет на твоём пу-
ти,– продолжил меж тем Лесоцарь.

– Слушаюсь, Владыка,– Сердечница покорно отправилась
выполнять задание. .

С болью в сердце проводил Алексей её взглядом, затем
перевел глаза на причину всех своих бед и бросился в свою
последнюю битву.

Лес чувствовал, что над ним нависла угроза. И само его
нутро противилось этому, но возможности были ограниче-
ны. Соппротивление Леса походило на нелепые скукоживания
слизняка, в которого тычут острой палкой.

План Женя выдумывала на ходу и быстро, лихорадочно
излагала его лесным жителям. Те слушали молча, не переби-
вали, лишь иногда задавали уточняющие вопросы. Слепец
же кривил лицо и отпускал критические замечания. И в кон-
це концов план был разработан и все разошлись по своим
местам. Один человек – одна груда камней. А Саша с Женей
отправятся к каменным идолам на Острове, и на них будет
самая ответственная часть задания.

План прост – атаковать камни ментальной силой подобно тому как сделал Сашка с Нутром.

Однако у него было очень много проблем. Вернее, весь план был одной большой проблемой. Он строился на одних лишь догадках, домыслах самой Жени и лесных жителей, что наблюдали, думали, делали выводы. Второй большой проблемой было отыскать камни в изменившемся до неузнаваемости Лесу. Тут придется действовать интуитивно, ощупью продвигаясь сквозь тьму к смутно узнаваемым местам. Но самое главное, как они свяжутся в нужный момент? Женя уповала на то, что возле каменных идолов на Острове она сможет сделать многое, что она сможет воспользоваться силами Леса. Победа над Нутром окрылила ее и дала надежду.

Напоследок заговорщики ободряюще кивнули друг другу и разбрелись каждый в свою сторону.

– Ты сможешь отыскать путь в Туманную Долину?– спросила Женя у Саши, когда они вновь оказались вдвоем.– Нам нужно добраться до озера и идолов на нем. Это то озеро, в которое нырнул Заячья Маска вместе с нами.

– Мне кажется, мы уже в Туманной Долине,– Сашка огляделся по сторонам.– Для меня местность вокруг немного изменилась, но она все еще очень похожа на ту, что была.

– Но как?– выдохнула Женя.– Здесь же были другие лесные жители. Никто не может попасть в Туманную Долину просто так,– затем, подумав, она ответила самой себе:– Похоже, границы в Лесу стерлись.

Сашка кивнул.

– Это облегчит задачу для нас, но ребятам будет сложнее.

Им нужно будет вернуться в основную часть Леса.

– А вдруг нет?– девушка склонила голову.– Что если весь Лес – это Туманная Долина? Узкий участок земли, который каждый видел безмерно большим именно для себя?

– Но я же видел тот Лес – он реален. И Река... ее здесь нет. А там она была – огромная такая, уродливая и вонючая. Еще Заячья Маска ей так восхищался, что я удивился.

Женя вздохнула.

– Ладно, тогда идем. Уже нет разницы что и где находится.

– Заячья Маска наверно бы смог отыскать дорогу даже сейчас,– внезапно сказал Сашка.– Он же многое знал об этом месте.

Ушедшая было тревога, вновь вернулась к Жене. Горелый рассказал ей о том, что Алексей вызвал Владыку Леса на поединок. И от этого поединка зависело столь же много, сколько и от их нынешней миссии. Даже больше. «Боже, пускай у него все получится»,– не уставала повторять мысленно девушка.

Сашка несколько раз повернул голову из стороны в сторону, оглядываясь. На его лице читалось множество сомнений, однако он явно не хотел подвести всю их миссию и Женю в частности.

– Кажется, сюда,– пробормотал он и пошел в ту же сторону, откуда они недавно пришли.

На счастье, их поиски верного пути заняли не так много времени, как ожидалось. Женя едва поспевала за быстро шагающим длинноногим Сашкой, а когда тот наконец-то узнал местность вокруг и радостно вскрикнул, то ей и вовсе пришлось попросить его немного замедлиться.

Вскоре и сама она начала смутно угадывать знакомые контуры. Когда они встретили Горелого, Слепца и остальных, перед ними шел плавно вверх пологий холм, с которого, по Сашкиным словам, он спустился, когда бежал от обратившегося Алексея. А Озеро и Остров были «по левую руку и прямо слегка по диагонали».

Лес вокруг хмурился, бурчал и старался помешать. То и дело под ноги попадались толстые корни, визгливые тонкие ветки, что змеями обвивались вокруг щиколоток. Голова путалась во внезапно появившейся паутине, а руки царапались об колючие кусты.

Однако все заканчивается. Женя и Саша вышли на просторную поляну, где величаво колыхалась высокая болотно-зеленая трава, а почти в центре высились такие знакомые каменные идолы, что совершенно не поменяли своего внешнего облика после падения Нутра. А вот озера не стало. Ему на смену пришло жуткое море густой травы.

Женя ощутила мандраж. Сашка, остановившийся рядом, нервно одернул свою толстовку.

– Ну что, пойдём?– голос его предательски дрогнул, дал петуха.

А камни стояли молчаливыми высокими громадами и взирали на них во все свои темные, пугающие глаза. И сопели недовольно, как потревоженные старые генералы. Они вдруг представились самыми страшными врагами из всех, что Женя когда-либо встречала и встретит еще впредь.

– Надо,– пробормотала она и сделала шаг вперед.

Нога моментально утонула в мягкой, слизеобразной земле, а трава подобно щупальцам обвила лодыжку. Женя вскрикнула и схватилась за Сашкину руку. Он уперся ногами в землю и с трудом вытянул ее наружу.

А травяное море продолжало невозмутимо колебаться, делая невозможным дальнейший путь.

– Приплыли нах...– выдохнул Саня.– Закончилась наша дорога.

– Надо что-нибудь придумать,– на Жениной ноге все еще оставалось ощущение чего-то вязкого, будто она засунула ногу в ведро с мокрой глиной.

Идея пришла быстро. Она метнулась обратно в чащу, набиравала там мелкого валежника и всей охапкой кинула на траву.

– В каком-то фильме я видела, что так делают,– сказала она.– И это работает.

Сухие ветви действительно какое-то время лежали на земле, а затем с чавканьем скрылись в этом море.

– А сейчас не сработало,– констатировал Сашка.– Еще мысли?

Женю это сильно разозлило.

– А знаешь что? Я вот сейчас просто возьму и доберусь до этих проклятых камней!

– Что ты заду...

Девушка отошла на пару шагов назад, отодвинула левую ногу назад, наклонила корпус вперед и зло посмотрела прямо на каменные идолы. Трава под ними казалась несколько иной, чем на всей остальной поляне. Она была более темная, более жесткая, более надежная. «Если в этом чертовом месте все так и работает, то я сейчас буду там», – подумала Женя и рванула вперед, взметнув за собой комья мокрой земли.

Это было ощущение полета. Ее ноги почти не касались земли, а тело летело над зыбкой почвой проклятого леса, она даже будто видела эти черные голые макушки с высоты птичьего полета. Ее никто не поймает, и она победит всех.

Всего в несколько прыжков Женя оказалась возле каменных идолов. Со страхом она встала у одного из камней и, задержав дыхание, ждала, когда земля поглотит ее. Когда же этого не случилось, повернулась к Сане и радостно махнула ему рукой.

– Все отлично! – крикнула она и осеклась. На его лице был написан ужас.

– Сзади! – проорал он.

Женя успела обернуться буквально за миг до того, как Сердечница бросилась на нее с перекошенным лицом.

Удары Лесоцаря больно ранили. Они были тем неприятнее, что каждый свой удар посохом он сопровождал неприятными комментариями, напоминаниями о прошлой жизни Алексея.

– А помнишь, как-то раз в школе ты с одноклассниками хотел поехать в поход? А мать тебя не отпустила, потому что «нужно готовиться к олимпиаде»? Ты уже тогда хотел ее убить, ты уже тогда был ничтожеством!

– А помнишь Машу, одноклассницу из старших классов? Она отшила тебя, потому что ты никогда не приходил на свидания, занятый своими учебниками!

– А помнишь, как ты впервые ощутил удовольствие и заплакался?

Он знал все. Каждую деталь, каждый шажочек из жизни Алексея, все неприятные интимные подробности. Заячья Маска старался закрыть свое сердце, однако не получалось. Словесные удары были сильнее магических, а атаки воина с болезненно зудящей душой выходили совсем слабыми, нелепыми.

Ему было больно, и он видел, что каждый перенесенный им удар сильнее бил по лесным жителям, что столпились за его спиной и по бокам. Они поверили в него, доверили свою свободу.

– Не сдавайся!– прокричала Ткачиха, которая едва смогла подняться с земли.

– Освободи нас!– всхлипнула Льющая Слезы.

Его победа убьет их. Не будет больше Леса, не будет больше сахарного домика грез на зыбком песке мечтаний. Все знают это, пусть и не все готовы принять до конца, но они готовы на все.

Заячья Маска пошире распахнул свою пасть и бросился на Лесоцаря. Проверенный трюк, очень старый. В тот раз он бы помог, если бы не Сердечница. В этот же раз Лесоцарь и сам справился.

– Только глупые мыши попадают в одну и ту же ловушку дважды!– проревел он и нанес Заячьей Маске удар, после которого он отлетел в толпу зрителей и распластался по земле.

Лесные жители ахнули, а истинное обличье Алексея лежало на земле и хрипело, скулило как побитый щенок. Он испытывал огромную боль и едва мог снова подняться на ноги.

Меховой плащ зашуршал по серому травяному сухостою. Из раскрытой пасти голого лошадиного черепа вырывалось жуткое дыхание, будто заядлого курильщика затолкнули в скафандр. Флуоресцентные грибы на плече Лесоцаря сияли мертвенным синим пламенем.

– Никогда не думал, что мой помощник, мой преемник, столь ничтожен!– пророкотало существо.

Алексей не мог ответить.

– Это ты ничтожество!– прокричала Ткачиха, вырываясь из толпы зрителей.

– Молчать!– новый удар сорвался с наверхия рябинового

посоха и повалил паучиху на землю. На этот раз она затихла навсегда.

Заячья Маска тщетно пытался собрать все свои силы на то, чтобы встать. Даже пошевелиться было невозможно.

А Лесоцарь уже подошел ближе и навис прямо над ним.

– Пора тебе выучить свой последний урок, зубрила!

Саша с ужасом взирал на встречу двух девушек у каменных идолов. Он хотел броситься Жене на подмогу, однако травяное море заволновалось и стало напоминать лес из длинных паучих лапок, будто тысячи насекомых в один миг перевернулись на спины.

Он видел, что девушки разговаривают. Женя размахивала руками и трясла головой, а глаза Сердечницы были холодны и мертвы. «Алексей рассказывал о ней с такой теплотой, – подумалось Сане. – Но она совершенно не похожа на ту, что он описывал».

Сердечница снова ударила первой. После каких-то Женяных слов лицо ее перекосилось, и она бросилась вперед, Женя увернулась, однако с пальцев атакующей сорвался какой-то синеватый туман. Он ударил в лицо Сашкиной подруги, и он услышал ее крик.

– Женя! – выдохнул Саша и вновь поглядел на травяное море в надежде, что оно пропустит его вперед.

Девушки боролись друг с другом и будто бы пытались вытолкнуть оппонента в колыхающуюся, кровожадную траву.

– Женья!– закричал снова Сашка, однако придушил свой голос после первого же звука. Не нужно ее сейчас отвлекать.

Женья не справлялась. Сердечница была крупнее, сильнее и безжалостнее, и теснила девушку к самой траве. Она уже не пыталась нападать в ответ, а лишь отбивалась.

Сердце Сашки отчаянно болело. Он боялся за свою подругу.

Женья была все ближе и ближе к краю пропасти. Еще один шаг, и ее поглотит трава, отправит в беспощадное брюхо Леса.

Но внезапно Сердечница отступила. Зрачки ее расширились, и она отступила на шаг назад, а затем и вовсе хватилась за голову. По поляне разнесся ее горестный вопль.

Заячья Маска не мог принять такой конец. Столько бороться, чтобы быть просто растоптанным... нет, такого он не позволит!

– А ты помнишь всех детей, что ты сгубил?– выпалил он Лесоцарь остановился, его глаза злобно сверкали.

– И ты хоть раз смотрел в глаза родителям этих детей?– прошептала окровавленная волчья пасть.– И помнишь ли ты их имена? Название каждой загубленной жизни?

Лесные жители ахнули. Они не знали ничего о прошлом Лесоцаря. Лишь Изгоям, что прикоснулись к самому Дну Леса, были знакомы все черные дела его обитателей. И Заячья Маска решил воспользоваться этим.

Алексей собирал силы для последнего удара. Сейчас или никогда. Казалось, все его существо сжалось в одну точку, восстало против многолетней тирании и с бешеным криком устремилось вперед.

– Ты больше ни к кому не прикоснешься!– завопил он.

Сжигая самоё себя, Заячья Маска нанес Лесоцарю последний, самый мощный удар.

По лицу Сердечницы струились слезы. Содрогаясь, она отошла от Жени, а когда подняла свой взгляд, девушка вновь увидела свою нежную подругу.

– Что случилось?– выдохнула Женя.

– Он... погиб,– прошептали сухие, растрескавшиеся губы.

– Лесоцарь?!

– И он тоже...– Сердечница потрянула головой.– Леша погиб.

«Заячья Маска?»– сердце Жени ухнуло вниз.

– Как?

– Он уничтожил себя, чтобы мы все стали свободны. Вот такой он... Всегда был таким,– она улыбнулась сквозь слезы, и выглядело это ужасно.

– Эй,– Женя осторожно подошла к ней и положила руку на плечо.– Зато он победил, помог нам победить.

– Но что теперь *мне* делать? Вы сможете уйти, мы останемся на руинах нашего мира, а он... был моим мужем.

Последовала немая сцена. Женя не знала, что сказать, как

успокоить. Но, бросив взгляд на Сашку, она решила, что лучшим выходом сейчас будет просто уйти. Закончить дело, ради которого Алексей отдал свою жизнь.

Женя приблизилась к идолам, посмотрела на них с опаской. Эти молчаливые громады напоминали титанов, огромных, могущественных, пожирающих своих детей. Что делать? Подсознание подсказало ей, что нужно встать между идолами, упереться обеими руками в разные камни.

Встав так, она увидела Сашку. Он с отчаянием смотрел на нее, порывался, как и она, пробежать над морем травы и оказаться рядом, однако острые травинки безжалостно жалили его каждый раз, как он подходил к самому краю. Они были точно множество маленьких змеек. «Спасибо тебе, друг», – с нежностью подумала Женя.

Внезапно до нее донесся горестный вскрик. То Сердечница, последний раз всхлипнув, прыгнула в зыбкую траву. Она обвила ее тело, сделав похожей на древнеегипетскую мумию, и пожрала.

Быть может, именно так они с Заячьей Маской смогут стать счастливыми.

«Пора и нам домой», – подумала Женя и закрыла глаза.

Настроиться на камни было сложно. Девушка не знала, какой из идолов какую функцию выполняет, однако один из них грел душу теплыми воспоминаниями о солнечном тепле, бликах на стенах старого деревянного дома и шептал в уши ласковым бабушкиным голосом. Другой камень завывал

в уши зимней метелью, холодил сердце и заставлял думать о смерти. Третий камень пах цветущей черемухой по дороге в школу на последний учебный день перед долгими летними каникулами. А четвертый идол горчил на губах прелой листво́й, прыгал в руки осенними грибами и тяжелым рюкзаком с новыми тетрадами. Это было так странно, но так чудесно. Будто вся жизнь, со всеми ее прелестями и горестями сжалась в один маленький хрустальный шар, что держишь в руках и не хочешь выпускать и держишь его, сжимаешь немееющими пальцами, и улыбаешься до боли в скулах, до сведения мышц.

Но что-то резко вырвало из рук счастье и бросило в черную бездну. Лес сопротивлялся. Это аморфное, безрукое и безногое существо еще пыталось бороться. Женю вновь швырнуло в тот темный лес, где земля пожирала ее ноги, а в уши ввинчивались голоса стенающих душ, навсегда запертых в своих мечтах. Лесные жители, рыдающие, вопящие, обступили ее плотным кольцом.

– Ты уничтожила наши дома,— стенали из голоса.

– Ты разрушила наши мечты!

– Ты убила всех Изгоев!

Женя подалась назад, замотала головой.

– Я сделала это ради вас!— закричала она.— Чтобы вы были свободны.

– Ты сделала это ради себя. Чтобы исправить свою глупую ошибку,— кольцо вокруг нее сжималось все плотнее.—

Ты эгоистка, Женя.

– Да, ты эгоистка. Думаешь только о том, как плохо тебе. Хочешь быть счастливой ценой мечты других людей.

– И ты разбила сердце человеку, который пришел сюда за тобой,– прошептал тихий голос совсем рядом.– Ты и его уничтожила.

Это ее добило. Женя зарыдала, закрыла уши руками, не желая слушать этих глупых обвинений. Или же... они правы? Ведь все, что случилось с окружающими, случилось по ее вине. Если бы не она, Сашка сейчас был дома, а все эти люди продолжали бы жить и радоваться своим мелким мечтам и желаниям.

В ушах зазвенело. Сквозь слезы Женя бросила взгляд за спины лесных жителей и увидела, как Заячья Маска прижимает к дереву Сердечницу, а в руках его блестит окровавленный нож.

Близились гроза. Холодный ветер завывал в кронах тополей, поднимал с тротуара во дворе мелкий мусор, взметнул до третьего этажа белый пакет-майку. Весь небольшой город накрыла плотная шапка серой тучи. Где-то недовольно пробурчал дед-гром, а за несколько секунд до этого сверкнула золотыми сережками легкомысленная внучка-молния.

Ирина сидела на кухне и пила чай. В окно врвался ветер, ерошил диффенбахию на окне, приподнимал край старой, затертой клеенки на столе.

Сегодня она не ходила в больницу. Проснувшись утром, Ирина долгое время лежала на диване и разглядывала потолок. Он казался грязным и низким. Без Жени вдруг вся квартира стала для нее гадкой, а кот Тишка –наглым и бесполезным. Жить больше не хотелось, и пускай теперь ее оставшаяся почка закончит свое дело, отравит организм, и он умрет в муках.

Телефон зазвонил через полчаса после того, как должна была начаться очередная процедура гемодиализа. Звонили из больницы. Ирина засунула телефон под подушку. Звонки повторялись еще несколько раз на протяжении десяти минут, а спустя еще полчаса начали пикиать мессенджеры. Писала ее лечащий врач, а по совместительству еще и когда-то одноклассница. «Ира, ты где?» «У тебя сегодня диализ, не забыла?» «Возьми трубку». А затем последнее сообщение, которая она не смогла дочитать во всплывающем окошке уведомлений: «Ира, я понимаю, что ты пережива...»

Ирина отбросила телефон подальше, зарылась в одеяло и снова заснула.

Проснувшись она к обеду и ощутила слабость и тошноту. День за окном заволокло надвигающейся грозой. Едва добравшись до кухни, женщина заварила черный чай с пакетика и уселась за стол. Пускай ее найдут так, в пижаме, с кружкой чая в руках.

Тишка истошно кричал, выпрашивая корм, но миска была полной. Ирина отогнала наглого кота и упала на стол. Она не

знала, отчего ей хуже: от дурных мыслей или от того, что ее организм убивал сам себя.

Внезапно грохотнул гром, и в его звуке послышался плач.

– Женья?– выдохнула Ирина, вскидывая голову.

Похоже, послышалось.

Кот обиженно мявкнул еще раз на пороге кухни и пошел прочь. Ирина последовала за ним, оставив на столе кружку, из которой сделала едва ли глоток.

Она вошла в Женину комнату и осторожно села на кровать. Погладила нерасправленное одеяло, провела рукой по взбитой подушке. Постель манила к себе, и Ирина поддалась ее искушению. Теперь ее сон больше походил на болезненное забытье.

Она вновь оказалась в том темном месте, где когда-то повстречала странного незнакомца. Здесь ее тело было полно сил и молодой энергии. Ирина закрутила головой по сторонам в надежде снова отыскать того паренька. Может он поможет ей найти Женью? Но его так и не нашлось. Зато в какой-то момент, обходя одно дерево за другим, Ирина услышала плач издалека, и узнала в нем свою дочь.

– Женья!– закричала она.

Ноги побежали по мягкой, топкой земле.

– Женья!

Плач немного утих, зашуршали чьи-то голоса.

– ЖЕНЯ!

– ...мама?– глухо отозвался голос ее девочки.

Ирина заплакала, но продолжила бежать.

– Женя! Женя!!

– ... ра!– внезапно вкрутился посторонний голос и громкий, настойчивый стук во входную дверь квартиры.– Ира! ИРА!!!

– Женя...– прошептала Ирина сквозь свое забытьё, и улыбнулась, ибо поняла, что ее любимая дочь скоро вернется домой.

Женя не знала как, но ее мать была *здесь*, в Лесу. Когда-то Лесоцарь грозился ей, что они уничтожат ее мать, что заманят ее сюда. Эта хрупкая больная женщина, больше похожая на бумажную куклу здесь... Но это не могло быть правдой!

– Не позволю!– взревела она прямо в отвратительные лица лесных жителей.

Она не стала смотреть на Заячью Маску, снова и снова возникающего нож в сердце своей жены. Закрыла глаза и воззвала: «Слепец! Горелый!... Курильщица! Рыбак! Смеюны! Где вы?!» Она надеялась, что таким образом сможет связаться со своими помощниками.

И они отозвались.

– Женя, наконец-то!– воскликнула в ее голове Курильщица.– Я добралась до гор.

– Я на своих болотах, нашел тот огромный валун,– промолвил Слепец.

– Доча,– прокряхтел Рыбак.– А я на каменном берегу, с

которого смотрел на рыбок-то.

– Я у лесной арки,– сказал Горелый.

– А мы на Иллюзорных Лугах!– прокричали Смеюны.–

Здесь столько камней!

Сердце Жени застучало во сто крат сильнее обычного.

– Тогда покажите им всем, как ненавидите это место, и как хотите вернуться домой! Уничтожим Лес!– и она ударила первой.

Эпилог

Подходил к концу август. Есть некая прелесть в самом конце лета. Дни становятся короче. Леса, сады и огороды ломятся от даров природы, а люди стремятся жить и хватают каждый миг ускользающего тепла.

На тихой, заболоченной речушке за крошечным таежным поселком, никого. Только квакает одинокая лягушка, прыгает по воде шустрая водомерка, да огромные стрекозы летают над самой водой и в зарослях прибрежной травы, спеша сделать кладку яиц.

Но вдруг на берегу показываются два подростка. Они идут друг за дружкой, перекидываются шутками и смеются. А затем и вовсе – о наглость! – расстилают на берегу старое одеяло и рассаживаются на нем, нарушая тихое уединение природы.

– Представляешь, как обалдеет Мария Викторовна, когда снова увидит наши лица!– расхохоталась девушка. На ней легкие джинсы, а немного отросшие волосы собраны сзади в трогательный хвостик.

– О да, она снова закатит глаза и тааак выдохнет,– паренек тряхнул темными кудрями и откинул голову назад.

– Знаешь, может и неплохо, что мы снова будем ходить в одиннадцатый класс,– после недолгого молчания произнесла она.– Сможем лучше подготовиться к ЕГЭ.

– И получим клеймо второгодников.

Девушка посерьезнела.

– Главное, что мы вернулись домой, а остальное – неважно, – она растянулась на одеяле.

Над головой плыли беззаботные барашки облаков, белоснежные, пушистые – такие глупые и наивные. Совсем непохожие на темное неподвижное небо в Лесу.

– Думаешь, мы были там на самом деле? – спросил Сашка. – Может, мы действительно просто заблудились в лесу за городом, как все решили? Или может, надышались теми самыми химикатами?

Они вернулись в город со стороны парка, что уходил склоном в лес. Кое-как поднялись на холм, оборванные, грязные и уставшие и повалились на ту самую скамейку, где когда-то сидела Женя. Там ребят увидели прохожие и сразу узнали в них пропавших подростков, чьи лица смотрели с каждого городского столба. Путь из Леса до города не помнил ни один из них.

– Даже если и так, то Лес все равно есть внутри каждого из нас, – девушка неопределенно пожала плечами.

– Неужели мы все-таки смогли окончательно разрушить его?

– Я надеюсь.

– А что с теми, кто остался? Они все умерли вместе с Лесом? – Сашка нервно теребил длинную травинку пахучеколосника.

– Не знаю. Но те, кто нам тогда помог, все погибли. Я слышала, как они кричали, когда камни разрушились, – Женя вздохнула, разглядывая облака и бесстыже-голубое небо, прикрытое их брюшками. – Как и Заячья Маска с Сердечницей. Как и Изгой.

– Как твоя мама? – Сашка быстро перевел разговор на другую тему.

– Ей уже лучше, – Женя улыбнулась. – Ходит гулять каждый день, прибирается дома, помогает бабушкам во дворе полоть цветы на клумбах. Ей сейчас очень хорошо. Правда, тетя Надя все еще звонит ей перед каждым диализом и сильно ругается, но это ничего. Теперь все за ней приглядывают, а мама и счастлива, что снова не одна. Да и... отец снова живет с нами.

– Она его простила?

– Да.

– А ты?

– Нет.

Он голодал. Столько дней не было свежей пищи. Все покинули его, ушли или умерли. Лес остался один, беспомощный и жалкий.

Текли дни, недели, годы. Он лежал в абсолютной пустоте, пытаясь создать хоть что-нибудь. Сил не было. Но он мог наблюдать. С жадностью он смотрел за жизнями тех, кто разрушил его собственные. Они улыбались, смеялись, грусти-

ли, но всегда преодолевали свои житейские невзгоды. Он их ненавидел.

Но в какой-то момент во тьме его существования забились новая жила. Она пульсировала, билась и источала тепло. Лес, дрожа, прикоснулся к этой жиле.

Где-то в тиши ночи в разгромленной кухне плакала женщина.

Конец черновика

23.06.2023 14:04